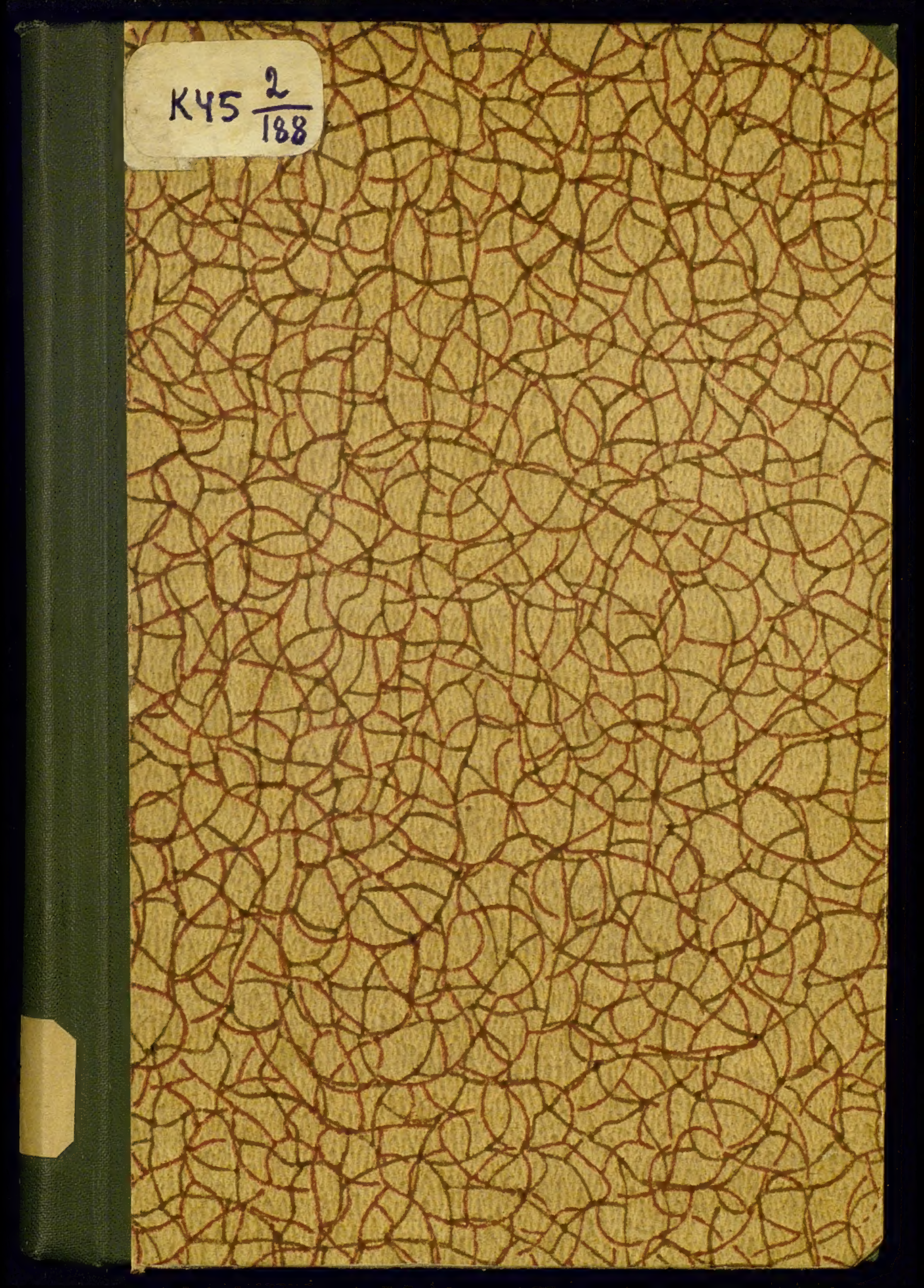
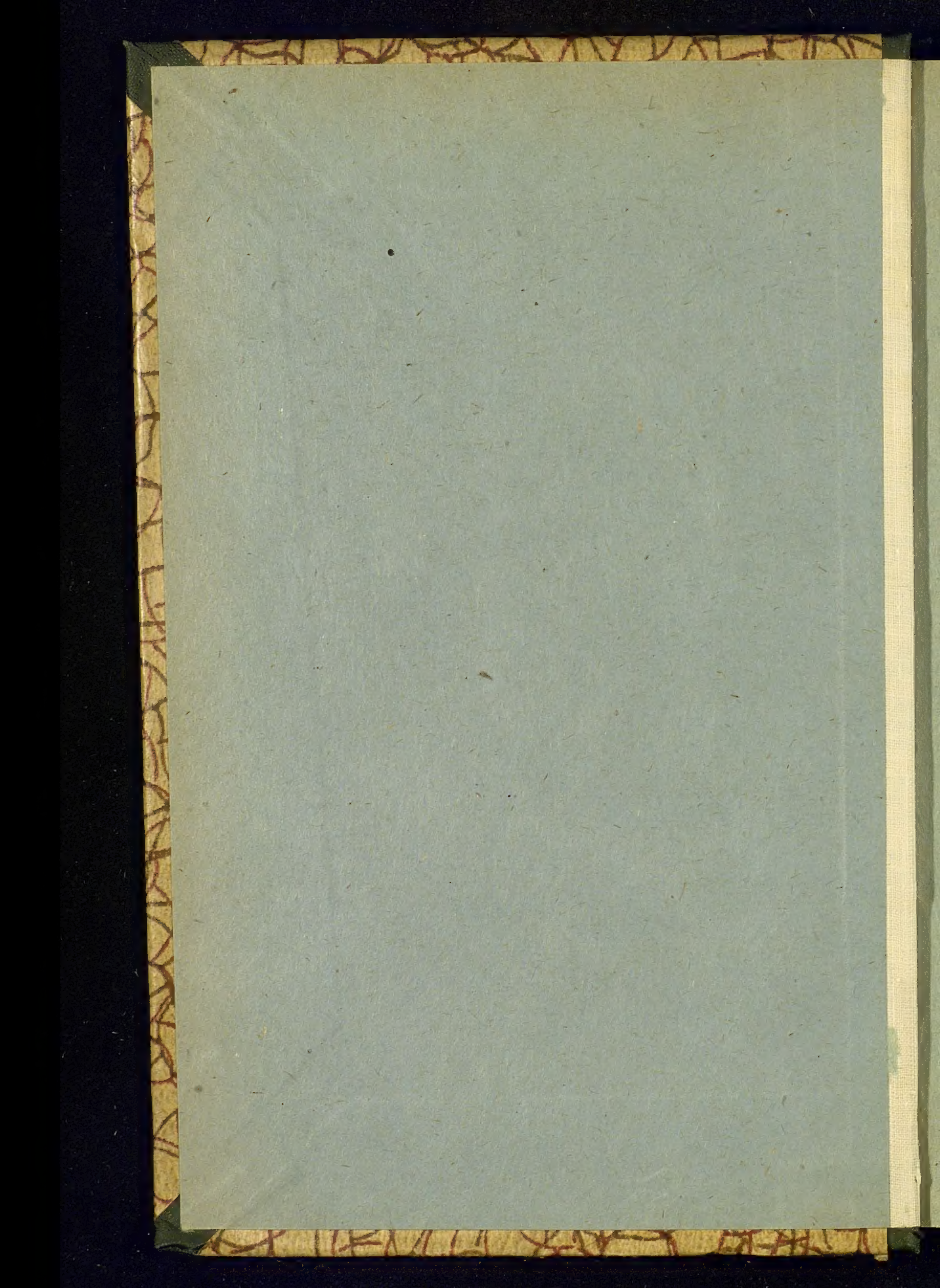
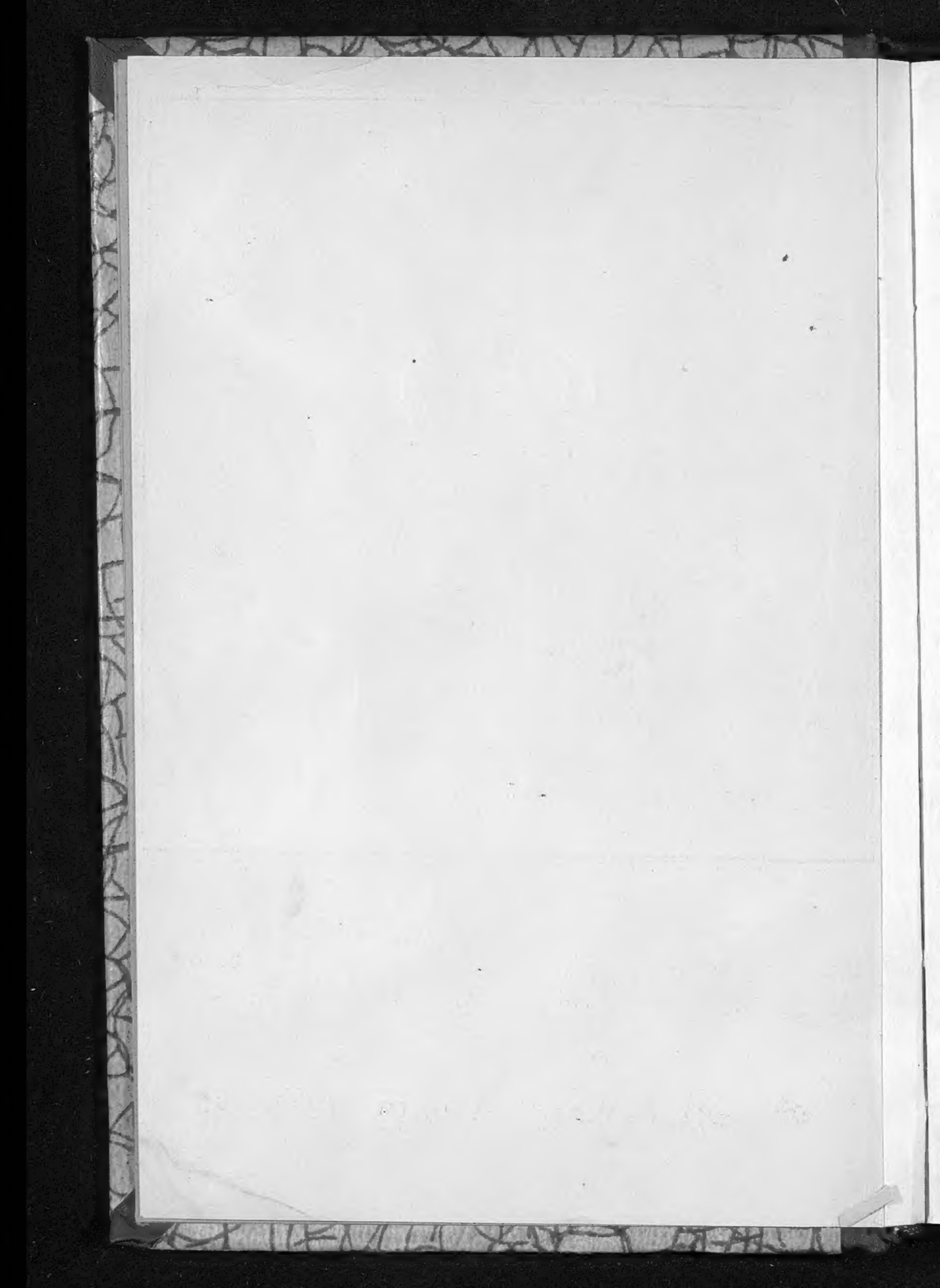

K45 2/188

ВЪ ТЫЛУ

ВЪ ТЫЛУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

АЛЬМАНАХЪ

кассы „ВЗАИМОПОМОЩЬ" студентовъ Рижск. Политехн. Института.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, АННА АХМАТОВА, Проф. Ѳ. БАТЮШКОВЪ, Акад. засл. проф. В. БЕХТЕРЕВЪ, ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ, Акад. проф. П. ВАЛЬДЕНЪ, Акад. В. ВЕРНАДСКІЙ, З. ГИППІУСЪ, С. ГРУЗЕНБЕРГЪ, Н. ГУМИЛЕВЪ, С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, В. ДАВЫДОВИЧЪ, Проф. Ѳ. ЗѢЛИНСКІЙ, Д. КОЙГЕНЪ, БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ, Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ, Я. ОКУНЕВЪ, А. РЕМИЗОВЪ, Проф. Е. ДЕ-РОБЕРТИ, В. ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ, Ю. СЛЕЗКИНЪ, ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ, ТЭФФИ, Прив.-доц. М. ЦЕНТНЕРШВЕРЪ, Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ пользу жертвъ войны (50%) и недостаточныхъ студентовъ Рижскаго Политехн. Института (50%).

Книгоиздательство бывш. М. В. ПОПОВА.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 66.
1915.

:: :: :: ТИПОГРАФІЯ :: :: ::
АКЦ. ОБЩ.
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
ПЕТРОГРАДЪ, ПРАЧЕШНЫЙ, № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Далекими кажутся подъ отзвуки войны всякіе литературные, эстетическіе, философскіе и научные интересы. Какъ-то внезапно изъ-за стрясшейся надъ міромъ катастрофы оборвалась идейная жизнь, но мысль человѣка по инерціи продолжаетъ свою работу, и подъ предсѣдательствомъ академика Лависса съ участіемъ Бергсона, Дюркгейма и др. въ Парижѣ образовался особый комитетъ для всесторонняго изслѣдованія причинъ войны и ея послѣдствій въ грядущемъ будущемъ.

Предлагаемый вниманію читателей альманахъ представляетъ рефлексъ потуговъ міровой мысли, одинъ изъ многочисленныхъ снимковъ момента и не даромъ названъ «Въ тылу».

Въ настоящее время новая переоцѣнка цѣнностей, совершающаяся на нашихъ глазахъ, еще не окончилась, и съ несомнѣнной ясностью очевидно лишь одно: 19 іюля пр. г. умеръ старый міръ, и прежней Европы нѣтъ больше. Она вся горитъ, и пламя не щадитъ ни античныхъ преданій, ни готическихъ стилей. Въ великихъ, неслыханныхъ мукахъ рождается новый міръ, вѣчный миръ, новый ренессансъ, новая весна человѣчества, какъ думаютъ одни, или лишь новое, злополучное status quo, какъ предполагаютъ другіе. И иногда кажется, что правы тѣ, кто въ видѣ парадокса утверждаетъ, что мы, люди тыла, оставшіеся гдѣ-то позади, и тамъ каждый по-своему вносящій свою лепту въ общее дѣло, по окончаніи войны будемъ представлять своеобразную археологическую цѣнность: вѣдь мы будемъ послѣдними представителями старой, сгорѣвшей культуры, ея положительныхъ и отрицательныхъ традицій... Но и люди тыла переживаютъ эволюцію, и ее-то хотѣлось зафиксировать.

Лишь самыя глубокія, самыя общія явленія, касающіяся, философскихъ основъ нашей культуры, нашли отраженіе въ альманахѣ. Славянское возрожденіе, объективное выясненіе философскихъ обоснованій германскаго «активизма», начавшееся отрезвленіе народа, грандіозная попытка, не знающая себѣ примѣра въ исторіи—таковы основные мотивы его. Нѣсколько статей и стихотвореній посвящены Бельгіи. Введеніемъ въ альманахъ служитъ рядъ стихотвореній и небольшихъ разсказовъ, проникновенно передающихъ переживанія и настроенія момента. Пробудившемуся въ русскомъ обществѣ желанію эмансипироваться отъ зависимости отъ заграницы посвящены нѣсколько статей научнаго характера. Заканчивается альманахъ «письмомъ рядового», любезно предоставленнымъ З. Н. Гиппіусъ . . . .

. . . .

Въ переживаемую великую историческую эпоху какъ-то особенно часто вспоминается Ромэнъ Роланъ, и вмѣстѣ съ нимъ хочется вѣрить и повторить: „mourons pour rénaître" . . . .

. . . .

Труды и «невзгоды» по «организаціи» альманаха раздѣлялъ со мною А. И. Крауклисъ.

. . . .

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность акад. проф. П. И. Вальдену за его цѣнные совѣты и нравственную поддержку.

М. А. БЛОХЪ.

Петроградъ, 1 Мая 1915 года.

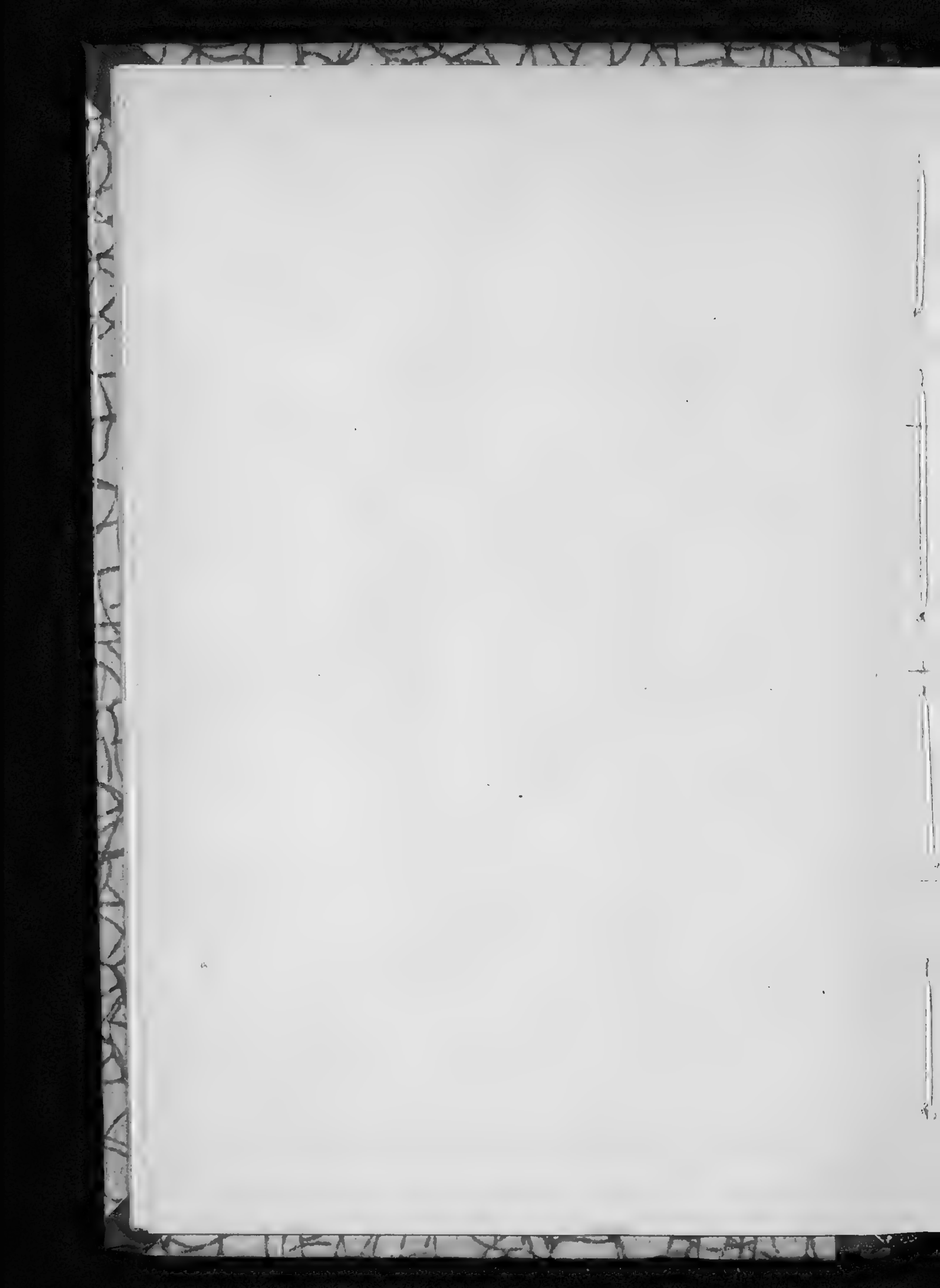
Отъ кассы „ВЗАИМОПОМОЩЬ“ студентовъ Рижскаго Политехническаго Института.

Касса «ВЗАИМОПОМОЩЬ» студентовъ Рижскаго Политехническаго Института считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубочайшую признательность всѣмъ ученымъ, литераторамъ и писателямъ, любезно согласившимся принять участіе въ этомъ сборникѣ. Далѣе, Касса приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовавшимъ изданію Альманаха.

Нелегкое дѣло составленія настоящаго сборника взяли на себя инженеръ-технологъ Максъ Абрамовичъ Блохъ и Альфредъ Ивановичъ Крауклисъ, за что совѣтъ Кассы «Взаимопомощь» высказываетъ имъ сердечное спасибо.

Предсѣдатель: *П. А. Фоллякъ.*

Секретарь: *В. Токаревъ.*

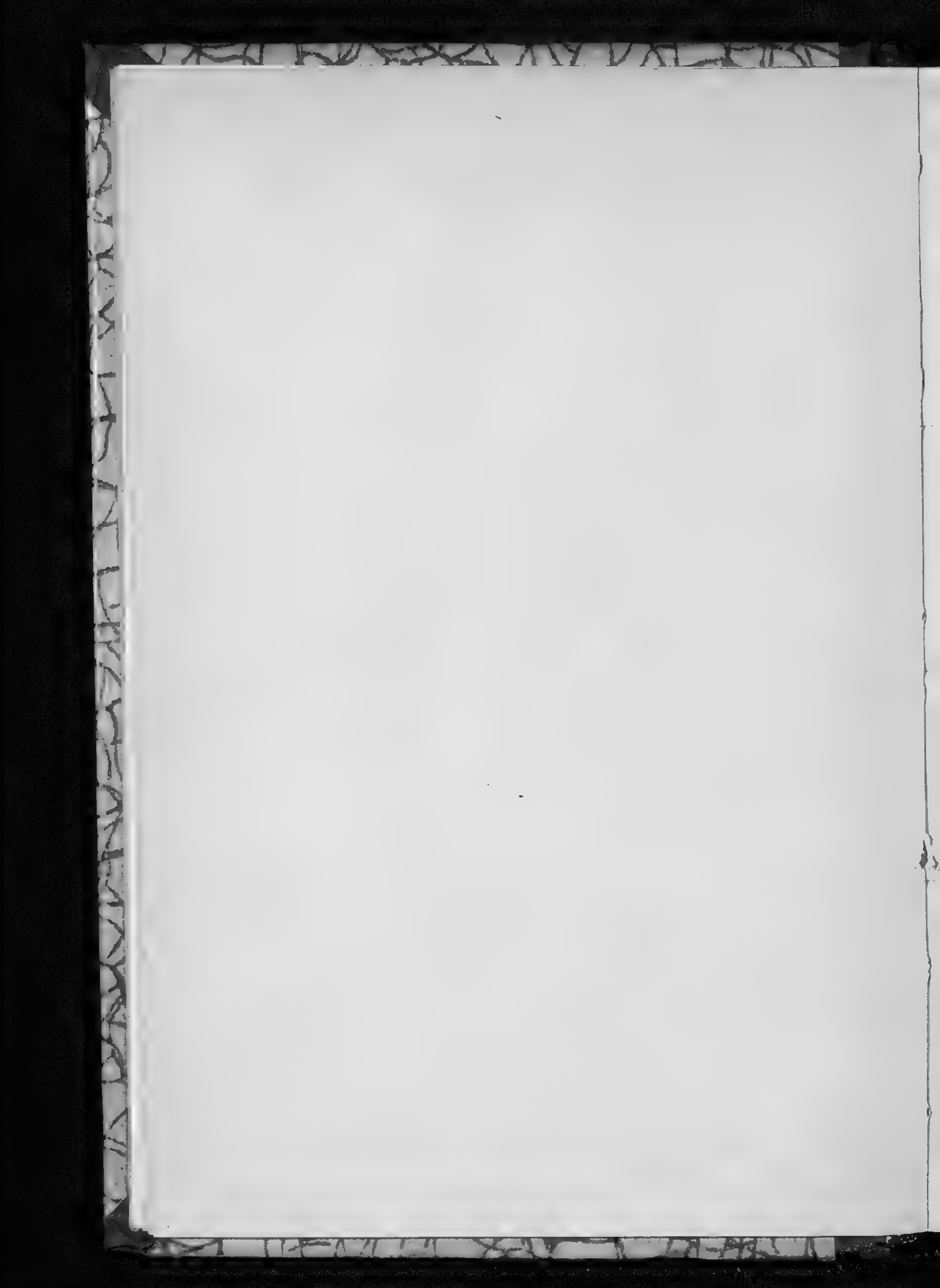

ВЕСНѢ.

З. Р.

Радостные, бѣлые, бѣлые цвѣты...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты...
Въ сердце наше бѣдное, въ сердце загляни...
Близкихъ нашихъ, Господи, близкихъ сохрани!

З. ГИППІУСЪ.

Въ лазаретѣ.

Вынесъ я дикую тряску
Трудныхъ дорогъ...
Сдѣлали мнѣ перевязку...
Я изнемогъ.

Стѣны вокругъ меня стали,
Съ тьмою слиты.
Очи твои засіяли,—
Здѣсь, милосердная, ты.

Въ тихомъ забвеніи жизни,
Зла и страстей,
Радъ я вернуться къ отчизнѣ
Вѣчной моей,

Но, отъ меня заслоняя
Муку и зной,
Тихой улыбкой сіяя,
Ты предо мной.

Тихо шепнула три слова:
«Ты не умрешь»,—
Сердце повѣрить готово
Въ нѣжную ложь.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Знаю я,—во всей вселенной
Нѣтъ иного бытія.
Все, что плачетъ и смѣется,
Все и всюду я.

Оттого и отдается
Больно такъ въ душѣ моей
Все, что слезы вызываетъ
На глаза людей.

* * *

Власяница. Ноги босы.
Разметались косы.
Заструились слезы.

Власяница—и молитва.
Завтра вспыхнетъ битва.
Развернутся розы.

Власяница, слезы, стоны.
Заунывны звоны.
Злая будетъ сѣча.

Власяница, утомленье.
Горькое моленье.
Милый другъ далеча.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Стихи.

Іюль, 1914.

I.

Можжевельника запахъ сладкій
Отъ горящихъ лѣсовъ летитъ...
. . . .
. . . .

Не напрасно молебны служились,
О дождѣ тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанныя поля.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

II.

Пахнетъ гарью. Четыре недѣли
Торфъ сухой по болотамъ горитъ...
Даже птицы сегодня не пѣли,
И осина уже не дрожитъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Только нашей земли не раздѣлитъ,
На потѣху себѣ, супостатъ:
Богородица бѣлый разстелетъ
Надъ скорбями великими платъ».

АННА АХМАТОВА.

Утѣшеніе.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.
Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожарами, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ,
Уже не будетъ потерь;
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

АННА АХМАТОВА.

Наступленіе.

Та страна, что могла быть раемъ,
Стала логовищемъ огня.
Мы четвертый день наступаемъ,
. . . .

... не надо яства земного
Въ этотъ страшный и свѣтлый часъ,
Оттого, что Божіе слово
Лучше хлѣба питаетъ насъ.

И залитыя кровью недѣли
Ослѣпительны и легки...
Надо мною рвутся шрапнели,
Птицъ быстрѣе взлетаютъ клинки.

Я кричу, и мой голосъ дикій—
Это мѣдь ударяетъ въ мѣдь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые,
Иль воды гнѣвныхъ морей,
Золотое сердце Россіи
Мѣрно бьется въ груди моей.

О, какъ бѣлы крылья побѣды,
Какъ безумны ея глаза!
О, какъ мудры ея бесѣды,
Очистительная гроза!

И какъ сладко рядить побѣду,
Точно дѣвушку, въ жемчуга,
Проходя по дымному слѣду
Отступающаго врага.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Новорожденному.

С. Л.

Вотъ голосъ, томительно-звонокъ...—
Зоветъ меня голосъ войны,—
Но я радъ, что еще ребенокъ
Глотнулъ воздушной волны.

Онъ будетъ ходить по дорогамъ,
И будетъ читать стихи,
И онъ искупитъ предъ Богомъ
Многіе наши грѣхи.

Когда отъ народовъ—титановъ,
Сразившихся, дрогнула твердь,
И въ грохотѣ барабановъ
И въ трубномъ рычаньѣ—смерть,—

Лишь онъ сохраняетъ сѣмя
Грядущей мирной весны,
Ему обѣщаетъ время
Осуществленные сны.

Онъ будетъ любимцемъ Бога,
Онъ пойметъ свое торжество,
Онъ долженъ! Мы бились много
И страдали мы за него.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Война.

Какъ собака на цѣпи тяжелой,
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжатъ шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный медъ.

А вдали «ура»—какъ будто пѣнье
Трудъ дневной окончившихъ косцовъ.
Скажешь—это мирное селенье
Въ самый благостный изъ вечеровъ.

И поистинѣ вѣрно и свято
Дѣло величавое войны:
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.

Тружениковъ, медленно идущихъ
На поляхъ, омоченныхъ въ крови,
Подвигъ сѣющихъ и славу жнущихъ,
Нынѣ, Господи благослови,

Какъ у тѣхъ, что гнутся надъ сохою,
Какъ у тѣхъ, что молятъ и скорбятъ,
Ихъ сердца горятъ передъ Тобою,
Восковыми свѣчами горятъ.

Но тому, о Господи, и силы
И побѣды царскій часъ даруй,
Кто поверженному скажетъ: «милый!
Вотъ, прими мой братскій поцѣлуй».

Н. ГУМИЛЕВЪ.

БѢЛАЯ ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣлыя одежды.

Первая со злобой ликовала:
«Та одежда плѣннымъ пригодится—
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы ихъ страданьемъ насладиться».

А вторая дѣва говорила:
«Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибаетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый».

И шептала тихо третья дѣва:
«Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ,
Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ?»

Усмѣхнулась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила:

«Радуйся, воистину воскресшій!
Скорбь Твоихъ страданій утолится:
Нынѣ сшита кроткими руками
Чистая Христова Плащаница».

ТЭФФИ.

Стихи въ ненастный день.

«Въ ненастный день взойдетъ,
как солнце.
Моя вселенская душа»...
Заключительныя строки «Громокипящаго кубка».

I.

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить—безконечный—безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:
Жизнь—въ нашей власти: мы дотолѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.
Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть—малодушіе твое.
Я не могу себѣ представить
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой!
Какъ можно этотъ міръ оставить,
Молчать, истлѣть, не быть собой.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Я смѣлъ, и прямъ, и простъ, и свѣтелъ,
И смерти явно я бѣгу.
Я всѣхъ простилъ, я все привѣтилъ,
А большаго я не могу.

Стихи.

Что значить жить? Для васъ, не знаю...
Жить для меня—вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благославляя новый день.
Искать Ее, не уставая,
И пѣть, и мыслить, и дышать,
Какія нови въ чарахъ мая,
Какая въ новяхъ благодать!
И сколько нови въ чарахъ мая,
Вѣдь столько жъ пѣсенъ впереди,
Живи, живое восторгаясь!
Отъ смерти мертвое буди!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Современность.

I. Послѣдняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надежды возникъ?
. . . .
. . . .

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтасаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ,—
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

2. Старый вопросъ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной,
Передъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грёзъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Стихи.

Случайные гости! орда,
Пришедшая съ Камы и Оби,
Что яростью дышитъ всегда,
Все губитъ въ безсмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испытаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели Невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ мы—славине! Инымъ
Донынѣ ль нашъ родъ ненавистенъ?
Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! Священный союзъ
Ты видишь, надменный германецъ!
Не съ нами ли свободный французъ,
Не съ нами ли свободный британецъ!

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явимъ предъ ликомъ вѣковъ,
Въ чемъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій,
Мы старый рѣшаемъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ!

3. Польшѣ.

Орелъ одноплеменный
... Вѣрь слову русскаго народа!
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!
Ѳ. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
Не наше ль время прозрѣвалъ,
Когда «орелъ одноплеменный»
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

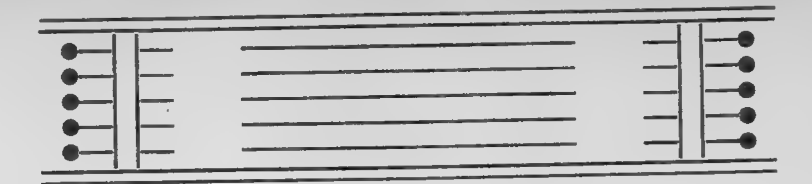
Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та и наша общая свобода,
Какъ фениксъ, правитъ свой полетъ.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
Подъявшій вмѣстѣ съ нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возгласъ: «Лазарь, встань!»

Ты, бывшій мертвымъ въ этомъ мірѣ,
Но тайно памятный Судьбѣ,
Ты—званый гость на нашемъ пирѣ,
И первый нашъ привѣтъ—тебѣ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Странный законъ.

Онъ такъ извѣстенъ, что я не назову ни города, гдѣ онъ живетъ, ни его спеціальности. Выдуманной фамиліи тоже не хочется давать. Просто ученый, профессоръ. Далеко не старый, живой, веселый въ обществѣ, съ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Мы съ нимъ связаны еще университетскимъ товариществомъ, а потомъ—длительной, спокойной дружбой, хотя никогда не жили въ одномъ городѣ. Въ мою сѣверную столицу онъ пріѣзжаетъ не часто; но мнѣ въ голову бы не пришло проѣхать мимо того мѣста, гдѣ онъ живетъ, не завернувъ къ нему; и это случается почти каждый годъ. Анна Кирилловна, жена его, образованная, энергичная женщина, очень къ нему подходитъ. Она создала образцовое училище, такъ-называемое, «коммерческое», для дѣтей обоего пола, очень самостоятельно и хорошо вела его. Лѣтомъ ѣздила за-границу, изучая постановку школьнаго дѣла во Франціи и Англіи. Анна Кирилловна казалась мнѣ въ одно и то же время и настоящимъ человѣкомъ, и настоящей матерью. Это такъ рѣдко!

Своихъ дѣтей у нихъ трое—три сына.

Мы съ профессоромъ не переписывались. Съ прошлаго Рождества не видались. И вдругъ вечеромъ неожиданно встрѣтились здѣсь, на берегахъ Невы, въ знакомомъ домѣ.

Къ пожилой графинѣ Марьѣ Игнатьевнѣ я часто теперь захожу. Тихо тамъ, полутемно, и кажется, что это паутина печали, нависшая по угламъ, затѣняетъ свѣтъ.

Странный законъ.

Графиня вяжетъ что-то длинное, грубое, сѣрое, склонивъ проборъ къ лампѣ, вяжетъ и блѣдная Нидочка съ испуганными глазами—все на войну. Саша, сынъ единственный, радость, ушелъ на войну. Бросилъ университетъ—ушелъ. И все въ гостиной графини полно Сашей, войной и печалью.

Гостей не бываетъ. Развѣ зайдетъ посидѣть, кромѣ меня, о. Владиміръ, сѣдой, добрый священникъ, что неподалеку живетъ, крестилъ Сашу и Нидочку и стараго графа хоронилъ.

Въ этотъ вечеръ онъ тоже пришелъ. А другой гость—мой профессоръ!

Мы отъ неожиданности какъ-то особенно обрадовались другъ другу. Выяснилось, что профессоръ пріѣхалъ «по дѣлу», безъ конца хлопоталъ, уѣзжалъ, сегодня только опять вернулся, благополучно окончивъ «дѣло», а домой—черезъ два дня.

— Завтра бы непремѣнно былъ у тебя,—сказалъ, тихо усмѣхаясь, пощипывая черную бородку.—А раньше никакъ не могъ. Такое ужъ «дѣло».

— Да какое же?

Марья Игнатьевна вздохнула, не поднимая головы, и о. Владиміръ вздохнулъ, и Нидочка вздохнула.

О. Владиміръ сказалъ:

— Какія у насъ теперь дѣла? Провожаемъ близкихъ на великую войну, вотъ наши дѣла.

Я вдругъ вспомнилъ. Смутно, однако, слышалъ, что старшій сынъ профессора, Костя, долженъ былъ держать какой-то экзаменъ на вольноопредѣляющагося... Были разговоры, но мелькомъ, вскользь, давно, какъ о неважномъ. Я мало зналъ о дѣтяхъ профессора.

— Ахъ, Костя! Неужели Костю взяли? Вѣдь, дѣйствительно, ему теперь за двадцать...

— Что ты, милый,—ласково остановилъ меня профессоръ.—Причемъ Костя? Онъ ужъ полтора года казачьимъ офицеромъ; а теперь пять мѣсяцевъ на передовыхъ позиціяхъ. Пока живъ, здоровъ.

— Вотъ тебѣ на! Такъ неужели Волю?.. Да вздоръ! Волѣ пятнадцать лѣтъ...

— Шестнадцать,—поправилъ профессоръ.—Нѣтъ, Воля дома, занимается. Ваню я, младшаго, устраивалъ. Ему тринадцать лѣтъ, оттого такъ и трудно было уладить. Ужъ я ко всякой протекціи прибѣгъ. Пришлось самому въ Варшаву везти. Правдами-неправдами приспособилъ его къ знакомому одному офицеру. Удовольствія-то сколько!

Я слушалъ онѣмѣвъ. А Марья Игнатьевна стала даже улыбаться. Какъ будто ей легче было отъ того, что у профессора такое же горе, да еще тяжеле: два сына на войнѣ, и даже тринадцать лѣтъ одному!

— Онъ—здоровый мальчикъ, большой, сильный,—продолжалъ профессоръ.—Сразу сталъ рваться. На Костю похожъ. Тотъ и до войны только о военной службѣ и могъ думать.

Профессоръ говорилъ это со спокойной и тихой ясностью, какъ что-то совершенно естественное, давно обдуманное и понятое. А я, признаться, не опомнился. Надо было знать профессора и его жену, какъ я ихъ зналъ. дѣтей я, правда, не зналъ, но вѣдь это были ихъ дѣти! И онъ самъ повезъ ребенка... Что же Анна Кирилловна?

— Каково матери-то, — произнесъ о. Владиміръ, будто угадывая мои мысли.—Дитя молодое...

Профессоръ улыбнулся.

— Конечно. Но моя жена понимаетъ, что есть непреложные законы жизни, недостаточно изслѣдованные, навсегда, можетъ быть, закрытые; но непобѣдимые,—законы исторіи и жизни.

Я заволновался.

— Постой какіе законы! . . . . Чтобы не справиться съ ребенкомъ... Самъ повезъ... Не понимаю.

— Да зачѣмъ же мнѣ съ нимъ справляться? У него было влекущее желаніе къ опредѣленному дѣлу, такъ же, какъ у Кости. Къ другимъ оба они совершенно неспособны. Дѣло это сейчасъ очень нужное. Если Ваня слегка опоздалъ родиться—не его вина. Зато онъ очень развитъ физически, силенъ и смѣлъ.

— Великія, великія дѣла совершаются!—покачалъ головой о. Владиміръ.

— Позволь,—не унялся я.—Что значитъ «ни къ чему другому неспособенъ?» Учился, что ли, плохо? Это—твой сынъ? А средній, Воля?

Воля — обыкновенный мальчикъ, хорошаго ума и развитія. А Костя и Ваня—подзаконные. Ты не понимаешь? Ну... не знаю, стоитъ ли объ этомъ... Достаточно сказать что изъ троихъ моихъ сыновей, въ однихъ условіяхъ и тѣми же людьми воспитанныхъ, двое оказались къ воспитанію невоспріимчивыми, а средній шелъ обыкновеннымъ путемъ. И Костя и Ваня одинаково тупѣли отъ всякой книги, не интересовались ничѣмъ, кромѣ развѣ прикладныхъ знаній. Типичные «послѣдніе ученики». Было бы глупой жестокостью ломать ихъ. Это — законъ природы, путь исторіи.

— Опять законъ? Какіе пути исторіи?

— Пути Господни неисповѣдимы, — покорно вставилъ о. Владиміръ.

А профессоръ неохотно сказалъ:

— Да, это—странный законъ. Есть такіе законы и пути, пожалуй, неисповѣдуемые... И, однако, реальность ихъ несомнѣнна.

— Какой же законъ, профессоръ?—блѣдно улыбнулась Марья Игнатьевна, поднявъ глаза отъ вязанья.—Я не совсѣмъ васъ понимаю. Можетъ быть, это слишкомъ спеціально, и мы, непосвященные...

— О, вовсе нѣтъ! — вдругъ оживился профессоръ.— Напротивъ, научно это почти еще необосновано. Вещь очень несложная; . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Позвольте, я поясню: когда наступаетъ война — вотъ сейчасъ, напримѣръ, — то

оказывается, что главная масса народа, въ возрастѣ именно 20—25 лѣтъ, состоитъ какъ разъ изъ индивидуумовъ, наилучшимъ образомъ къ этому дѣлу приспособленныхъ, на это дѣло годныхъ . . . . Германія—примѣръ яркій, но спорный. Германію, при желаніи, можно такъ обернуть: германцы хотѣли, войны и сами готовили ее въ своихъ дѣтяхъ. Это, конечно—поверхностный взглядъ; я и не беру одну Германію, или даже одну эту войну; мы говоримъ о всемъ человѣчествѣ и обо всей исторіи. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

— Постой, постой! — пытался я перебить, но профессоръ уже не слушалъ.

. . . .

. . . .

. . . . . Ваня опоздалъ немного родиться, но по качеству, по всему своему составу, онъ—именно эта океаническая капля; или сольется съ другими, или даромъ высохнетъ. Также и старшій, Костя. Да оглянитесь вокругъ себя, только внимательно; мало вы видите такихъ сейчасъ капель? Вспомните время предъ войной, вспомните безплодіе, томленье, метанье молодыхъ слоевъ Европы — и Россіи! И это — внѣ соціальныхъ разграниченій, спуститесь, куда угодно; . . . .

. . . .

. . . . причина была одна, вѣчная, законная: готовилась великая борьба, но она еще не наступила, опредѣленныя силы не находили своего истиннаго приложенія, не вошли въ русло... И преобразились, едва вошли. Костя и Ваня—мои дѣти? Дѣти исторіи, дѣти временъ ея прежде всего. Они родились не для меня, не для себя, а для той міровой борьбы, которая должна была неотвратимо наступить. Оба они, и большой Костя и Ваня, опоздавшій родиться, просіяли, углубились, измѣнились, такъ счастливы были, тѣ же слова повторяли: «Пойдемъ

умирать за родину!». А средній, Воля, тихо смотритъ, тихо говоритъ: «Мнѣ жить придется послѣ войны». Онъ въ свое время родился, ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно, родился для себя, для жизни послѣ войны. Такъ оно есть... Таковъ странный законъ человѣческихъ судебъ... И мнѣ съ нимъ бороться?

Онъ всталъ, взволнованный. Онъ не замѣтилъ, что Марья Игнатьевна давно опустила вязанье и смотрѣла на него непонимающими, но . . . . оскорбленными материнскими глазами. Испуганно, растерянно слушалъ о. Владиміръ.

. . . .

. . . .

. . . .

Она положила вязанье и поспѣшно, закрывъ лицо платкомъ и путаясь въ шлейфѣ чернаго платья, вышла изъ комнаты. За ней тотчасъ выбѣжала и Нидочка.

Профессоръ сразу смолкъ и удивленно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, а потомъ перевелъ глаза на насъ съ о. Владиміромъ.

О. Владиміръ покачалъ сѣдой головой.

— Сколь вы неосторожно,—произнесъ онъ съ сожалѣніемъ.—Да. Ученыхъ законовъ не знаю, а вижу, сколь дерзновенно ученые судятъ.

— Да что же я сказалъ такого, батюшка? — смѣшавшись началъ профессоръ.—Я просто изложилъ общія, многимъ извѣстныя, наблюденія.

— Дерзновенно это, весьма дерзновенныя наблюденія.

. . . .

. . . .

. . . .

Профессоръ молчалъ. И видъ у него былъ, какъ у ребенка, который виноватъ, но не знаетъ, въ чемъ виноватъ.

Запахивая полу рясы, о. Владиміръ прибавилъ:

— Да ужъ ничего, пойду разговорю ее, графинюшку.

. . . .

. . . .

— Простите, батюшка,—сказалъ кротко профессоръ,—можетъ быть, и не слѣдовало этого говорить здѣсь. Я не зналъ. Мы съ женой, съ Анной Кирилловной, много объ этомъ бесѣдовали. И она—мать. Законы мiровые она видитъ, только всѣ называетъ законами Господними, непонятными, иногда страшными для насъ, но благими.

О. Владимiръ пошелъ успокаивать Марью Игнатьевну, а мы съ профессоромъ—домой.

Но не хотѣлось домой. Долго еще бродили вмѣстѣ по тихимъ, оснѣженнымъ улицамъ, и профессоръ мнѣ разсказывалъ о странномъ законѣ мiрового провидѣнья и приготовленья. Долго еще говорили мы о тайнѣ времени, о . . . . человѣчествѣ, обо всемъ младенческомъ мiрѣ и о непостижимой, суровой, но благой Божьей заботѣ—о землѣ.

Когда-нибудь я вернусь къ этимъ разговорамъ, къ профессору, къ его дѣтямъ, къ странному, глубокому закону—къ войнѣ.

Когда-нибудь—не теперь.

З. ГИППIУСЪ.

СОЛДАТЪ.

(Народная сказка).

I.

Служилъ солдатъ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлъ и трудился, во сколькихъ бояхъ побывалъ, ужъ смерть какъ на него зубы точила, да Богъ миловалъ, цѣлъ остался. А вернулся, нѣтъ у него ни угла, ни крова, три сухаря въ сумкѣ,—доживай вѣкъ, какъ знаешь!

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

Вотъ ходитъ онъ день, и другой, и третій, кончилъ всѣ сухари, и, хоть ложись да протягивай ноги, нѣтъ больше силъ...

И видитъ солдатъ, идетъ ему навстрѣчу человѣкъ, такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

— Куда глаза глядятъ, добрый человѣкъ!—и разсказалъ солдатъ всю свою жизнь, какъ служилъ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлъ и трудился.

— Ну, правильно ты прожилъ, солдатъ, въ семъ вѣкѣ, ступай въ царство небесное!

А это самъ Господь былъ.

Поблагодарилъ солдатъ за такую милость.

«Вотъ когда поживу-то!» — и пошелъ по дорожкѣ направо.

Долго ли, коротко ли, достигъ солдатъ райскаго мѣста.

И ужъ такая тамъ благодать: какія поля, какіе луга!— ходитъ солдатъ, только диву дается. Насмотрѣлся, наглядѣлся всякихъ чудесъ, покурить захотѣлось, а табаку ни

крошки. Вотъ онъ и туда заглянетъ, и сюда зайдетъ,— зданія все огромадныя, какъ дворецъ, ни одной лавчонки.

А шли изъ лѣсочка праведные старцы. Солдатъ къ нимъ:

— Покурить больно хочется, нельзя ли какъ, старички, табаку раздобыться?

— Какой такой табакъ! Что ты, солдатъ, нешто тутъ этимъ балуются?

И такъ его пощуняли, ужъ не радъ, что связался.

Сильно солдату досталось.

А курить смерть хочется.

«Можетъ, гдѣ его тайная продажа есть?»—да мѣстностей-то онъ не знаетъ и спросить ужъ боязно.

II.

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

И опять ему навстрѣчу тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Что это ты, солдатъ, голову повѣсилъ? Или тебя кто обидѣлъ?

А то самъ Господь былъ.

— Терпѣнья нѣтъ, курить хочется.

— Ну, коли такъ, ступай по той вонъ дорожкѣ: тамъ все есть!

Поблагодарилъ солдатъ, повернулъ налѣво, да скорѣй въ путь.

А ужъ бѣсы бѣгутъ навстрѣчу, лапками такъ и разметываютъ. И припекать стало, да солдату что,—видывалъ и не такое: одинъ вошиный зубъ чего стоитъ!

Обступили бѣсы, жужжатъ, что пчелы.

— Что тебѣ, солдатъ, угодно? Да не надо ли чего? Да мы все тебѣ, что хочешь! Рады служить! Приказывай!

Солдатъ отъ нихъ отбиваться,— летѣли бѣсы, какъ пули,— ну, гдѣ на землю приляжетъ, гдѣ ползкомъ. Какъ ни какъ, добрался до самаго пекла.

— Дайте,—говоритъ,—мѣстечко, передохну малость.

Тутъ его бѣсы подъ-ручки, посадили въ уголъ, вродѣ, какъ у плиты жаркой.

— А что, табачишко найдется? — спросилъ солдатъ бѣсовъ.

— Есть! Сколько хочешь!

— Да, не хочешь ли папиросовъ?

— Все равно, что есть, то и ладно.

И натащили бѣсы махорки — страсть! Кури, сколько влѣзетъ.

Покурилъ солдатъ хорошо, и вздумалось ему вздремнуть съ пути. Да только это дѣло не сладилось. Стали бѣсы его прижимать: кто за руку дернетъ, кто за ногу, кто коготкомъ погладитъ. Онъ ужъ что-что ни дѣлалъ, нѣтъ, лѣзутъ!

День прошелъ, и другой прошелъ, и сталъ пообвыкать солдатъ въ пеклѣ. Табакъ, слава Богу, есть, и опять же тепло, жить можно, и одно только тошно: ужъ очень пристаютъ. И пустился на выдумки, какъ бы такъ оградиться отъ нечистой силы.

Вотъ взялъ солдатъ шнуръ, вынулъ кусочекъ мѣлку, намѣлилъ шнуръ и давай мѣрить пекло.

III.

Сначала-то бѣсы ничего, только подъ руку подталкивали, а потомъ смекнули, должно быть, что затѣваетъ солдатъ неладно, подскочилъ одинъ чортъ...

— Что ты,—говоритъ,—солдатъ дѣлаешь?

— Развѣ ослѣпъ, не видишь, мѣряю: церкву хочу поставить. У васъ тутъ и помолиться негдѣ.

Какъ бросится чортъ къ главному чорту.

— Дѣдушка, погляди-ка, солдатъ-то что выдумалъ, хочетъ церкву у насъ поставить!

Поднялся самъ, пошелъ провѣрить.

И правда, трудится солдатъ, ползаетъ со шнуркомъ— пекло мѣритъ: хочетъ въ пеклѣ церкву поставить!

— Онъ еще и насъ заставитъ молиться!—захныкали бѣсы.

Ну, сейчасъ же отрядилъ главный бѣсъ пословъ въ небесное царство съ жалобой на солдата.

— Какого солдата прислали въ пекло! Хочетъ церкву поставить! Нешто это возможно, въ пеклѣ—церква!

— А зачѣмъ такихъ къ себѣ принимаете?—сказали въ царствѣ небесномъ.

— Да возьмите его отъ насъ!—просятъ бѣсы.

— А какъ его взять, разъ онъ самъ пожелалъ.

Такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— Что намъ теперь, бѣднымъ, дѣлать, закадитъ, замолитъ насъ солдатъ!—завопилъ самъ ихъ главный.

Тутъ, откуда ни возьмись, выскочилъ одинъ бѣсенокъ,—пискунъ называется, такъ востроносенькій.

— Сдери,—говоритъ,—дѣдушка, съ меня кожицу, натяни барабанъ и пускай съ барабаномъ выйдетъ кто за ворота и забьетъ тревогу: солдатъ живо самъ уйдетъ.

Вѣдь какую умную штуку придумалъ, даромъ что и званія-то—пискунъ!

Содралъ дѣдъ съ бѣсенка кожу, натянулъ барабанъ.

— Смотрите жъ,—наказываетъ чертямъ,—выскочитъ солдатъ изъ пекла, и сейчасъ запирайте ворота, а то еще, чего добраго, опять ворвется,—и ужъ пропадай съ нимъ!

IV.

Забили черти тревогу.

Солдатъ, какъ услышалъ барабанный бой, да сломя голову бѣжать изъ ада, всѣхъ чертей распугалъ, словно бѣшеный. Выскочилъ за ворота.

А имъ только того и надо,—ворота хлопъ, и заперлися.

Осмотрѣлся солдатъ: никого, и тревоги больше не слышно. Повернулъ назадъ, торкнулся,—заперто. Давай стучать.

— Отворяйте, черти! Ворота сломаю!

А они изъ-подъ воротни только хвостиками помахиваютъ:

— Нѣтъ, братъ, дудки! Ступай, куда хочешь, намъ безъ тебя веселѣе. Не пу-устимъ!

Куда теперь солдату?

Славу Богу, что еще кисетъ съ чертячьей махоркой цѣлъ! Покурилъ солдатъ съ горя и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ, шелъ и повстрѣчался ему тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

— И самъ не знаю. Выперли меня черти.

— Ну, куда-жъ я тебя, Устиновъ, дѣну? Послалъ въ царство небесное—не хорошо, послалъ въ адъ,—и тамъ не поладилъ.

— Да хоть на часахъ гдѣ постоять!

— Ладно, становись у тѣхъ вратъ, видишь. Да смотри, зря никого не пускай.

А это самъ Господь былъ.

Самъ Господь ко своимъ вратамъ небеснымъ поставилъ на часы солдата.

Поблагодарилъ солдатъ и пошелъ, сталъ на часы.

И вотъ идетъ... глазища выпятила, зубы оскалила.

— Кто идетъ?

— Смерть.

— Куда?

— Къ Богу.

— Зачѣмъ?

— За повелѣніемъ, кого морить прикажетъ.

— Погоди,—остановилъ солдатъ,—самъ пойду, спрошу!

V.

А было повелѣніе отъ Господа Бога, чтобы три года морила смерть самый старый людъ.

Солдату жалко,—стариковъ стало жалко.

Вышелъ и говоритъ смерти:

— Ступай, смерть, по лѣсамъ, грызи три года самый старый дубъ.

Заплакала смерть:

— И за что Господь такъ прогнѣвался,—посылаетъ дубы грызть!

А ослушаться не смѣетъ и побрела въ лѣсъ. И три года шаталась тамъ, въ лѣсу тамъ, выбирала вѣковые дубы, подгрызала ихъ подъ корень, три года трудилась ночь и день.

Изошли три года, и воротилась смерть къ Богу.

— Зачѣмъ опять?—остановилъ солдатъ.

— За повелѣніемъ, кого Господь прикажетъ морить.

— Погоди, я самъ пойду!

И было повелѣніе отъ Господа Бога три года морить смерти молодой народъ.

А солдату жалко: братьевъ вспомнилъ,—вѣдь всѣхъ ихъ уморитъ смерть.

Вышелъ и говоритъ смерти:

— Ступай назадъ, три года точи молодые дубки. Такъ Господь приказалъ.

Заплакала смерть:

— И за что, Господи, на меня гнѣваешься!

А ослушатся нельзя: не по своей волѣ смерть смертію по міру ходитъ, не сама беретъ, а повелѣнное. И побрела въ лѣсъ и три года точила молодые дубки, измаялась.

Изошли три года, вернулась смерть за повелѣніемъ.

И въ третій разъ не допустилъ ее солдатъ, самъ пошелъ.

А было повелѣніе отъ Господа Бога три года смерти младенцевъ моритъ.

Жалко солдату,—ребятишекъ жалко.

И велѣлъ солдатъ смерти итти ей въ тотъ самый лѣсъ, три года по кустикамъ лазить, заячью долю ѣсть.

— Господи, за что ты меня мучаешь!—заплакала смерть, а пошла, и три года по кустамъ питалась листьями, извелась вся: извѣстно, не заяцъ, на листочкахъ-то долго не продержишься!

Идетъ... едва ноги передвигаетъ. Вѣтеръ подуетъ— такъ отъ вѣтру и валится.

— Ну,—думаетъ,—расцарапаюсь съ солдатомъ, а дойду сама до Господа Бога. Девять годовъ Онъ меня наказуетъ!

Солдатъ окликнулъ.

Молчитъ, лѣзетъ на крыльцо.

Тутъ солдатъ ее за горбушку. А та его косяшкой. И такой поднялся шумъ, не дай Богъ.

VI.

И выходитъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный.

— Что такое?

А это самъ Господь былъ.

Упала смерть Ему въ ноги.

— Господи! За что на меня прогнѣвался? Девять годовъ я мучаюсь, по лѣсамъ таскаюсь: три года вѣковой дубъ грызла, три года дубки точила, три года глодала листики.

А солдатъ винится: проститъ его Господь, очень ужъ жалко ему народа!

И повелѣлъ Господь девять годовъ носить смерть солдату на закоркахъ, кормить орѣхомъ, чтобы смерть поправилась.

И тотчасъ смерть такъ и сѣла верхомъ на солдата.

А солдатъ—дѣлать нечего, Божье повелѣніе!—встряхнулъ ее и повезъ. Ужъ возилъ онъ ее, возилъ по лѣсу, у орѣшенья нажралась смерть орѣхами.

— Вези,—кричитъ костлявая,—прокати меня, солдатъ, по дубравушкѣ, — и залопотала что-то по своему, пѣсню, что-ли смертную.

Пѣсня-то пѣсней, Богъ съ нею, пускай себѣ, да трудно съ такою ношей, а крѣпится — повелѣнное надо исполнить.

Пріостановился солдатъ, вытащилъ изъ-за голенища кисетъ, закурилъ.

Увидала смерть.

— Солдатъ, дай и мнѣ покурить!..

А солдатъ ей кисетъ, развязалъ.

— Полѣзай, — говоритъ, — и кури, сколько хочешь.

Извѣстно, смерть въ чемъ-въ чемъ, а на счетъ табаку плохо, и что и къ чему, ничего тутъ не понимаетъ.

И юркнула въ кисетъ.

А солдатъ, не будь дуракъ, закрутилъ кисетъ, да за голенище. И ужъ налегкѣ пошелъ опять ко вратамъ небеснымъ, сталъ на часы, какъ ни въ чемъ не бывало.

И идетъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный, увидѣлъ солдата.

— А смерть гдѣ?

— Со мной.

— Гдѣ съ тобой?

— Да за голенищей.

— А ну, покажи!

Солдатъ мнется: выскочитъ смерть изъ кисета, засядетъ на закорки и носи ее.

— Покажи, я тебя прощаю.

Солдатъ вытащилъ кисетъ, развязалъ.

А смерть — у! такъ и скаконула на него, прямо на плечи.

— У, солдатикъ!

И повелѣлъ Господь Богъ смерти уморить солдата.

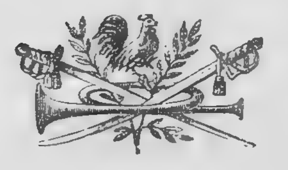
Соскочила смерть на землю.

— Ну, солдатъ, слышалъ?

— Слышалъ, такая воля Божья! Стало быть помирать надо.

Тутъ его смерть и уморила.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Муки Адовы.

(РАЗСКАЗЪ).

Пришелъ къ батюшкѣ дьяконъ въ состояніи чрезвычайной угрюмости. Человѣкъ и вообще видомъ мрачный,— сутулый, черный, молчаливый, имѣвшій привычку выражаться кратко, но словами тяжелыми и зловѣщими,—онъ былъ подобенъ теперь осенней тучѣ, наполнившей комнату сыростью и туманомъ. Молча, не здороваясь, съ видомъ лунатика прошелъ онъ къ дивану, грузно усѣлся и впалъ въ неподвижность. На вопросъ же удивленнаго батюшки: что съ нимъ?—отвѣчалъ загробнымъ голосомъ:

— Муки адовы!

Батюшка сначала не понялъ и еще больше удивился, но по краткомъ размышленіи сообразилъ и произнесъ съ укоризною:

— Дьяконъ, дьяконъ... ты неисправимъ: воистину, горбатаго лишь могила исправитъ.

— Гдѣ же это видано,—мрачно нахмурился дьяконъ,— чтобы горбатыхъ живьемъ въ могилу клали для исправленія? А меня положили!

Онъ поднялъ на батюшку мутный взглядъ.

— Съ просьбой къ вамъ: отпустите въ градъ нѣкій.

— Въ какой градъ?

— Вавилонъ!

Батюшка зналъ, что дьяконъ звалъ Вавилономъ губернскій городъ. Но городъ лежалъ въ семидесяти верстахъ, тащиться въ него по черноземнымъ дорогамъ въ осеннюю распутицу было не легко, и батюшка никакъ не могъ понять: зачѣмъ понадобилось дьякону въ городъ.

Видя недоумѣніе его, дьяконъ добавилъ:

— Говорятъ, тамъ достать можно...
— Что?
— Толику малую!
Батюшка внезапно оживился.
— Кто говоритъ?—быстро спросилъ онъ.
— Мнихъ проѣзжій.
— Значитъ, онъ и съ собою везъ?
— Былъ запасъ... да еще дорогою прикончилъ, нечестивецъ!
— Тебѣ-то и не пришлось?—улыбнулся батюшка.
Дьяконъ тяжко вздохнулъ.
— Токмо ликомъ его полюбовался.
— Хорошъ?
— Яко радуга!
Батюшка смѣялся.
Но потомъ впалъ въ задумчивость и засновалъ по комнатѣ, держа руки на животѣ и играя пальцами.
Дьяконъ внимательно наблюдалъ за нимъ.
— Какъ же, батюшка? Рцыте слово...
Хмурился.
— Отпустите?
Батюшка вразъ остановился.
— Нѣтъ, нѣтъ! — съ поспѣшностью вскричалъ онъ твердо и рѣшительно.
— По какой первопричинѣ?
— Самъ знаешь. Ужъ разъ сказано: аминь!—подчиниться надо. Слово сіе въ переводѣ значитъ: истинно. Какъ же я противъ истины пойду?
— Вамъ-то и ходить не надо... я схожу.
— Не могу я тебя отпустить... не могу!—взволновался батюшка,—думаешь ли, что и я не терплю лишенія? Развѣ я идолъ каменный, безъ плоти и крови? Но пойми: какое время переживаемъ... бѣды и напасти на отечество! Возстали филистимляне и амаликитяне, яко древле на народъ божій. Мы ли не должны примѣръ подавать терпѣнія и воздержанія въ сіи трудные дни? Взгляни окомъ твоимъ окрестъ: какая настала тишина, села не узнаешь, — нѣтъ

дракъ, нѣтъ безумнаго гоготанія. Мы ли, стоящіе на горѣ, нарушимъ тишину сію?

Онъ совсѣмъ обезпокоился.

— Да и до благочиннаго дойдетъ... до владыки... что скажутъ?!—вскричалъ онъ,—нѣтъ, нѣтъ не искушай меня, духъ лукавый... изъ головы выбрось! Пора намъ съ тобой подумать и о душѣ...

Едва батюшка упомянулъ о душѣ, какъ дьяконъ всталъ: онъ постоялъ нѣкоторое время въ неподвижности и, молча не прощаясь, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Куда-жъ ты... дьяконъ?

Дьяконъ мрачно произнесъ отъ порога:

— Вкушай вкусихъ мало меда... и се азъ умираю.

— Мало... сорокъ лѣтъ жралъ!

— А кому былъ вредъ?

И онъ ушелъ.

Напрасно батюшка останавливалъ его и убѣждалъ напиться вмѣстѣ чаю. Дьяконъ хорошо зналъ батюшкины чаи. Прежде, когда чай былъ «съ прибавленіемъ», батюшка былъ веселъ и говорилъ на веселыя темы, теперь же, пія чай въ сухомятку, батюшка говорилъ только о душѣ. А дьяконъ терпѣть не могъ разговаривать о душѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что люди, задумывающіеся о душѣ, обязательно съ ума сходятъ.—«Мы грѣшники,—говорилъ онъ,—во грѣхахъ родились, во грѣхахъ умремъ... и въ пламень адскій пойдемъ всеконечно... Къ чему же всуе и о душѣ говорить, коли жить попрежнему?» Такъ сорокъ лѣтъ прожилъ онъ «попрежнему», шествуя въ мірѣ съ мрачнымъ видомъ, но веселыми ногами. Каждый день походилъ на всѣ другіе дни. Приходъ былъ богатый. Едва дьяконъ утромъ вставалъ, мрачно откашливался и, умывшись, выходилъ къ чаю, ужъ его поджидалъ кто-нибудь со свадьбой или другой приходской требой: на столѣ лежалъ румяный калачъ, дьяконица разсматривала на свѣтъ кумачный платокъ.

— А благое приношеніе?—вопрошалъ дьяконъ.

Мужикъ весело отвѣтствовалъ.

— Есть!

И, доставъ изъ кармана, ставилъ приношеніе на столъ рядомъ съ калачомъ.

Тогда дьяконъ говоритъ милостиво:

— Присаживайся!

Бралъ приношеніе и ударомъ о ладонь вскрывалъ его. Наливалъ по полному стакану себѣ и просителю, присоединяя изрѣдка и дьяконицу.

Выпивалъ и говорилъ:

— Рододендронъ!

Откуда выкопалъ дьяконъ такое слово, никому не было извѣстно, но выражало оно высшую степень удовольствія. Хотя и продолжалъ дьяконъ смотрѣть на міръ мрачнымъ окомъ, но міръ мѣнялъ передъ нимъ, какъ по волшебству, лицо свое. Все сѣрое куда-то исчезало: въ окна улыбался веселый день, дали становились голубыми, а потомъ сверкающими, манящими къ себѣ. Да и вся природа облекалась въ сверкающую и веселую одежду, всякій звукъ въ ней говорилъ о чемъ-то утѣшительномъ. Даже темныя тучи, тяжелой пеленой плывшія по небу, рождали веселыя сравненія: то походили онѣ на рукава дьяконицевой шубы, то на безвредныхъ драконовъ и страшилищъ, разѣвавшихъ беззубые рты. Когда же въ небѣ сверкало солнце, то хотѣлось шевелить руками и ногами, пуститься въ какой-нибудь нелѣпый плясъ, отъ чего удерживало дьякона только уваженіе къ своему сану. И естественнымъ, совершенно понятнымъ казалось дьякону, что люди весело смѣются и имѣютъ лица довольныя, когда онъ съ мрачнымъ и зловѣщимъ видомъ произноситъ свои загадочныя слова. Ибо все ликовало и сверкало внутри дьякона за мрачной завѣсой его зловѣщаго вида. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ уходилъ день, сверканіе это только возрастало. Свершая хожденіе по приходу, въ жаркихъ хатахъ мужиковъ, мрачно вопія ко Господу своимъ могучимъ басомъ, дьяконъ нетерпѣливо ожидалъ того вожделѣннаго момента, когда начнется любовное угощеніе. Прочно усѣвшись близъ ведернаго самовара и озирая столъ съ закусками, онъ говоритъ хозяину, прищуривъ лѣвый глазъ:

— Нацѣди-ко изъ сего стекляруса!

Привѣтственно поднималъ рюмку.

— До-му сему, живущимъ въ немъ, и первоприсутствующимъ... вамъ... и намъ... число лѣтъ маѳасуиловыхъ.

Чокался, выпивалъ, мрачно крякалъ и зловѣще говорилъ:

— Р-рододендронъ!!.

Мало-по-малу, сверканіе міра переходило въ какія-то веселящія волны, на которыхъ дьяконъ плылъ и уплывалъ. И отъ всего исходили эти волны: отъ неба неслись голубыя, отъ лѣса зеленыя, отъ рѣки серебристыя. Онѣ струились вокругъ дьякона, пронзая и колыхая его тѣло, веселя и радуя, превращая весь міръ въ фантастическое царство веселыхъ хатъ, смѣющихся улицъ и необыкновенно всюду милыхъ людей. Дьяконъ готовъ былъ обниматься и лобызать всѣхъ вокругъ себя, — такими всѣ ему казались милыми и хорошими, съ лицами, сверкающими весельемъ и добротой. Лишь останавливало его отъ этого сознаніе, что сану его приличествуетъ степенность. Иногда, впрочемъ, дьяконъ не выдерживалъ, забывалъ о степенности и въ какомъ-нибудь дружескомъ кругу, въ разгаръ веселья, пускался въ нелѣпый и мрачный плясъ, напоминавшій танецъ дикихъ вокругъ плѣнника, предназначеннаго къ съѣденію. Случалось это, однако, уже въ тотъ критическій моментъ, когда всѣ волны сливались въ одинъ сплошной туманъ, багрово-тусклый, полный видѣній неустойчивости и всеобщаго колыханія міра. Тогда изъ тумана выплывало круглое и милое лицо дьяконицы... и дьяконъ уплывалъ и погружался вмѣстѣ съ нею въ какія-то фантастическія и блаженныя бездны.

И вдругъ... все это переломилось.

Внезапно!

Изсякло веселое море живой воды, изсякло, словно его и не было.

Сначала дьяконъ ничего не могъ сообразить, ходилъ, какъ оглушенный. Все ему казалось, что видитъ онъ тягучій сѣрый сонъ, отъ котораго не можетъ проснуться.

И онъ мрачно крутилъ головой, какъ бы въ чаяніи разбудить себя. Но время шло, а сѣрый сонъ продолжался. Сѣрое небо тяжело склонялось надъ сѣрою землею, и дьяконъ не узнавалъ больше міра: все вокругъ стало сѣрымъ, печальнымъ, тусклымъ, лишеннымъ цвѣтовъ и красокъ, слѣпымъ, беззвучнымъ, нѣмымъ. Придавленными къ землѣ стояли молчаливыя избушки, крива и грязна была сельская улица. Тоска и ужасъ томили дьякона при видѣ этой сѣрой пустыни міра, какъ бы придавленной чьей-то тяжелой и безжалостной рукой. Не узнавалъ онъ больше и людей: тѣнями, печальными, безмолвными, какъ будто никогда и не знавшими улыбки, проходили они передъ нимъ, подобно призракамъ сна. Удручающая забота глядѣла съ каждаго лица, каждое слово было пропитано заботой. Кошмаромъ вѣяло отъ неба и земли и некуда было схорониться. Подобно мрачному выходцу изъ могилы, ходилъ дьяконъ по приходу,—не ходилъ, а, вѣрнѣе, слонялся: все у него валилось изъ рукъ, безжизненно звякало кадило, голосъ сталъ однотоненъ и какъ бы мертвъ.

Не находилъ онъ себѣ мѣста.

Не зналъ куда отъ себя уйти!

Никакъ не могъ понять: чему радуется дьяконица? Дико смотрѣлъ на нее и говорилъ:

— Вскую гогочешь?

— Да вѣдь какъ же, милый, подумай,—ликовала дьяконица,—какое зло изъ міра провалилось! Кабы навсегда осталось такъ-то!

Дьяконъ угрюмо и глухо говорилъ:

— А я?

— И тебѣ будетъ, милый, хорошо... привыкнешь!

Дьяконъ вставалъ черной тѣнью.

Мрачно басилъ:

— Умру!!

И уходилъ изъ дому.

Искалъ уединенія, блуждалъ по околицамъ, стоялъ подъ дождемъ среди чернаго поля и былъ доволенъ, когда туманъ заволакивалъ весь міръ: какъ будто сливалась съ

этимъ сѣрымъ туманомъ его сѣрая тоска. Тягучія, сѣрыя, сонныя мысли проплывали въ головѣ. Все какъ-то странно обнажилось. Самое званіе его казалось ему теперь страннымъ и ненужнымъ: вѣчный торгъ изъ-за грошей, словно онъ драконъ у братской кружки. И всѣ интересы сплетаются у этой кружки съ печатями; одни смотрятъ на нее со страхомъ, какъ бы не переложить, другіе съ желаніемъ, чтобы больше клали.

Весь міръ казался ему подобіемъ братской кружки, которую всѣ дѣлятъ и не могутъ раздѣлить: всюду свара, вражда, гнѣвъ и зависть.

И вотъ... война!

Онъ глухо шепталъ:

— Вскую мятутся народы? Чего дѣлятъ?

Съ мрачной тоскою смотрѣлъ въ сѣрое небо.

Повторялъ:

— Умру!!!

И на самомъ дѣлѣ ужъ ему казалось, что конецъ его близокъ: ломило руки, ноги, голова была тяжелой, какъ деревянный шаръ,—повылѣзли какія-то болѣзни изъ всѣхъ щелей тѣла... и міръ казался ямой, въ которую посадили его въ наказанье за грѣхи.

...Такъ обстояло дѣло и въ тотъ день, когда дьяконъ былъ у батюшки съ своей странной просьбой о поѣздкѣ въ Вавилонъ. Угрюмый, взъерошенный, какъ хворый воронъ, вышелъ онъ отъ батюшки. Куда итти? Куда направить стопы свои? Какъ забыть свою сѣрую тоску?

— Куда пойду? Кому скажу?

Вспоминалъ батюшкино приглашеніе подумать о душѣ...

Горько усмѣхался.

— Душа-а!

Впервые, яркое сознаніе посѣтило его мозгъ.

— Вотъ она, гдѣ душа-то моя была... за казенными печатями! А теперь что? Паръ сѣрый...

Шелъ, какъ сонный, куда глаза глядятъ.

День былъ угрюмъ, ненастенъ.

Сѣрыя тучи, подобно тяжелымъ клочьямъ грязной

ваты, низко плыли надъ землею. Село казалось придавленнымъ къ землѣ. Лѣсъ, обнаженный и угрюмый, былъ недвиженъ, холодныя слезы падали съ черныхъ вѣтвей.

Дьяконъ съ удивленіемъ оглядѣлся.

Какъ онъ попалъ въ эту лѣсную чащу? Онъ и не замѣтилъ. Все плакало вокругъ него, по черной корѣ деревьевъ стекали дождевыя струи. Гдѣ-то вблизи звучали топоры и слышались людскіе голоса. Что бы это за порубка не во время, откуда взялись люди въ зловѣщемъ лѣсу?

Дьяконъ дивился.

Онъ, медленно направился дальше въ гущу лѣса на звуки топоровъ. Развернулась небольшая поляна. Десятки крестьянскихъ телѣгъ заполняли ее. Шумливая толпа народа дружно рубила молодой лѣсокъ. Красныя, бѣлыя, пестрыя рубахи весело оживляли угрюмую чащу, наполняли ее уханьемъ, стукомъ, смѣхомъ и говоромъ.

Дьяконъ подошелъ близко.

Остановился мрачной тѣнью.

— Богъ въ помощь!

Всѣ обернулись, опустили топоры.

Обрадовались.

— Отецъ дьяконъ! Вонъ это кто... здравствуй! Помогать пришелъ?

Дьяконъ смотрѣлъ мрачно.

— Вскую мятетесь?

— Чего эта?

— Какой цѣли ради истребляете?

Большой рыжій мужикъ весело отвѣтилъ:

— Нынѣ вотъ какое время пришло... ха-р-рошее время: общество наше за умъ взялось, одна душа, одно тѣло!

Красное лицо его сіяло отъ удовольствія.

— Солдаткамъ рубимъ!—крикнулъ кто-то.

— Сироткамъ рубимъ!—подхватилъ рыжій мужикъ,— ихни-то мужья да отцы на войнѣ за насъ сражаются, а мы хоть пропитаніемъ да согрѣемъ ихъ!

— Вѣрно!—подхватили вокругъ.

Сѣдой старикъ сказалъ, двигая бровями:

— Дружнѣй, ребятушки... не ждетъ время. А дьяконъ пускай за насъ помолится.

Всѣ схватились за топоры и дружно принялись за работу.

Дьяконъ смотѣлъ круглыми глазами.

— Одобряю!—проговорилъ онъ негромко.

Тучи мыслей поднялись въ немъ откуда-то со дна, мыслей незнакомыхъ, новыхъ, Какъ-будто просвѣтъ въ какой-то иной міръ открылся передъ нимъ, не такой угрюмый и сѣрый.

И отлегло на душѣ.

— Одобряю!—повторилъ онъ уже громко.

Зловѣще откашлялся и густымъ басомъ сказалъ:

— Братіе!

Мрачно хмурился.

— Нѣтъ ли лишняго топора?

— Есть, есть,—раздались голоса,—али поработать захотѣлось?

Рыжій мужикъ протянулъ ему топоръ.

Дьяконъ взялъ топоръ, поплевалъ на руки, примѣрился. Затѣмъ оглянулъ всѣхъ мрачнымъ взоромъ, какъ гордый воронъ, широко перекрестился!

— На пользу сиротъ... благослови, Боже!

И взмахнулъ топоромъ.

— У-ух-хъ!—басовито прогудѣло въ лѣсу при общемъ одобреніи мужиковъ.

Еще дружнѣе пошла работа.

Среди гомона, стука топоровъ, треска сучьевъ, веселыхъ возгласовъ, покрывая ихъ, далеко бѣжало по лѣсу басовитое уханье дьякона.

Только сверкалъ топоръ въ рукѣ его.

И точно волнами расплывалось вокругъ него это сверканіе.

— Уххъ!—гудѣлъ онъ,—уххъ-хъ!!

Часъ прошелъ, другой...

Дьяконъ все работалъ.

Точно неизбывная сила, томившаяся въ немъ, нашла себѣ исходъ, веселилась и ломала все вокругъ себя въ яростномъ восторгѣ. Наконецъ, дьяконъ опустилъ топоръ. Весь потный, красный, взлохмаченный, какъ стогъ бурею, онъ шумно вздохнулъ, мрачно оглядѣлъ всѣхъ. И вдругъ по лѣсу, съ зловѣщею силой, прогудѣло позабытое слово:

— Р-р-рододендронъ!!..

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ.

На паровозѣ.

До одиннадцати часовъ вечера падалъ крупными хлопьями снѣгъ, а затѣмъ полилъ дождь, шумливый, нескончаемый.

Печально мигали зеленые кошачьи глаза стрѣлокъ, блестѣли мокрые рельсы, хриплымъ басомъ, неумолкая, гудѣлъ возлѣ угольнаго склада паровозъ, — вѣроятно, не могъ дозваться грузовщиковъ топлива.

Въ «дежурной» три человѣка спали, а машинистъ Налетовъ и его помощникъ, Коля Сергѣевъ, сидѣли за столомъ и доѣдали яичницу, потомъ стали говорить о войнѣ и о нѣмцахъ, радовались оба, что убрали, наконецъ, помощника начальника депо фонъ-Кнаубица.

— И кто жъ его зналъ, что онъ германскій подданный, теперь, пожалуй, сражается противъ нашихъ. Я ему не забуду, какъ онъ меня два мѣсяца держалъ на А 29, который уголь жретъ, а пару не даетъ... Ухъ, кабы я этого нѣмца встрѣтилъ... Я бы ему далъ... — сказалъ Налетовъ.

— Не придется вамъ его встрѣтить,—равнодушно произнесъ Коля.

— Дорого бы заплатилъ, чтобы пойти хоть добровольцемъ поколотить нѣмцевъ, да начальство не пускаетъ, старъ, говорятъ, и жена злится... — Вторую ночь не сплю, все газеты читаю, стараюсь понять, что тамъ происходитъ... Позовутъ насъ подъ поѣздъ еще часа черезъ три не раньше, оно можно было бы и подремать, а ложиться не стану, все равно ничего, не выйдетъ. Почитаю еще...

Коля помолчалъ и, не отвѣчая и не снимая сапогъ, рухнулъ на ближайшую койку. Налетовъ вынулъ изъ бо-

кового кармана печатный листокъ, разгладилъ его на столѣ и опустилъ голову.

Дыханіе четырехъ усталыхъ людей казалось слишкомъ громкимъ. Лилась вода по оконнымъ стекламъ, слышно было, какъ съ грохотомъ пролетѣлъ курьерскій поѣздъ. Задребезжала вилка на тарелкѣ.

Налетовъ закрывалъ глаза, теръ лобъ и старался себѣ представить, о чемъ читалъ. И видно было по выраженію его глазъ, что онъ сейчасъ не могъ бы отвѣтить, находится ли въ «дежурной» оборотнаго депо или сидитъ у себя въ квартирѣ.

Онъ очень удивился и не сразу понялъ въ чемъ дѣло, когда пришелъ сторожъ и сказалъ, что его паровозъ К. 113 назначенъ подъ поѣздъ номеръ 19, который отойдетъ въ 2 ч. и 37 минутъ ночи.

Налетовъ поглядѣлъ на свои огромные стальные часы и коротко отвѣтилъ:

— Хорошо.

Было пріятно, что возвращаться пришлось именно съ этимъ поѣздомъ, шедшимъ почти со скоростью пассажирскаго и съ немногими остановками.

До отправленія оставалось много времени, но машинистъ началъ будить Колю и долго возился съ нимъ. Въ концѣ-концовъ разсердился и насильно посадилъ юношу на кровати.

Коля захлопалъ глазами, потянулся такъ, что затрещали всѣ кости, взялъ свой чемоданъ и, застегивая одной рукой куртку, побѣжалъ по мокрой и грязной лѣстницѣ внизъ приготовлять паровозъ.

Налетовъ вдругъ почуствовалъ страшную усталость, почти дурноту, но по опыту зналъ, что, какъ только станетъ у регулятора, сейчасъ же овладѣетъ собой. Машинистъ вышелъ черезъ четверть часа послѣ помощника и удивился, что ливень не только не ослабѣлъ, но усилился. За полторы минуты вся его шапка и шуба уже блестѣли отъ воды. Коля смазалъ машину и зажигалъ фонари.

Налетовъ его не замѣтилъ и окликнулъ:

— Эй, ма-ла-дой, гдѣ ты?

— Здѣсь...

Фигура Коли вынырнула изъ темноты.

— Коробку спичекъ истратилъ, пока зажегъ, задуваетъ, да и только...

Подошелъ сторожъ и коротко произнесъ:

— Пора подъ поѣздъ...

— Подъ поѣздъ, такъ и подъ поѣздъ,—отвѣтилъ Налетовъ.

Всѣ трое полѣзли на площадку паровоза. Жалобно завылъ гудокъ и двинулся впередъ огромный силуэтъ. Каждая капля дождя шипѣла, попадая на раскаленную сталь предохранительныхъ клапановъ и на маслянки. Шипѣли и продувательные краны. Темнота и мокрота соединились въ одну общую кашу.

Станція была огромная и долго ѣздили взадъ и впередъ по стрѣлкамъ, пока строжъ-проводникъ не сказалъ:

— Теперь на пути, давайте тихонько назадъ...

Еще два раза коротко крикнулъ гудокъ и шипящее чудовище стало приближаться къ вагонамъ. Мягко прогремѣли буфера. Слышно было, какъ сцѣпщикъ накинулъ «фаркопль».

Налетовъ сошелъ съ паровоза, чтобы увидать главнаго кондуктора, и попалъ въ лужу, сдѣлалъ два шага вправо и снова очутился въ водѣ, это мало огорчило машиниста. Его гораздо болѣе заинтересовало, что всѣ товарные вагоны были слабо освѣщены.

«Значитъ,—подумалъ онъ,—воинскій повеземъ «номеромъ девятнадцатымъ».

Появился въ резиновомъ плащѣ главный кондукторъ, хотя и незнакомый, но подалъ руку машинисту, затѣмъ полѣзъ въ сумку и досталъ «путевую».

Налетовъ машинально положилъ бумагу въ карманъ резиновой куртки и спросилъ:

— Большой составъ?

Шестьдесятъ единицъ, почти два эскадрона. Ну, и погода!

— Да, погода серьезная...

Тоненько и хрипло задребезжала кавалерійская труба въ темнотѣ. Налетовъ снова взошелъ на площадку и опробовалъ тормаза, затѣмъ поглядѣлъ на часы. До отхода оставалось еще двадцать минутъ. Незнакомое безпокойство зашевелилось въ сердцѣ машиниста, хотя все было въ полной исправности. Онъ послалъ Колю еще разъ посмотрѣть, не отошли-ли золотниковыя набивки возлѣ цилиндровъ, затѣмъ велѣлъ подбросить угля.

Стрѣлка на манометрѣ чуть перешла за красную черту. Дождь не переставалъ и казалось, что рельсы положены просто на водѣ. Еще разъ пропѣла уже совсѣмъ далеко труба, и снова подошелъ главный кондукторъ съ часами въ рукахъ.

— У васъ совпадаетъ время?—спросилъ Налетовъ.

— Два тридцать шесть, а въ К. прибудемъ восемь двадцать, и опаздывать не полагается. Ну, что-жъ, съ Богомъ, кондукторъ приложилъ къ губамъ свистокъ...

Налетовъ отозвался короткимъ гудкомъ и нажалъ регуляторъ. Колеса забуксовали на одномъ мѣстѣ.

«Неужели Коля забылъ подсыпать песку?»,—подумалъ машинистъ и дернулъ за рычагъ песочницы. Въ трубѣ охнуло, машина тяжело двинулась впередъ.

— Краны!—скомандовалъ Налетовъ.

Слышно было среди шипѣнія, какъ прогремѣлъ паровозъ по стрѣлкамъ и пошелъ, уже легко и быстро, въ мокрую темноту.

Коля закрылъ краны, и все было хорошо.

За послѣднимъ переѣздомъ Налетовъ закрылъ регуляторъ, по инерціи поѣздъ катился впередъ все быстрѣе. Уклонъ продолжался семь верстъ. Машинистъ не притормаживалъ, зная, что затѣмъ будетъ три версты крутого подъема, а за ними полустанокъ, съ высокими безлистыми тополями, мимо которыхъ нужно пройти, не останавливаясь, и успѣть схватить путевую.

Машина легко начала брать подъемъ, хотя на всякій случай Налетовъ велѣлъ помощнику все время открывать и закрывать песочницу.

Съ шумомъ пробѣжали мимо безлистые тополя. Коля машинально поймалъ поданную на длинной палкѣ путевую. Налетовъ опять открылъ регуляторъ и велѣлъ прибавить угля. Подозрительно посмотрѣлъ на водомѣрное стекло, но тамъ было воды еще до половины. На слѣдующей станціи постояли четыре минуты. Коля успѣлъ смазать кулисы.

Опять поѣхали. Гремѣли рычаги и отзывались имъ стекла. Налетовъ поглядѣлъ на часы и прибавилъ ходу. И казалось машинисту, что онъ съ великимъ удовольствіемъ помѣнялся бы съ каждымъ изъ солдатъ, которыхъ онъ везъ.

Когда подходили къ слѣдующей большой станціи, Налетовъ увидѣлъ въ семафорѣ красный огонь, двинулъ регуляторъ и переложилъ лѣвую руку на тормазъ. Коля услышалъ знакомое шипѣнье и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на машиниста.

— Семафоръ закрытъ!...—пробормоталъ Налетовъ.

Коля высунулся съ правой стороны изъ окна и громко сказалъ:

— Открытъ.

— Развѣ?—крикнулъ Налетовъ и отпустилъ тормазъ.— А мнѣ кажется, что красный.

— Бѣлый!

Когда остановились на запасномъ пути, Налетовъ сказалъ подошедшему сторожу:

— Что у васъ тутъ передъ самымъ носомъ открываютъ семафоръ? Я чуть поѣзда не затормозилъ, цѣлыхъ три минуты потерялъ.

Машинистъ былъ увѣренъ, что ошибся Коля, а не онъ.

И передъ слѣдующей станціей Налетовъ увидѣлъ впереди красный огонь и опять въ одну секунду представилъ себѣ спящихъ въ вагонахъ людей и мѣрно жующихъ лошадей, запахъ кожи и легкій угаръ отъ желѣзной печи. Но теперь ужъ не повѣрилъ себѣ, и положивъ, руку на тормазъ, крикнулъ помощнику:

— Какой огонь?

— Бѣлый,—отвѣтилъ Коля и съ удивленіемъ поглядѣлъ на машиниста.

Плавно вкатился поѣздъ по мокрымъ рельсамъ на запасный путь и, замедляя ходъ, остановился. Налетовъ хотѣлъ самъ посмотрѣть и попробовать, не грѣются ли подшипники и, когда сходилъ по ступенькамъ на землю, поскользнулся и упалъ, обругался, поднялся весь грязный и, пошатываясь, подошелъ къ огромнымъ колесамъ.—Все было въ порядкѣ.

Снова поѣхали, Налетовъ вдругъ сказалъ помощнику:

— Если я упаду, ты стань возлѣ регулятора...

— Почему упадете?—спросилъ Коля.

— Да такъ, говорю на всякій случай, дуракъ!..

Взошло солнце, котораго не было видно. Налетову стало легче, только дрожала голова, и все думалось о томъ, если бы красный фонарь оказался на самомъ дѣлѣ и весь поѣздъ влетѣлъ бы на стоящіе на запасѣ вагоны, то какой бы ужасъ случился съ людьми, жизнь которыхъ такъ нужна для многихъ и многаго впереди.

Доѣхали благополучно и прибыли ровно въ восемь двадцать.

Когда сцѣпщикъ освободилъ паровозъ, Налетовъ сказалъ Колѣ:

— Ты поѣзжай на складъ одинъ, а затѣмъ въ депо...

И машинистъ, покачиваясь, точно пьяный, съ чемоданчикомъ въ рукѣ, пошелъ черезъ рельсы къ поселку.

Жену и дочь онъ засталъ пьющими кофе. Дочь широко раскрыла глаза и спросила:

— Ты, папа, боленъ?

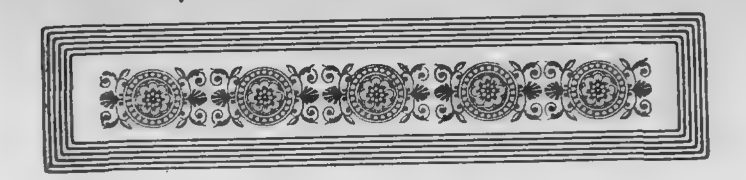
— Ничего не боленъ,—отвѣтилъ машинистъ.

Не умываясь, онъ легъ на свою постель и крѣпко заснулъ.

Жена подошла неслышными шагами и поправила подушку, поглядѣла на ввалившіяся щеки мужа и увидѣла, что краешекъ его темнорусой курчавой бороды посѣдѣлъ...

Раньше она этого не замѣчала.

Борисъ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

ЛИТОВСКІЙ МЕДЪ.

О, Матерь Божія, Ты—вздоховъ
И стоновъ набожныхъ предметъ,
Твой кроткій ликъ хранитъ Ченстоховъ
И съ Остро-Брамы льетъ свой свѣтъ;
И Новогрудскія твердыни
Стоятъ съ народомъ вѣрнымъ имъ,
Скрѣпясь щитомъ твоей святыни...

А. Мицкевичъ.

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой.

Ѳ. Тютчевъ.

Панъ Казиміръ Божецкій давно уже жилъ на берегу Нѣмана и арендовалъ тамъ паромъ.

Всѣ, кому нужно было ѣхать изъ Цеховишекъ въ Ружаны не миновали парома пана Казиміра. Дорога между ними была одна, а Нѣманъ разрѣзалъ эту дорогу,—волей-не-волей нужно было переправляться съ одного берега на другой. Цѣховишки — это не какое-нибудь село, а настоящее мѣстечко, гдѣ всѣ евреи были купцами и даже фабрикантами (суконными фабрикантами), а поляки и русскіе—хорошими покупателями. Въ Ружаны на лѣто пріѣзжали разные господа со своими семьями. Они устраивались въ деревянныхъ дачахъ, какъ у себя дома, и жили тамъ до поздней осени. Говорили, что вода въ Ружанахъ очень цѣлебная, во всякомъ случаѣ дачи не пустовали, и съ утра до вечера слышны были тамъ смѣхъ и веселье.

Въ тихіе лѣтніе вечера до парома пана Божецкаго доносились обрывки музыки; панъ Казиміръ, сидѣвшій въ хорошую погоду на скамеечкѣ парома, снималъ чесучевый картузъ и, гладя себя по лысинѣ, говорилъ пассажирамъ:

— Я люблю хорошую музыку — это такъ освѣжаетъ.

А «кульгавый» Ясекъ, его паромщикъ, тянулъ своими обезьяньими руками канатъ, шкандыбалъ, моталъ огромной всклокоченной головой и, широко улыбаясь, вторилъ ему:

— Ага, люблю...

Онъ былъ привязанъ къ своему хозяину такъ же, какъ и Букетъ—черная дворняжка пана Казиміра.

Всѣ трое: хозяинъ, рабочій и собака жили въ каменномъ домѣ надъ обрывомъ. Домъ былъ очень крѣпкій съ толщенными стѣнами, съ черепичной крышей, Богъ знаетъ, какъ давно строенный: въ немъ и въ самые душные лѣтніе дни было прохладно, а зимой и осенью въ большой комнатѣ, гдѣ стояло два дубовыхъ стола и ярко пылалъ каминъ,—пріятно было уставшему путнику погрѣться.

Домъ этотъ всѣ, по старой памяти, называли корчмой, потому что когда-то тутъ, и точно, держали корчму. Теперь же панъ Божецкій торговалъ у себя только пивомъ и изрѣдка самымъ важнымъ и надежнымъ господамъ таинственно подносилъ бутылку-другую добраго меду, уже много десятковъ лѣтъ хранившагося въ подвалѣ старой корчмы. Медъ этотъ былъ такой удивительный, что слава о немъ разнеслась въ округѣ, и о немъ говорили даже тѣ, кому никогда не приходилось его отвѣдать.

Говорили, что множество бочекъ закопано еще въ саду у пана Божецкаго и хватитъ ихъ на много лѣтъ, но мало ли чего не говорятъ... Самъ панъ Божецкій не любилъ распространяться по этому поводу, и, конечно, лучше всѣхъ освѣдомлены были въ этомъ ксендзъ-пробощъ изъ Цеховишекъ и панъ исправникъ.

Пану пробощу панъ Казиміръ самъ отвозилъ каждое Рождество бутылку меду въ подарокъ, а панъ исправникъ не разъ лично заѣзжалъ къ Божецкому, и тогда назадъ онъ уже не самъ ѣхалъ, а его отвозили.

Ясное дѣло, что разъ такіе господа (а среди нихъ было еще нѣсколько помѣщиковъ) жаловали пана Казиміра, то ужъ никто другой ему не былъ страшенъ, и онъ свободно могъ торговать своимъ пивомъ на берегу благодатнаго Нѣмана. Кромѣ того, нашелся одинъ дачникъ изъ Ружанъ, который рѣшилъ, что очень полезно пить пиво съ молокомъ, и съ его легкой руки, дай Богъ ему здоровья, многіе дачники стали навѣщать пана Казиміра, чтобы выпить кружку этой чертовой смѣси. Если ко всему этому прибавить порядочный доходецъ съ парома, по причинамъ извѣстнымъ читателю, то вполнѣ понятно, что панъ Божецкій былъ очень доволенъ своей усадьбой и лучшаго не желалъ.

Всегда находился кто-нибудь лѣтомъ и осенью, съ кѣмъ можно было поговорить о дѣлахъ и даже пофилософствовать, а зимою совсѣмъ ужъ не такъ скучно было сидѣть съ «кульгавымъ» Ясекомъ, который хотя и былъ глупъ, но зато умѣлъ слушать и соглашаться со всѣмъ, что ни говорилъ панъ Казиміръ.

О томъ, что Россіи объявила войну Германія—Божецкій узналъ отъ одного проѣзжаго еврея, такъ какъ газетъ не читалъ. Онъ принялъ это извѣстіе весьма хладнокровно.

— Война, такъ война. Кому нужно воевать—будетъ воевать, а у пана Казиміра есть свое дѣло, и онъ слишкомъ старъ, чтобы держать ружье, а кульгавый Ясекъ—извѣстно кульгавый, и никакой дуракъ его не назоветъ солдатомъ.

Въ этомъ году лѣто было особенно жаркое, дожди не шли, Нѣманъ сильно обмелѣлъ, и сблизились берега его. Ясеку меньше было работы, а пассажировъ стало больше, дачники изъ Ружанъ брали у пана Казиміра лодку кататься, много пили пива съ молокомъ и чаще забирались подъ старую крышу корчмы отъ палящихъ лучей солнца.

Правда, въ огородѣ все повысохло, но яблокъ уродило тьму, и панъ Казиміръ ходилъ по саду и считалъ барыши на осень.

Все шло хорошо—почему бы такъ тому и не продолжаться?..

Когда еврей съѣхалъ съ парома, и Ясекъ опять потянулъ канатъ въ обратную сторону, панъ Божецкій скрутилъ цигарку, затянулся крѣпкимъ табакомъ и обратился къ рабочему:

— А видалъ ты, какъ онъ поретъ горячку?

— Ага, пани, видалъ...

— И чего только бѣсъ укусилъ его за мягкое мѣсто! Даже минутки не могъ посидѣть смирно. Ну, война, такъ война... да мы развѣ не знаемъ съ тобой, что такое война?

— Ага, знаемъ!..

— Конечно, знаемъ. Только пускай себѣ воюютъ солдаты, а мы мирные жители. Развѣ если война, то уже не нуженъ паромъ? Ой, еще какъ нуженъ!.. И я такъ считаю, Ясекъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать свое дѣло и не думать о войнѣ.

— А, конечно, пани,—убѣжденно отвѣчалъ Ясекъ.

Съ тѣхъ поръ каждый день на паромѣ можно было слышать разговоры о войнѣ. Каждый думалъ, что больше знаетъ о ней, чѣмъ другой, и потому всѣ спорили и были недовольны.

Какіе-то хлопцы даже какъ-то подрались изъ-за этого, и панъ Казиміръ усмѣхаясь говорилъ имъ:

— Вотъ вамъ и война!

Онъ все еще былъ увѣренъ, что это не его дѣло, тѣмъ болѣе, что паромъ теперь работалъ еще лучше, чѣмъ раньше.

Цѣлыми днями скрипѣлъ онъ поперекъ Нѣмана, и потный Ясекъ хромалъ еще больше.

Куда только гнало всѣхъ этихъ людей! Точно вихрь поднялъ осенніе листья, и они шурша понеслись по дорогѣ. Все это были забранные и ихъ семьи. Потомъ поѣхали дачники и разные господа. Ну, да никто вѣдь ихъ здѣсь не держалъ, и понятно было, отчего они всѣ такъ переполошились. Это не то, что панъ Казиміръ, который прожилъ здѣсь всю жизнь и собирался умереть у родной рѣки.

Только нѣсколько смутило Божецкаго приказаніе начальства отнюдь не продавать проѣзжимъ пива. Это весьма

сокращало его доходы, но, подумавъ, онъ рѣшилъ, что и впрямь такъ лучше—и безъ того на паромѣ много шуму. Все же онъ оставался покойнымъ, несмотря даже на то, что кое-кто разсказалъ ему о чемъ-то такомъ, отчего у любого поляка можетъ вскружиться голова, но, привыкнувъ видѣть много всякаго народу и слышать небылицы, панъ Казиміръ давно уже сталъ скептикомъ и философомъ.

Мало ли чего не набрехаютъ люди...

Но вотъ въ одно воскресное утро панъ Божецкій взялъ бутылку завѣтнаго меду и поѣхалъ въ Цеховишки къ пану пробощу.

Панъ пробощъ, конечно, зналъ все лучше другихъ.

Ясекъ ждалъ хозяина къ обѣду, но онъ пріѣхалъ совсѣмъ затемно! Букетъ кинулся было ему на грудь, бѣшеннымъ визгомъ изъявляя свою радость, но панъ Казиміръ необычно рѣзко оттолкнулъ его отъ себя, прошелъ молча въ большую комнату, сѣлъ за дубовый столъ, съѣлъ холодный обѣдъ, потомъ велѣлъ себѣ принести подогрѣтаго пива.

Когда Ясекъ наполнилъ его кружку, онъ указалъ ему мѣсто противъ себя и, наконецъ, заговорилъ:

— Вотъ, что, Ясекъ... Я же тебѣ говорилъ, что мы мирные жители. А разъ мы мирные жители, то должны сидѣть на своемъ мѣстѣ и дѣлать свое дѣло, а пускай солдаты воюютъ другъ съ другомъ.

— Ага, пани,—кивнулъ Ясекъ убѣжденно.

Но панъ Казиміръ поморщился и остановилъ его нетерпѣливо.

— Ты пока помолчи, Ясекъ, и слушай. Такъ я говорилъ и такъ буду говорить, потому что панъ пробощъ нашелъ, что я правъ. Но онъ еще мнѣ что-то сказалъ, отчего я уже не могу быть спокойнымъ. Скажи, Ясекъ, когда убиваютъ твоихъ братьевъ, насилуютъ твоихъ сестеръ, обезчещиваютъ домъ Господа нашего Іисуса и смѣются надъ иконой матери Божьей, тогда развѣ можно быть спокойнымъ?

Ясекъ испуганно поднялся, опять сѣлъ и крестясь зашепталъ:

— Іезусъ Марія... Развѣ можно...

Панъ Казиміръ ударилъ кулакомъ по дубовому столу, отчего зашаталась кружка съ пивомъ, и, строго уставясь на Ясека, спросилъ:

— Развѣ можно сидѣть спокойно, когда эти проклятые пруссаки смѣются надъ нашими святынями?

И сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ясекъ, мы съ тобою, слава Господу, не такіе безбожники. Но что же намъ дѣлать?

Панъ Казиміръ тяжело дышалъ и невольно потянулся за кружкой пива, чтобы промочить пересохшее горло. Тогда успокоившись онъ заговорилъ опять:

— Вотъ, Ясекъ, нужно много ума, чтобы пережить эти дни. Если бы мы были солдатами, то мы знали бы, что намъ дѣлать, но мы мирные жители... Это очень трудно быть мирнымъ жителемъ, Ясекъ...

Больше панъ Казиміръ въ этотъ вечеръ ничего не сказалъ и молча пошелъ спать.

Но съ этого дня его уже не видали на паромѣ. Одинъ Ясекъ перевозилъ черезъ Нѣманъ, а панъ Божецкій сидѣлъ у себя подъ черепичной крышей, курилъ цигарки и угрюмо думалъ.

Ясекъ же былъ отъ рожденія молчаливымъ, и самъ съ разговорами не лѣзъ, когда его не спрашивали.

Но однажды онъ пришелъ въ домъ сильно смущенный и взволнованный и остановился передъ хозяиномъ, переминаясь съ короткой ноги на длинную:

— А что я скажу пану,—буркнулъ онъ.

— Что такое, Ясекъ?

— Всѣ люди бѣгутъ изъ Цѣховишекъ...

— Ну?

— Проклятые нѣмцы забрали мѣстечко...

Панъ Казиміръ вынулъ изо рта цигарку и строго посмотрѣлъ на рабочаго:

— Не бреши, Ясекъ...

Но Ясекъ не брехалъ, и панъ Казиміръ это сразу понялъ.

Онъ прогналъ отъ себя рабочаго и снова принялся думать. А за обѣдомъ сказалъ:

— Помни, Ясекъ, мы съ тобой не солдаты. Если эти проклятые придутъ къ намъ, нужно будетъ смириться.

— Ага,—уныло отвѣчалъ Ясекъ.

Къ вечеру поднялось ненастье.

Панъ Казиміръ приказалъ затопить каминъ и принести пива. Ясекъ сѣлъ на полъ и, привязавъ шпагатъ къ спинкѣ стула, плелъ сѣти. Онъ былъ на это большимъ мастеромъ.

Внезапно Букетъ кинулся къ дверямъ и залаялъ. Панъ Казиміръ оторвалъ глаза свои отъ пламени въ каминѣ и посмотрѣлъ на Ясека:

— Кто-нибудь хочетъ переѣхать на ту сторону,—сказалъ онъ:—пойди, Ясекъ...

Но Ясекъ не двигался съ пола.

— Ты оглохъ, что ли?

Нѣтъ, онъ не оглохъ, онъ слишкомъ хорошо все слышалъ.

— У насъ больше нѣтъ парома, пани...

— Нѣтъ парома?

— Ага, пани!...

Панъ Божецкій приподнялся даже съ креселъ!

— Не бреши, Ясекъ!

— Я не брешу, пани! Парома нѣтъ больше... Его унесла вода далеко въ море.

У парома пана Казиміра былъ такой хорошій стальной канатъ, что никакая буря не могла порвать его. Панъ Божецкій еще разъ пристально посмотрѣлъ на рабочаго и все понялъ.

— Это ты сдѣлалъ, Ясекъ?

— Я, пани!..

Они помолчали. Каждый думалъ свое. Развѣ можно заподозрѣть ихъ въ томъ, что они не мирные жители? Что же, со всякимъ случается несчастье, и даже паромъ

со стальнымъ канатомъ можетъ уплыть въ море... когда нѣмцы близко.

Панъ Божецкій улыбнулся въ свои сѣдые усы.

Ну, ну, кульгавый Ясекъ...

Но Букетъ не унимался. Онъ бѣгалъ по комнатѣ и лаялъ. И чего его носятъ черти?

Наконецъ, въ сѣняхъ застучали.

Нѣсколько голосовъ покрыли на время свистъ вѣтра и шлепанье дождя.

Ясекъ рѣшилъ подняться съ полу. Онъ свернулъ свои сѣти и заковылялъ къ дверямъ.

Панъ Казиміръ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Помни, Ясекъ, мы только мирные жители...

Вмѣстѣ съ вѣтромъ и дождемъ ворвались въ домъ какіе-то люди.

Всѣ они были въ формѣ и каскахъ. Они толкнули Ясека и прошли въ большую комнату. Тамъ уже кланялся панъ Божецкій.

— Ты хозяинъ?—спросилъ его одинъ изъ вошедшихъ, самый жирный и важный.

Онъ кое-какъ говорилъ по-польски.

Панъ Казиміръ кланялся и улыбался:

— Будьте ласковы, дорогіе гости!

Паромъ? У него нѣтъ теперь парома. Этотъ Нѣманъ часто играетъ съ нимъ злыя шутки, онъ угналъ весь заработокъ бѣднаго человѣка въ море. Когда разсвѣтетъ, можно будетъ поискать брода, теперь же добрый хозяинъ и собаку на дворъ не выгонитъ.

— Будьте ласковы, садитесь за столъ, сейчасъ можно собрать угощенье.

А казаки? О, казаковъ и далеко не видать! Тутъ только одни мирные жители.

Никогда такъ не хлопоталъ панъ Казиміръ. Только Букетъ ворчалъ въ сторонкѣ, за что получилъ пинка отъ хозяина.

— Дурень, не видишь что ли—добрые люди...

Ихъ было шесть человѣкъ, шесть здоровыхъ прус-

саковъ. Дождь порядкомъ промочилъ ихъ, и они рады были посушиться. Самый старшій, съ нашивками на рукавахъ, первый снялъ свой мундиръ и развѣсилъ его у камина. Его примѣру послѣдовали другіе. Комната наполнилась бѣлѣсымъ паромъ, запахомъ табаку и пота.

Сто чертей! Имъ понравился хозяинъ. Онъ такъ симпатично улыбался и такъ тепло у него было подъ черепичной крышей.

Нѣмцы сидѣли на лавкахъ, ноги протянули къ камину, курили трубки и весело разговаривали, пока Ясекъ готовилъ имъ яичницу на салѣ.

Сало такъ пріятно щелкало на сковородѣ, точно кто-то давилъ орѣхи. Потомъ солдаты увидали пустую кружку пана Казиміра изъ-подъ пива. Старшій съ галунами подмигнулъ хозяину, и тотъ сразу понялъ въ чемъ дѣло.

Отъ пива всѣмъ стало еще веселѣе. Они переговаривались между собою по-своему, а панъ Божецкій смотрѣлъ на тлѣющіе угольи въ каминѣ, и глаза его какъ-то странно вспыхивали изъ-подъ нависшихъ бровей. Должно быть, золотой огонь отражался въ нихъ.

— Hoch!—кричали солдаты и стучали кружками. Лица у нихъ были красныя, круглыя, глаза совсѣмъ прятались подъ напухшими вѣками.

Ну, кто бы сказалъ, что такіе же люди глумились надъ святыми иконами, насиловали женщинъ?

Вѣтеръ крутилъ вокругъ дома, точно хотѣлъ тоже погрѣться и замолкнуть у камина; онъ плакалъ въ трубѣ и еще ярче раздувалъ пламя.

Можно было подумать, что у пана Казиміра собрались охотники, и сейчасъ панъ казначей начнетъ разсказывать свои любовныя приключенія.

Ясекъ, подавъ яичницу, сидѣлъ у себя въ чуланѣ на кровати. Букетъ положилъ ему на колѣни голову. Время отъ времени кульгавый моталъ головой, мотала мордой и собака. Они не хотѣли сидѣть съ паномъ Божецкимъ и его гостями.

— Hoch,—кричали нѣмцы и еще просили пива.

Не думалъ ли панъ Казиміръ, когда это кончится? Нѣтъ, онъ радушно улыбался и звалъ Ясека.

— Принеси господамъ еще пива!

— Наконецъ, гости очень ужъ развеселились. Они захотѣли чокаться съ хозяиномъ. Старшій къ нему подошелъ и хлопнулъ его по плечу.

— Выпьемъ!..

Панъ Казиміръ поморщился — должно быть сильная рука была у солдата, а Букетъ, вошедшій съ Ясекомъ, кинулся на нѣмца и схватилъ его зубами за руку.

Онъ не любилъ, чтобы трогали его хозяина. Нѣмецъ вскрикнулъ и рванулъ руку. Потомъ толкнулъ сапогомъ собаку—далеко отшвырнулъ ее въ сторону.

— А, дьяволово отродье!

Всѣ кинулись на Букета и стали бить его ногами. Онъ визжалъ и лязгалъ зубами. Тогда панъ Казиміръ всталъ со своихъ креселъ. Лицо его было блѣдно. Онъ сказалъ учтиво:

— Оставьте, добрые гости, эту собаку... собака глупое животное и не знаетъ, кому можно меня трогать, кому нельзя. Я очень извиняюсь за нее. А чтобы господамъ не было скучно, я угощу ихъ такимъ виномъ, какого еще они не пили.

Подозвалъ къ себѣ повизгивавшаго Букета и вышелъ изъ большой комнаты.

Нѣмцы остались довольны такимъ оборотомъ дѣла, а панъ Казиміръ, остановясь въ темныхъ сѣняхъ, точно прислушивался минуту къ чему-то—можетъ быть, къ вою вѣтра надъ Нѣманомъ. Потомъ схватилъ Букета за морду, прижалъ его къ себѣ и поцѣловалъ въ самый носъ. Глаза его опять заблестѣли.

— Ясекъ, ты тутъ?

— Тутъ, пани...

— Принеси шибко ту бочку меду, что я почалъ для пана пробоща.

— Бочку меду?

Что-то глухъ сталъ послѣднее время кульгавый Ясекъ.

— Ну, да, бочку меду...

. . . .

— Будьте здоровы, ласковы гости!

Темный янтарь горѣлъ въ стаканахъ. Нѣтъ, такого вина имъ еще не приходилось пить! Только Польша могла его выдумать. Оно вливалось, какъ масло — сладкое и благоуханное, точь-въ-точь, какъ льстивыя рѣчи вельможнаго пана; жгло грудь, какъ тѣ пожары, что пылали надъ Рѣчью Посполитой и пылаютъ теперь.

Трудно было даже кричать.

— Hoch!

— Будьте здоровы, ласковы гости!

Но нѣмцы не отвѣчали уже на привѣтствіе хозяина.

Одинъ за другимъ они опустили головы на согнутыя руки. Всѣ шесть вдоль дубоваго стола.

— Будьте здоровы, ласковы гости!

Панъ Божецкій улыбался. Онъ пригубилъ изъ своего стакана, и опять огоньки пробѣжали въ его зрачкахъ.

Потомъ онъ всталъ и крикнулъ громко:

— Hoch!

Ахъ, хорошо помнитъ панъ Казиміръ, что онъ только мирный житель...

Но никто изъ гостей не шевельнулся—всѣ спали.

Тогда хозяинъ прошелъ къ Ясеку въ его каморку. Онъ совсѣмъ оглохъ, этотъ бѣдный кульгавый. Но одно слово пана Божецкаго вернуло ему слухъ и подвижность.

Нельзя было скорѣе сбѣгать на чердакъ и обратно, какъ сдѣлалъ это онъ.

Панъ Казиміръ взялъ ножъ и разрѣзалъ на части принесенную рабочимъ веревку. На двѣнадцать частей разрѣзалъ хорошую морскую бичевку и вошелъ въ большую комнату, гдѣ по-прежнему спали солдаты, освѣщенные вспышками головней въ каминѣ.

— Ну, Ясекъ, теперь мы уложимъ спать дорогихъ гостей.

— Ага, пани,—согласился тотъ, улыбаясь.

Умѣлыя руки были у пана Казиміра, но и у Ясека

были они не плохи. Вскорѣ всѣ шесть лежали связанными по рукамъ и ногамъ. Букетъ весело лаялъ, прыгая вокругъ.

— Цыцъ, глупая собака,—разбудишь дорогихъ гостей!

Но не таковъ былъ литовскій медъ, чтобы можно было такъ скоро отдѣлаться отъ его чаръ.

Панъ Божецкій и Ясекъ одѣлись потеплѣе и первымъ вынесли старшаго.

Онъ былъ очень тяжелъ, трудно было нести его по грязи, подъ вѣтромъ и дождемъ.

Печально гудѣли деревья въ саду, шумѣлъ Нѣманъ, и звѣздъ не видно было въ небѣ.

Но хозяинъ и рабочій хорошо знали дорогу, они дошли до самаго высокаго мѣста надъ омутомъ и тамъ скинули свою ношу. Даже плеска отъ паденія тѣла нельзя было разобрать въ эту непогоду.

— Ну, Ясекъ, идемъ за другимъ...

И они пошли обратно къ дому—оба спокойные, точно занятые обычнымъ дѣломъ. Только Букетъ носился по грязи.

Такъ перетаскали они всѣхъ шестерыхъ—шесть тяжелыхъ полѣньевъ, шесть человѣкъ изъ тѣхъ, что глумились надъ святыми иконами. А за ними ихъ ружья, связанныя съ мундирами, упали въ воду.

И, когда послѣдній слетѣлъ въ черную пучину, панъ Казиміръ снялъ картузъ и отеръ потъ съ лица.

Ясекъ стоялъ передъ нимъ и улыбался.

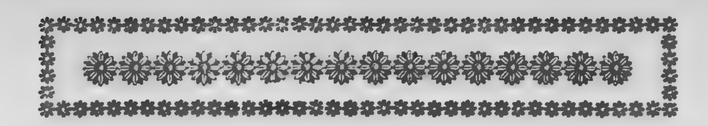
— Ну, кто теперь скажетъ, что мы не мирные жители?—спросилъ его панъ Казиміръ.

— А никто не скажетъ, пани,—отвѣчалъ кульгавый.

Они еще постояли минуту надъ рѣкой, слушая яростное пѣнье волнъ, немолчный плескъ дождя, изступленный визгъ вѣтра.

Потомъ сгорбившись, шлепая по грязи, вернулись домой и легли спать.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

Духъ жизни.

Камо уйду отъ лица Твоего, Господи?

Есть одна картина—не помню чья,—которая изображаетъ Христа на полѣ битвы. Въ терновомъ вѣнцѣ, съ мукою Божественнаго состраданія въ глазахъ, Онъ наклонился надъ тѣлами воиновъ, только-что сражавшихся въ жестокой схваткѣ, въ злобѣ и ненависти крошившихъ другъ друга ударами мечей, а теперь примиренныхъ смертью. Бѣлая одежда Спасителя коснулась одного изъ воиновъ. Воинъ, еще не умершій, открылъ глаза и смотритъ на Спасителя съ тихимъ восторгомъ — примиренія и покоя...

Эту картину, отчасти, можетъ быть, дополненную моимъ воображеніемъ, я вспомнилъ съ необыкновенной яркостью при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Намъ однажды дали роздыхъ подлѣ полуразрушеннаго имѣнія галиційскаго магната графа Замойскаго. Вокругъ этого имѣнія въ продолженіе четырехъ дней происходилъ упорный бой. Усадьба нѣсколько разъ переходила изъ руки въ руки. Нашъ полкъ стоялъ въ резервѣ, потомъ насъ двинули въ бой, но, когда мы пришли, надобность въ насъ миновала: австрійцы были разбиты и отошли къ Р....

Мы пришли поздно ночью и сдѣлали привалъ. Солдаты были утомлены труднымъ переходомъ по болотамъ и обледенѣлымъ холмамъ и, не разбивъ палатокъ, завалились спать кто-куда. Въ походѣ сонъ чутокъ. Спишь и въ то же время слышишь малѣйшій шорохъ, шопотъ подлѣ тебя, дуновеніе вѣтерка. Снятся сны, чаще всего кошмарные. Въ ушахъ гудятъ отзвуки недавнаго боя: чудится канонада, трескъ разрывовъ, команда, стоны, крики, смѣ-

шанный гулъ тысячъ голосовъ, ржаніе коней, свистъ и тоскливое пѣніе пулеметныхъ горошинъ, и знаешь что это слуховой миражъ, фуга, но безвольно отдаешься вновь переживаемому отраженію боя. Товарищи кричатъ со сна, скрежещутъ зубами, кто-то молится во снѣ, кто-то поетъ. Нервы напряжены до крайняго предѣла.

— Ура-а!—кричитъ во снѣ Максютовъ.

— Бей, ломи, круши, ребята!

— Землицей присыпь, землицей рану-то. Землицей, говорю,—бормочетъ кто-то другой.

— Зиночка, если я уцѣлѣю...—во снѣ обращается къ своей невѣстѣ бывшій техникъ Поликарповъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ спятъ, и всѣ бредятъ во снѣ. Надъ лагеремъ стоитъ стонъ, страшный, прерывистый, стонъ здоровыхъ, но нервно напряженныхъ людей, стоитъ до поздней ночи, пока не одолѣетъ крѣпкій сонъ, пока усталое забытье не прогонитъ сновидѣній.

Я не спалъ. Меня все время занимало странное, густое жужжаніе, похожее на гудѣніе пчелъ въ потревоженномъ ульѣ, доносившееся съ поля, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ происходилъ бой. То гуще и глуше, то тоньше и ярче, визгливѣе звучало это жужжаніе, и походило это на то, какъ-будто и лѣсъ, и холмы, и земля и каждая кочка поютъ:

— У-у-у!

А потомъ:

— Пи-и-и!

— Что это? Что это такое? — спросилъ Поликарповъ, который проснулся и такъ же, какъ я, прислушивался къ тревожному жужжанію.

Я не зналъ, что это, но это было страшнѣе боя, страшнѣе атаки.

Солдатъ Максютовъ, здоровенный мужикъ-пензенецъ, съ золотой бородою и сѣрыми, мягкими глазами тоже привсталъ и, прислушавшись, сказалъ:

— Земля плачетъ, братцы мои. Кровь на ей плачетъ, у Господа Бога прощенья молитъ.

И помолчавъ добавилъ:

— Старичекъ одинъ у насъ есть. Старой вѣры человѣкъ. Дыкъ онъ баялъ, будто такъ: будто послѣ сраженія души убитыхъ по полю бродятъ,—ходятъ, свою кровь собираютъ. А послѣ съ этой кровью своей ко Христу летятъ. Ко Христу летятъ и гудутъ: «Вотъ, Господи, наша кровь-кровинушка. Нѣту въ ней, Господи, никакой злобы и лютости. Дрались мы, Господи, безъ злости, а любя врага и съ молитвою». И каждая душа такъ кричитъ, а апостолъ открываетъ райскія ворота. «Эй, идите сюда, съ молитвой за свою мать-родину смерть пріявшіе. Идите, съ любовью животъ свой положившіе!» Вотъ, что баялъ старикъ древней вѣры.

— Кровь свою пролить—святое дѣло!—отозвался изъ темноты ефрейторъ Ликинъ.—Христосъ какія страсти терпѣлъ. И намъ велѣлъ. Правду сказалъ твой старикъ, Максютовъ.

. . . .

. . . .

. . . . Слышь, ребята, слышь—еще.

Опять пѣло что-то за лѣсомъ, еще пронзительнѣе и тягучѣе:

— Пи-и-и!

Мимо насъ пронесли къ полуразрушенному дому, превращенному въ лазаретъ, носилки. Однѣ, другія, третьи...

— Ай,—крикнулъ вдругъ Ликинъ, лежавшій съ краю.— Это что? Кто здѣсь?

— Съ нами крестная сила! Кто такой это?—крикнулъ еще кто-то.

— Сѣрниковъ дайте! У кого спички? Зажги огонь?

Вспыхнулъ дрожащій огонекъ и освѣтилъ Ликина. У его ногъ лежало что-то безформенное. Потомъ очертанія выступили яснѣе. Это былъ молодой, рослый нѣмецъ съ широкой зіяющей раной на лбу. Глаза его были закрыты, каска повисла на ремешкѣ и открывала его лобъ, руками онъ крѣпко уцѣпился за ногу Ликина, и изъ его откры-

таго рта вырывалось то самое, тоскливое «пи-и-и» или «и-и-и», которое мы слышали прежде. Видимо, бѣдняга проползъ безъ сознанія тѣ нѣсколько десятковъ саженей, которыя отдѣляли поле отъ нашего привала, и теперь хрипѣлъ:

— Tri-in-ken!

— Ахъ, сердяга, сердяга! — сказалъ, наклонившись надъ нѣмцемъ, Максютовъ.

— Давайте-ка, братцы, сюда манерку. Живо, чего тамъ путаешься! Вишь, человѣкъ страдаетъ.

Максютовъ влилъ нѣмцу въ ротъ воду. Тотъ жадно проглотилъ ее и, не открывая глазъ, застоналъ.

Ликинъ вытащилъ свой индивидуальный пакетъ и, смочивъ марлю въ водѣ, приложилъ нѣмцу ко лбу. Тотъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ и снова закрылъ ихъ.

На лицахъ обступившихъ нѣмца солдатъ было непередаваемое словами выраженіе. Это была и жалость, и боль, и ужасъ, и состраданіе, и чистый, хорошій, до слезъ трогающій струны сердца порывъ любви.

Нѣмецъ вздрогнулъ и захлипалъ, какъ будто заплакалъ. И точно: изъ-подъ рѣсницъ его покатились слезы.

— Ну, чего ты, чего, дурачокъ,—сразу заговорило нѣсколько голосовъ. — Богъ тебя привелъ, братецъ, Богъ и спасетъ.

— Боится онъ,—сказалъ Ликинъ.

— Не бойся, парень,—положивъ свою большую, корявую руку на плечо нѣмцу, проговорилъ Максютовъ и продолжалъ, нарочно коверкая слова, думая, что такъ нѣмецъ его легче пойметъ.—Твоя Христу молимся, и моя Ему молится. Не звѣри, чай, а люди. Не будетъ тебѣ ничего худого. Моя твоя жалѣетъ. Понимаешь?

— Что здѣсь такое? — спросилъ подошедшій полуротный.

— Да вотъ, ваше б-діе, нѣмецъ у насъ раненый, такъ мы его охаживаемъ.

— Нѣмецъ? Какой нѣмецъ? Откуда?

— Не могимъ знать, ваше б-діе. Должно, Богъ привелъ

его, потому не въ себѣ парень. Мы и полагаемъ: пожалѣть надо.

— Такъ что дозвольте, ваше б-діе,—попросилъ Максютовъ, все еще держа свою руку на плечѣ нѣмца.

Поручикъ наклонился къ нѣмцу, осмотрѣлъ его и послалъ за санитарами. Нѣмца перевязали, привели въ чувство и понесли въ лазаретъ.

— Прощай, Карлъ Ивановичъ, прощай, душа, ужо увидимся,—провожали его солдаты.

Но, видимо, эта ночь была какая-то особенная. Не прошло и получаса послѣ того, какъ унесли нѣмца, какъ вдругъ въ сторожевомъ пунктѣ началась не то перебранка, не то переговоры съ кѣмъ-то. Громкій разговоръ перешелъ въ галдежъ, заспорили нѣсколько голосовъ, кто-то отвѣчалъ имъ по-польски, вродѣ:

— Не вѣмъ, пани, не вѣмъ.

Уже разсвѣтало. Въ голубовато-розовомъ полусумракѣ видны были двѣ конныя расплывающіяся фигуры, изъ которыхъ одна энергично размахивала руками, а другая наклонилась къ лукѣ, видимо, пытаясь дать лошади шпоры. Подлѣ конныхъ стояли наши часовые, человѣка четыре, и загораживали имъ дорогу винтовками.

— Вѣмъ или не вѣмъ,—кричалъ одинъ изъ часовыхъ,—о томъ начальство знаетъ. Разберутъ, братъ. Може разстрѣляютъ, а може и помилуютъ. Веди ихъ къ командиру, Исаченко!

— Красный Крестъ!—закричалъ другой часовой.—А я почемъ знать долженъ, когда ни зги, скажемъ, не видать. Я стрѣлять должонъ. Съ насъ тоже взыскиваютъ. А отпустить—это шутишь, это мы никакъ нѣтъ,—не могимъ.

— Красному Кресту развѣ полагается на посты прать? Знаемъ мы! Только для видимости съ крестомъ ѣздіютъ, а на дѣлѣ оно Богъ ѐ знаетъ что.

Исаченко, ворча и отплевываясь, провелъ конныхъ австрійцевъ, напоровшихся на нашъ сторожевой обходъ, къ начальству. Австрійцы, дѣйствительно, имѣли на рукавахъ повязки Краснаго Креста.

Спустя четверть часа, Исаченко вернулся, замѣтно смущенный и озадаченный.

— Въ чемъ дѣло, Исаченко?—спросили его солдаты.

— Кто ё пойметъ? Одинъ полякъ, а другой жидъ, и оба-двое австріяки. Врутъ, будто бинтовъ у нихъ не хватило, а раненыхъ страсть сколько: полторы тысячи. Ѣздили, говорятъ, за бинтами въ П., гдѣ ихній санитарный пунктъ. А пунктъ сгорѣлъ, и ничего тамъ нѣтъ. Имъ хоть тресни, бинтовъ надо. Вотъ они за бинтами къ намъ приперли.

— Врутъ! Чего другое имъ нужно было, — увѣренно сказалъ Ликинъ.

Подошелъ прапорщикъ В. и подтвердилъ разсказъ Исаченко. Австрійскіе санитары проблудили всю ночь, были въ двухъ мѣстахъ, гдѣ раньше находились ихъ санитарные пункты, но фронтъ подъ нашимъ неожиданнымъ натискомъ перемѣстился, и австрійскіе санитары не нашли лазаретовъ тамъ, гдѣ они ихъ искали. А такъ какъ имъ приказали безъ бинтовъ и медикаментовъ не возвращаться и добыть ихъ во что бы то ни стало, то они и рѣшили, по собственному почину, добыть ихъ у насъ.

— Я полагаю, что они просто порѣшили сдаться въ плѣнъ, не желая возвращаться съ пустыми руками,—высказалъ свое мнѣніе прапорщикъ.—Предлогъ у нихъ былъ, и довольно приличный: дескать, къ вашему благородству прибѣгаемъ, а вы, какъ знаете.

— Ну, а какъ командиръ?—спросилъ Поликарповъ.

— А онъ, посовѣтовавшись съ нашимъ докторомъ, рѣшилъ, къ великому, должно быть, огорченію австрійскихъ санитаровъ, поступить благородно.

— То-есть?

— То-есть, снабдить ихъ медикаментами, и отпустить съ миромъ.

— Да у насъ ихъ самихъ недостача, подвоза нѣтъ, обозы отстали. Какъ же это?

— Намъ нужно, а имъ, видимо, нужнѣе. Подѣлимся,— сказалъ прапорщикъ и весело усмѣхнулся. — Вотъ такъ штука! Непремѣнно напишу объ этомъ случаѣ домой. Уди-

ви-тель-но! То враги, а то: «Не будете ли вы любезны занять намъ медикаментовъ». Символично, можно сказать!.. Да вотъ они ѣдутъ.

Австрійскихъ санитаровъ съ завязанными глазами провели мимо насъ. Черезъ сѣдла ихъ лошадей были переброшены узлы. Лица австрійцевъ были хмуры и злы; у старшаго, рыжеусаго, подергивалась отъ злости вся нижняя, видная изъ-подъ повязки половина лица. Младшій, совсѣмъ безусый и черный, какъ цыганъ, проходя мимо насъ, споткнулся и буркнулъ:

— Am Teufel.

— Да ты, другъ, легче шагай,—сказалъ солдатъ, взявъ его подъ руку.—А то невзначай и носъ расшибешь.

Санитаровъ вывели за передовую цѣпь пикетовъ, развязали глаза и отпустили. Они нехотя, чуть ли не шагомъ, поѣхали прочь. Проводившіе ихъ солдаты вернулись.

— А знаете, ребята, чего у меня просилъ чернявый то?—разсказалъ солдатъ.

— Ну?

— Жрать просилъ. До смерти, баетъ, голоденъ.

— Какъ же ты его понять могъ, ежели онъ не по нашему говоритъ?

— Какъ не понять? Про жратву ежели, такъ всякъ человѣкъ пойметъ. Открылъ онъ ротъ, пожевалъ, потомъ на животъ показалъ и завылъ, точно волкъ. Понятное дѣло—жрать охота.

— А ты ему что?

— Да что? Отдалъ ему свои сухари. Жри на здоровье.

— Правильно.

Взошло солнце, яркое и веселое. Рожки затрубили сборъ. Далеко-далеко, за лѣсомъ, вспыхнулъ и всплылъ къ небу бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій, и скоро весь горизонтъ унизался дымками. Тамъ начался артиллерійскій бой, но канонада не долетала еще сюда. Было свѣжо, бодро, хотѣлось шагать по буровато-бѣлому талому снѣгу, шагать мѣрно, подъ команду: «лѣвой-правой».

Солдаты, напяливая амуницію и собираясь въ походъ, все еще дѣлились впечатлѣніями минувшей ночи. Туляки, вятичи, костромичи, суровые, неуклюжіе, съ корявой спотыкающейся рѣчью, съ закорузлыми руками, покрытые грязной корою, пропахнувшіе овчиной и потомъ, съ обвѣтренными лицами, съ бородами, сбившимися въ войлокъ, съ напряженно-сосредоточенными взорами сѣрыхъ и синихъ глазъ, съ грубыми ухватками, съ привычкой къ матерщинѣ и циничной брани,—туляки и вятичи такъ же просто шли сейчасъ въ бой, на смерть, какъ просто этой ночью, только-что, пожалѣли раненаго нѣмца, врага, какъ дѣлились съ нимъ послѣдними сухарями, какъ одобряли поступокъ начальства, отдавшаго врагамъ медикаменты.

Затерянный между ними, простыми людьми, я былъ одинъ, прочитавшій много хорошихъ книгъ, видавшій много красоты въ жизни и въ книгахъ, но пораженный, подавленный простой, но могучей красотой и величіемъ русскаго духа. Я вспомнилъ лицо Христа, спустившагося на поле брани: у него были такіе же простые, любящіе и страдающіе любовью глаза, какъ у Максютова, какъ у Ликина, какъ у всѣхъ этихъ сѣрыхъ людей. Я вспомнилъ ихъ ночные разговоры о плачущей землѣ, объ оправданіи крови, о любви къ врагу, вспомнилъ, какъ пензенецъ-солдатъ пожалѣлъ раненаго врага, а другой солдатъ накормилъ его, и стало жаль, зачѣмъ я не Максютовъ или Ликинъ, и стало страшно думать о томъ, что я буду дѣлать въ жизни, если уцѣлѣю и вернусь домой къ обычной обстановкѣ, къ книгамъ, въ шумный, каменный и холодный Петроградъ.

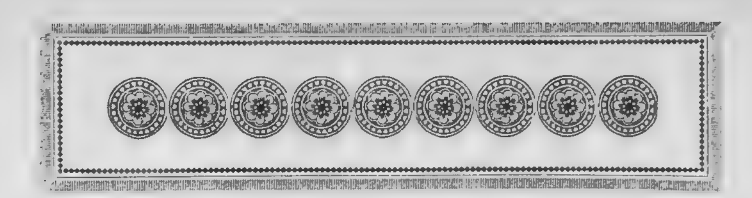
— Стройся!—раздалась команда.

Солдаты въ измятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ блиномъ, сѣрые и невзрачные, стали въ ряды и пошли, не торопясь, мѣрнымъ шагомъ впередъ, къ П., такъ же, какъ они шли къ Равѣ, къ Синявѣ, къ Стрыю. И солнце такъ же свѣтило, какъ тогда, и воздухъ былъ такъ же чистъ и свѣжъ, только было въ душѣ что-то новое, лучъ какой-то, просторно было въ душѣ, потому что упала съ нея книжная

короста, забыты навсегда формулы и схемы, и духъ живой творящей жизни, идущей отъ этихъ тульскихъ и пензенскихъ мужичковъ, смѣнившихъ зипуны и лапти на мундиры и сапоги, проникъ глубоко-глубоко въ сердце и переродилъ его...

ЯК. ОКУНЕВЪ.

Дѣлай, что дѣлаешь.

I.

Теперь люди часто спрашиваютъ другъ-друга и себя: есть ли настоящая война послѣдняя въ исторіи человѣчества, или суждено міру и впредь испытать ужасы кровопролитія и многомилліонной бойни?

На это отвѣтить можно такъ: если люди и впредь будутъ такими же, какими они были до настоящей войны, то и впредь будетъ война со всѣми ея ужасами. Какъ потопъ для соплеменниковъ Ноя былъ жестокой карой за ихъ грѣхъ и безпутство, такъ и нынѣшняя война есть лишь страшная расплата за безсиліе и дряблость вчерашняго дня.

Кто хотѣлъ войны? Если объ этомъ спросить всѣхъ, кто нынѣ дерется, всѣ до единаго отвѣтятъ: мы войны не хотѣли. Но какъ же могло случиться то, чего никто не хотѣлъ, да и сейчасъ не хочетъ? Если даже допустить, что десятокъ или сотня лицъ сознательно стремились къ войнѣ, то какъ можно допустить, чтобы этотъ десятокъ или сотня сумасшедшихъ все человѣчество увлекли на смертное поле? А это такъ и случилось: никто, кромѣ десятка сумасшедшихъ, не хотѣлъ и не хочетъ войны, а она свирѣпствуетъ, какъ ураганъ, ввергая въ смерть и разрушеніе все новыя части человѣчества.

И случиться это могло только потому, что у людей вчерашняго дня воля къ творчеству и жизни оказалась слабѣе, нежели стихійная воля къ разрушенію и смерти. Крѣпкихъ людей, волѣющихъ къ жизни, болѣзнь не

поражаетъ. Когда укротитель входитъ въ клѣтку со львами, то сила его не въ хлыстикѣ, которымъ онъ помахиваетъ, а въ напряженіи воли, блескѣ человѣческихъ глазъ; и если этой воли нѣтъ, и глаза не блестятъ, то и пушка не спасетъ его отъ ярости звѣря.

Когда люди дѣйственно хотятъ творить и жить, они живутъ и творятъ; когда они перестаютъ этого хотѣть, они умираютъ. Достаточно перваго насморка, чтобы уложить такого субъекта въ могилу,—онъ самъ туда просится. И люди вчерашняго дня сами просились въ могилу... Что жъ, она и раскрылась! Измельчали, раздробились, изъ залъ и храмовъ ушли въ квартирки, огню творчества предпочли тепло супружеской постели, не сумѣли овладѣть источниками жизни, погасили блескъ человѣческихъ глазъ.

II.

Но еще древніе сказали: дѣлай, что дѣлаешь. И сколь ни полезно для больного въ промежутокъ между двумя пароксизмами осознать причину болѣзни и осудить вчерашнее, передъ нимъ болѣе важная задача: побѣдить болѣзнь. Это значитъ: если вчера былъ слабъ и не сумѣлъ предотвратить войну, то будь силенъ сегодня и веди войну, какъ подобаетъ сильному. Не мечомъ побѣдишь, а волею.

Сейчасъ многіе,—конечно, не на передовыхъ позиціяхъ,—жалуются на усталость отъ «продолжительной войны», отворачиваютъ свой ликъ отъ газетъ «съ депешами», ищутъ разсѣянія въ мирныхъ удовольствіяхъ, строятъ свои маленькія келейки подъ елью, притворяются влюбленными въ кроткую гуманность, которая отъ нихъ ничего не требуетъ и позволяетъ спать спокойно. Это плохо, это—голосъ безсилія, это—скверные отголоски вчерашняго слѣпого и глухого дня, когда подъ носомъ у спящихъ воздвигался безумный жертвенникъ Молоху, а они думали, что это игрушка для всеобщаго развлеченія, и грезили о карьерѣ для дѣтей. Гдѣ ихъ дѣти теперь?

Слабые въ мирѣ, мы получили войну. Сильные въ войнѣ, мы добудемъ и крѣпкій миръ, въ основѣ котораго будутъ лежать наша сила и воля, а не слѣпая случайность и соизволеніе владыки Вильгельма. Не надо говорить: пусть поскорѣе кончится хоть какъ-нибудь война, и тогда я стану работать и творить,—это неправда. Это голосъ все того же безсилія и трусости передъ дѣломъ, коварные шопоты болѣзни, которая убѣждаетъ тѣло не бороться со смертью, ибо въ смерти—покой. Нѣтъ, надо безпокоиться, надо горѣть, надо быть сильнымъ сейчасъ, сію минуту; надо творить то, что на очереди. Пусть въ тріумфальныя врата завтрашняго дня мы вступимъ сильными и властными,—тогда и завтрашній день будетъ ясенъ и свѣтелъ, тогда и на него наложимъ мы волю свою. А пролѣзть туда сквозь лазейку рахитичнаго мира—это значитъ, что и завтра будетъ такъ же командовать нами, какъ командовало ничтожное и жалкое вчера. Это значитъ, что и завтра мы останемся тѣми же рабами случайнаго и безвѣстнаго, которые не творятъ сами, а съ которыми всегда что-то случается: вотъ съ нами сдѣлалась война, вотъ сдѣлалась съ нами реакція, а вотъ сдѣлается и подъемъ. Нѣтъ, мы сами должны сдѣлать подъемъ!

И тѣ, кто, отворачиваясь отъ войны, ждутъ завтрашняго дня, чтобы завтра проявить силу свою, ошибаются горько: у нихъ нѣтъ силы, и для нихъ не будетъ завтрашняго дня. Результатъ совокупности всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ силъ, не ими опредѣлится грядущій день, и не они будутъ его хозяевами, а тѣ, кто во-время взялъ вожжи въ руки и направилъ колесницу событій къ своей цѣли. И какъ прозѣвали они войну, которая готовилась пышно передъ ихъ глазами, такъ же прозѣваютъ они и миръ, который уже готовится и кричитъ о себѣ изъ всѣхъ грохочущихъ орудійныхъ жерлъ. Надо сейчасъ все вниманіе души, всю силу, все хотѣніе наше направить къ войнѣ и побѣдѣ, и тогда, овладѣвъ войной, овладѣетъ народъ и миромъ. Наученный страданіемъ, сильный окрѣпшей волей своею, онъ создастъ и настоящій, крѣпкій человѣческій

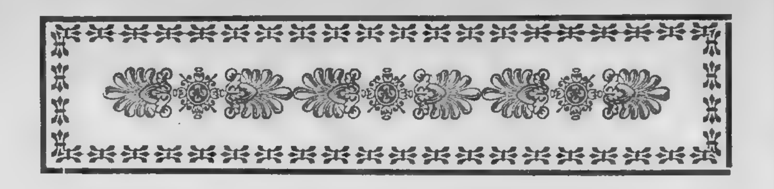
миръ, а не то пассивное состояніе «безъ драки», которое называлось, дикимъ словомъ «вооруженный миръ» и принималось, какъ жалкое благополучіе, безсильными и уже обреченными людьми вчерашней, мрачной Европы.

Сейчасъ происходитъ такъ, что отцы дома, а дѣти на войнѣ. И дѣти неповинны въ томъ, что отцы ихъ были слабы, мелочны, дрянны, безсильны въ творчествѣ и малодушны, торговали пушками какъ заправскимъ товаромъ; по пріуготованному пути идутъ дѣти, и братская могила въ концѣ его вырыта родительскими руками, какъ ни печально въ этомъ сознаваться. Но не всѣ, къ счастью, будутъ убиты; много ихъ останется и много вернется на родину; и надо, чтобы эти уцѣлѣвшіе мученики боя не испытали иного страданія, горчайшаго, нежели смерть: муки и стыда пораженія. Чѣмъ тогда оправдаемся? Какими глазами взглянемъ? Что, наконецъ, противопоставимъ тому чувству всесокрушающей и слѣпой мести, жуткаго отчаянія, которое свойственно всякому побѣжденному, дравшемуся храбро и пораженному не по своей винѣ?

Будемъ сильны и прямодушны. Всю любовь, какая есть, всю заботу и вниманіе отдадимъ нашему солдату: онъ мало того, что нашъ сынъ и братъ, мало того, что дерется и умираетъ за насъ и наши ошибки, онъ—славный, смѣлый, честный человѣкъ, котораго уважаютъ и враги. Не нытьемъ, не ссылками на мертвую теорію, не безплодными мечтами о мирѣ, а только негнущейся волею къ побѣдѣ оправдаемъ мы себя и облегчимъ его великій и тяжкій трудъ, его силу помножимъ на силу всей необъятной Россіи.

Не допустимъ, чтобы война вела насъ на поводу, какъ рабовъ, а будемъ сами вести войну, взнуздаемъ стихійное зло, разъ оно уже случилось, и бѣшенство его подчинимъ разуму и цѣли. И тогда завтрашній день, о которомъ уже поютъ пѣтухи, будетъ погожъ и свѣтелъ, и солнце крѣпкаго человѣческаго мира возсіяетъ надъ страною сильныхъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Славянское возрожденіе.

Если что-либо содѣйствуетъ популярности навязанной намъ войны, то это—сознаніе ея характера, какъ войны освободительной, войны за нашу независимость. Онъ чувствуется смутно всѣми, даже тѣми, кто не можетъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что было до сихъ поръ, и томъ, что должно быть. Слова «эманципація, раскрѣпощеніе, борьба съ засильемъ» на устахъ у всѣхъ. Мы принимаемъ мѣры къ тому, чтобы отнынѣ самимъ производить у себя тѣ товары, которые до сихъ поръ къ намъ ввозили наши западные сосѣди. Мы стараемся усовершенствовать свои лѣчебныя учрежденія, чтобы наши больные могли впредь находить въ предѣлахъ нашего отечества то здоровье, которымъ Богъ его надѣлилъ ничуть не скупѣе, чѣмъ любую страну Европы. И такъ далѣе.

И, разумѣется, все это чрезвычайно отрадно; нельзя, однако, не признаться, что эта борьба съ нѣмецкимъ засильемъ принимаетъ иногда формы, мало соотвѣтствующія значенію переживаемой исторической минуты. Конечно, если насъ въ магазинахъ, конторахъ и т. д. «просятъ не говорить по-нѣмецки», то къ этому слѣдуетъ отнестись просто, какъ къ мѣрѣ предупрежденія тягостныхъ сценъ; разсудительный человѣкъ будетъ помнить, что нѣмецкій языкъ—языкъ, между прочимъ, Шиллера, возвеличившаго тотъ самый Реймсскій соборъ, который разрушаютъ его потомки. Труднѣе примириться съ гоненіемъ на нѣмецкую музыку. Конечно, я не отрицаю національнаго характера

музыки; но я утверждаю, что ей дано быть выразительницей самаго чистаго и благороднаго, что только вложено природой въ народную душу, и что поэтому исключеніе нѣмецкой музыки изъ репертуаровъ нашихъ театровъ и концертовъ—кара, наложенная нами на самихъ себя. Но даже это было не такъ обидно, какъ то, что угрожало намъ нѣсколько недѣль назадъ и даже не столько намъ, взрослымъ, сколько нашимъ дѣтямъ: я говорю о замѣчавшемся кое-гдѣ въ нашемъ обществѣ бойкотѣ елки, какъ якобы нѣмецкаго изобрѣтенія. Здѣсь, впрочемъ, мой протестъ будетъ исходить изъ другихъ предпосылокъ: дѣло въ томъ, что мнѣніе, будто елка возникла изъ исконно-германской обрядности, ровно ни на чемъ не основано. Уже въ античномъ мірѣ еловая вѣтвь, зеленая въ мертвомъ царствѣ зимы, была символомъ жизни среди смерти, побѣды жизни надъ смертью; отсюда ея роль въ тѣхъ мистеріяхъ, которыя имѣли содержаніемъ побѣду надъ смертью и воскресеніе—еще задолго до воцаренія христіанства. И такое же точно значеніе имѣетъ и горящая восковая свѣчка—побѣды свѣта надъ окружающимъ мракомъ.—Если же спросить себя, когда и гдѣ, впервые, появляется спеціально рождественская елка, то придется отвѣтить: въ Страссбургѣ, въ началѣ XVII в. Кто, поэтому, называетъ елку нѣмецкимъ изобрѣтеніемъ, тотъ не только обнаруживаетъ этимъ полное непониманіе ея глубокаго смысла, какъ символа жизни среди окружающей смерти—онъ, кромѣ того, еще поддерживаетъ косвенно нѣмецкія притязанія на Страссбургъ и на Эльзасъ, а это, несомнѣнно, очень непатріотическій образъ дѣйствій.

Итакъ, сохранимъ въ своей рождественской обрядности эту милую эльзаску, стараго и добраго друга нашихъ дѣтей; этимъ мы заодно избѣгаемъ и другого упрека—что мы размѣниваемъ на слишкомъ мелкую и нестоящую монету золотое содержаніе переживаемыхъ дней. А въ чемъ это содержаніе—это я постарался выразить въ тѣхъ двухъ словахъ, которыми я озаглавилъ свою статью,—славянское возрожденіе.

Но что же это такое—славянское возрожденіе?

Многимъ изъ читателей, вѣроятно, приходилось видѣть географическія карты, называемыя «схематическими». Таковыя мало похожи на тѣ, по которымъ мы путешествуемъ; ихъ цѣль—научная, а не практическая. Всѣ детали пропущены; немногіе рѣзкіе штрихи обозначаютъ главные горные кряжи, главныя водныя артеріи, давая возможность уяснить себѣ возникновеніе и образованіе геологическаго облика страны. Такъ вотъ такого рода схематическую карту развитія европейской культуры и я желалъ бы представить читателямъ въ нижеслѣдующемъ; прошу не удивляться, если она выйдетъ мало похожей на обычныя представленія.

Родилась эта культура въ восточномъ Средиземноморіи—точнѣе говоря, въ античной Греціи. Проведемъ же здѣсь первый рѣзкій штрихъ; обозначимъ его словомъ «античность»; спросимъ себя, почему рядомъ съ нимъ нѣтъ другихъ параллельныхъ штриховъ, почему для насъ всемірная исторія на протяженіи цѣлыхъ столѣтій сводится къ исторіи Греціи, т. е., страны, цѣликомъ умѣщающейся въ одной нашей новгородской губерніи? Вѣдь прочіе народы Европы—будемъ ли мы ихъ производить отъ Адама или отъ кого и чего угодно—не менѣе древни, чѣмъ Греки; почему же о нихъ не говорятъ, почему они за тотъ промежутокъ времени не произвели своей культуры?—Какъ бы мы ни отвѣтили на этотъ вопросъ, ясно одно: если за столько тысячелѣтій не произвели, значитъ, не были способны произвести; значитъ, и послѣ никогда бы не произвели отъ себя. Культура новой Европы—результатъ своего рода прививки: прививки благороднаго черенка античности къ кельтскому, германскому, славянскому дичку. И культурная самобытность народа вовсе не заключается въ томъ, чтобы онъ самъ изъ себя создавалъ культуру—мы вѣдь видѣли, онъ къ этому не способенъ; она заключается въ томъ, чтобы онъ производилъ указанную прививку непосредственно, а не отъ одного изъ современныхъ себѣ народовъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ становится

культурнымъ данникомъ того народа, оплодотворенную кровь котораго онъ перельетъ въ свою.

Такія прививки мы называемъ ренессансами или, по-русски, **возрожденіями**; это слово слѣдуетъ понимать такъ: возрожденіе античности въ крови новаго народа, возрождающаго заодно съ ней и самого себя въ смыслѣ достиженія своей національной самобытности. Ибо это безъ того невозможно: выводъ теоріи подтверждается исторіей.

Эта исторія знаетъ цѣлую серію такихъ возрожденій: ирландское св. Колумбана, каролинговское, французское при Карлѣ Лысомъ, давшее французскому языку въ Западной Европѣ приматъ надъ другими. Но особенно важными были два послѣдующихъ возрожденія, стоящія на порогѣ: одно—новой, другое—новѣйшей исторіи: романское возрожденіе XIV—XVI и германское XVIII—XIX в.

Первое мы называемъ романскимъ потому, что оно разыгралось преимущественно въ романской Европѣ. Ядромъ была Флоренція XIV в.; отсюда оно завоевало Италію въ XV в. и страны сѣвернѣе Альпъ въ XVI в. Германскій міръ былъ имъ тоже затронутъ; но въ немъ я разумѣю главнымъ образомъ Германію и Англію—его плоды были заглушены и уничтожены реформаціей, которая была настоящей реіудаизаціей христіанства—что не помѣшало ей, впрочемъ, быть въ то же время и антисемитской. Нѣмецкая живопись, такъ роскошно расцвѣтшая, благодаря Дюреру, Гольбейнамъ, Кранахамъ, прекратилась послѣ Лютера, и поэтъ англійскаго возрожденія Шекспиръ былъ преданъ анафемѣ пуританизмомъ.

Настоящее германское возрожденіе наступило лишь во вторую половину XVIII в.; его предтечами были Лессингъ, Гердеръ, Винкельманъ, но геніями-творцами были Гете и Шиллеръ, особенно первый. Его итальянское путешествіе—тогда еще рѣдкость для сѣверныхъ людей—сдѣлало эпоху и въ его жизни, и черезъ него въ прочей Германіи: онъ «осредиземноморилъ» нѣмецкую культуру, онъ основательно и прочно привилъ къ ней черенокъ средиземноморской античности, онъ же добылъ для нея и національную само-

бытность. О результатахъ его начинаній мы послушаемъ не его соотечественниковъ, мы послушаемъ человѣка, безпристрастье котораго не можетъ быть заподозрѣно, ибо этотъ человѣкъ—французъ, Ипполитъ Тэнъ. «Отъ 1780 до 1830 г.,—говоритъ онъ въ своей исторіи англійской литературы, (V 268)—Германія произвела всѣ идеи нашего историческаго вѣка, и въ теченіе полустолѣтія, еще, быть можетъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія нашимъ великимъ дѣломъ будетъ ихъ передумывать вновь». Теперь приближается крайній, поставленный Тэномъ предѣлъ для дѣйствія идей, созданныхъ германскимъ возрожденіемъ. И что наступитъ тогда?

Мой отвѣтъ—славянское возрожденіе.

Дѣйствительно, славянскій міръ былъ пока мало затронутъ возрожденскимъ потокомъ. Его католическая часть, правда, испытала на себѣ вліяніе романскаго возрожденія, особенно Польша, и изъ Польши оно перекинулось и въ Россію—уже при Грозномъ, но затѣмъ, по минованіи смутнаго періода, съ особенной силой при Алексѣѣ Михайловичѣ, благодаря посредствующему звену, Кіевской Академіи. Затѣмъ польское вліяніе смѣняется французскимъ, которое тоже приноситъ къ намъ сѣмя античности, но опять не въ чистомъ, а въ претворенномъ офранцуженномъ видѣ. Затѣмъ, уже подъ дѣйствіемъ германскаго возрожденія второй половины XVIII в., на смѣну французскому вліянію приходитъ нѣмецко-англійское, мы и сами начинаемъ передумывать тѣ идеи, о которыхъ Тэнъ говоритъ, что имъ принадлежитъ столѣтіе послѣ смерти ихъ величайшаго пророка Гете. Попытки непосредственной прививки дѣлаются, но ихъ успѣхъ не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ: отчасти потому, что къ культурнымъ цѣлямъ примѣшиваются политическія, антипатичныя лучшей части русскаго общества, отчасти же и потому, что эта прививка сопряжена съ работой, польза которой недостаточно очевидна, чтобы поставить ее выше другой, прикладной и поэтому наглядно-полезной работы. И все же извѣстный прогрессъ за послѣднее поколѣніе замѣтенъ: общество ищетъ, стремится,

и въ этихъ поискахъ и стремленіяхъ все внимательнѣе прислушивается къ голосу, раздающемуся съ теплыхъ береговъ Средиземноморія.

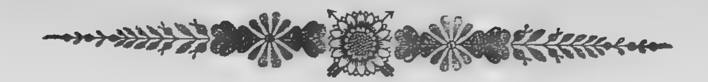
И вотъ, ускоряя медленный шагъ неизбѣжности, великая, міровая, освободительная война 1914 г. Забудемъ на время объ ея ужасахъ, о томъ невозвратимомъ, что она уже унесла и еще унесетъ; представимъ себѣ ее оконченной, благополучно оконченной. Мы побѣдили; что же будетъ наградой побѣдителю? Мы побѣдили; кого? Прежде всего, конечно, нашихъ западныхъ сосѣдей; поднятый за попранное славянство мечъ сдѣлалъ свое дѣло, освободительница Россія окружила свою западную окраину полукольцомъ славянскихъ земель, свободныхъ въ языкѣ, вѣрѣ и самоуправленіи. Ея политическая гегемонія среди нихъ обезпечена: кому же, какъ не ей, охранять ихъ отъ новыхъ посягательствъ со стороны побѣжденнаго, но злопамятствующаго врага? Но это пока только политическая гегемонія; какъ превратить ее въ культурную? И какъ распространить эту культурную гегемонію—въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смылѣ слово—и на прочую Европу, ждущую новыхъ идей послѣ того, какъ тѣ старыя, созданныя германскимъ возрожденіемъ, затоплены въ германскомъ милитаризмѣ?

Если что-либо можетъ насъ убѣдить въ провиденціальномъ характерѣ нашей войны, то это именно то, что она ведется не противъ однихъ только нашихъ западныхъ сосѣдей. Старый мусульманскій змѣй, угрюмый стражъ средиземноморской красавицы, добровольно выползъ изъ своего логовища и пошелъ навстрѣчу Георгію Побѣдоносцу. И онъ, разумѣется, будетъ сраженъ; давно уже выморочное наслѣдство халифовъ въ той или иной формѣ, но будетъ раздѣлено между побѣдителями. Въ той или иной—насъ здѣсь интересуетъ не политическая, а культурная сторона вопроса. Въ Месопотаміи, повидимому, первенствуетъ Англія, Сирія еще съ наполеоновской эпохи испытываетъ тяготѣніе Франціи; но Анатолія, такъ или иначе, должна быть нашей. Мы не тронемъ Греціи, нашей почти-что союз-

ницы; мы, быть можетъ, даже предоставимъ ей часть западнаго анатолійскаго побережья, ту Іонію, изъ за которой ея античные предки вели вѣковыя войны съ персами—въ зависимости отъ ея участья въ общемъ дѣлѣ. Но все же главная часть полуострова войдетъ въ составъ нашей Имперіи, на благо себѣ и намъ. Нѣкогда это была самая населенная, самая счастливая часть Средиземноморія; одна ея западная треть въ римскія времена носила названіе «провинціи 500 городовъ», о теперешнемъ же ея состояніи послушаемъ знатока—этотъ разъ нѣмецкаго ученаго Моммзена: «Гдѣ только изслѣдователю открывается уголокъ земли, пощаженный разрушительной силой того $1^1/_2$-тысячнаго періода, который насъ отдѣляетъ отъ тѣхъ временъ, тамъ наше первое и самое могучее чувство—чувство ужаса и, можно сказать стыда, о контрастѣ жалкаго и презрѣннаго настоящаго со счастьемъ и блескомъ минувшей римской эпохи». Правда, если бы вызвать изъ могилы Моммзена и спросить его кто довелъ эту нѣкогда цвѣтущую страну до нынѣшняго ея ужаснаго положенія—ему пришлось бы отвѣтить: «наши союзники, тѣ, которыхъ мы натравили на васъ и всю христіанскую культуру—турки».

Вотъ съ ними-то и предстоитъ намъ борьба, для возвращенія Анатоліи ея былого счастья; изъ-подъ мусульманскаго налета мы должны обнаружить задушенную ими плодородную эллинскую почву. Наше соприкосновеніе съ эллинизмомъ будетъ полнымъ, прививка античности совершится сама собою въ силу неотложныхъ практическихъ задачъ. Гете пришлось путешествовать въ Италію, чтобы привести оттуда теплое дуновеніе Средиземнаго моря; наше положеніе будетъ лучше—мы впустимъ эллинизмъ къ себѣ. Когда нашъ флагъ будетъ развѣваться не только на берегахъ Босфора и Геллеспонта, но и по южной каймѣ Малой Азіи—тогда и мы осредизмемноморимъ нашу культуру, согрѣемъ ее окончательно той теплой струей гуманности, которую до сихъ поръ все остужали холодные вѣтры, дующіе съ Ледовитаго океана.

Ѳ. ЗѢЛИНСКІЙ.

Война и религія.

. . . .

«Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай.—Гдѣ ты былъ Касьянъ-угодникъ?—спросилъ Богъ.

— Я былъ на землѣ. Случилось мнѣ итти мимо мужика, у котораго возъ завязъ, онъ просилъ меня: «помоги возъ вытащить», да я не хотѣлъ марать райскаго платья.

— Ну, а ты, Никола-угодникъ, гдѣ такъ выпачкался?

— Я былъ на землѣ, шелъ по той же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ.

— Слушай, Касьянъ,—сказалъ тогда Богъ.—За то, что ты не помогъ мужику, будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику возъ вытащить, будутъ служить два раза въ годъ».

Возъ человѣчества завязъ . . . . Не будемъ же проходить мимо, сохраняя чистоту райскаго платья; будемъ вытаскивать возъ, ...

Что есть кое что и въ войнѣ доброе, — это сейчасъ всѣ видятъ. Такъ уже міръ устроенъ, что цѣною великаго зла покупается великое благо.

Одно изъ «благъ» войны—познаніе народа. Мы всегда вѣрили въ народъ; теперь уже не вѣримъ, а видимъ, знаемъ. Не то удивительно, что народъ въ войнѣ храбръ, а то, что

онъ сохраняетъ человѣчность, образъ и подобіе Божія. Золотая руда была землей засыпана, покрыта вѣковой ржавчиной. Но мечъ ударилъ по ней, и вотъ разрѣзъ ея сверкающій!

Золото, золото—сердце народное!

Еще удивительнѣе познаніе того, что мы такъ презрительно называли донынѣ «мѣщанствомъ» современной Европы. По всей вѣроятности, это почти конецъ стараго порядка, «мѣщанскаго», и начало новаго, неизвѣстнаго. И вотъ, надо быть справедливымъ, есть величіе въ этомъ концѣ! Если начало «мѣщанской» Европы въ великой революціи было прекрасно, то и конецъ въ великой войнѣ также прекрасенъ.

Золото, золото—сердце мѣщанское!

Конецъ «мѣщанства»—конецъ «индивидуализма», мнимаго, нерелигіознаго утвержденія личности.

«Сейчасъ—одно изъ двухъ: или уйти въ войну, или уйти въ себя»,—говоритъ мнѣ одинъ изъ послѣднихъ русскихъ «индивидуалистовъ».

Это, конечно, самообманъ: въ себя отъ войны не уйдешь, потому что война не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ. Именно сейчасъ въ этой войнѣ больше, чѣмъ когда-либо, чувствуется малость одного, величіе всѣхъ.

Тутъ есть правда, но есть и ложь или опасность лжи.

Война—затменіе личности, не только мнимой, но и подлинной. Отъ Байрона до Ибсена, отъ Достоевскаго до Ницше мѣщанскій индивидуализмъ не отвѣтилъ на религіозный вопросъ о личности, но поставилъ его такъ, какъ онъ еще никогда не ставился. Отвѣта на этотъ вопросъ,—вотъ чего ждетъ Европа не отъ войны, а отъ того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны. А что ждетъ Россія?

Что народъ идетъ на войну,—пусть еще безсознательно или полусознательно, — за какою-то правдой, и что эта правда будетъ возрожденіемъ Россіи, — мы всѣ надѣемся. Но одной надежды мало: надо готовить этотъ исходъ, закрѣплять въ сознаніи мгновенный, стихійный порывъ.

Русская интелллигенція—сознаніе Россіи. Сейчасъ менѣе, чѣмъ когда-либо, должно ей отрекаться отъ себя самой. Кто нынче не вѣритъ во все, что угодно, иногда съ безумною и преступною легкостью? Дешева стала вѣра, сомнѣніе—дорого. Сомнѣніе—сознаніе—«воздушная развѣдка» надъ вражескимъ станомъ. Не будемъ же бояться сомнѣній, не будемъ стрѣлять по своимъ собственнымъ летчикамъ.

. . . .

Если эта война—«война всего міра», то и конецъ ея, миръ,—«миръ всего міра».

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не такъ, какъ міръ, Я даю вамъ».

Міръ хотѣлъ дать свой миръ, безъ Христа, и вотъ что далъ. Пусть же этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ.

Миръ всего міра—послѣдній миръ. Истолковать народу религіозный смыслъ не войны, а того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны—задача русскаго сознанія.

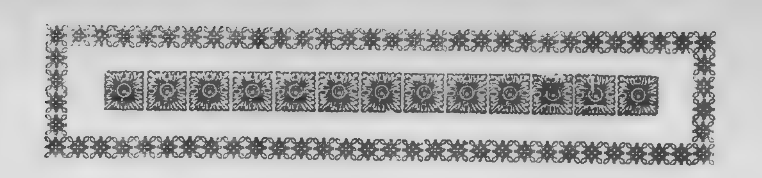
Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Грянулъ громъ войны,—и перекрестился народъ. Перекрестимся же и мы. Народъ не услышитъ насъ и не пойдетъ за нами, пока мы этого не сдѣлаемъ.

Религія—«частное дѣло», Privatsache. До чего доводитъ это утвержденіе мнимой религіозной личности, религіознаго «индивидуализма»,—мы видѣли воочію на страшныхъ судьбахъ Германіи. Пусть же и этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ. Нѣтъ, религія—не частное, а о б щ е е дѣло, самое общее, самое о б щ е с т в е н н о е изъ всѣхъ дѣлъ человѣчеекихъ.

Что такое христіанинъ, что такое Христосъ, какъ начало религіозной общественности? Пока мы не отвѣтимъ на этотъ вопросъ, мы не сможемъ отвѣтить и на вопросъ, чего Россія ждетъ отъ насъ?

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Отрезвленіе народа и физическое и нравственное его оздоровленіе.

Послѣдовавшее въ связи съ событіями военнаго времени воспрещеніе продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ для внутренней жизни Россіи представляетъ собою актъ такой важности, который стоитъ, быть можетъ, больше побѣдъ, которыя одерживаются на поляхъ сраженій. То, что составляло пожеланія русскихъ ученыхъ, въ особенности психіатровъ, высказывавшихся не только индивидуально, но и на съѣздахъ и уже давно, наконецъ, получило реальное осуществленіе. Я напомню, что еще на первомъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ въ 1885 году, раздавались рѣчи по поводу вреднаго вліянія алкоголя на психическое здоровье населенія. Затѣмъ, около 10 лѣтъ назадъ, на 2-омъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ г. Кіевѣ, въ качествѣ предсѣдателя собранія, посвященнаго докладамъ по алкоголизму, я заявилъ, что, помимо индивидуальной борьбы съ алкоголизмомъ, «мы должны прибѣгнуть къ общественной борьбѣ съ нимъ, и эта борьба—самая главная. Здѣсь мы должны поставить требованіе, чтобы правительство не извлекало доходовъ съ населенія на счетъ его здоровья» [1]).

Далѣе въ рѣчи на 3-мъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Петроградѣ въ 1910 г., останавливаясь на вопросѣ объ алкоголизмѣ, я заявилъ слѣдующее: «Имѣя въ виду, какое огромное вліяніе на развитіе нервныхъ и ду-

[1]) См. «Труды съѣзда», стр. 342.

шевныхъ заболѣваній оказываетъ распространеніе алкоголя въ населеніи, необходимо всемѣрно добиваться того, чтобы алкоголь былъ совершенно изъятъ изъ вольной продажи, какъ и всякій другой вредоносный напитокъ» (см. «Труды съѣзда»). Не мало было говорено о томъ же и на первомъ съѣздѣ по борьбѣ съ пьянствомъ, а также въ обществахъ и комиссіяхъ, занятыхъ вопросами алкоголизма. Я привожу здѣсь только тѣ указанія, которыя сдѣланы на съѣздахъ, въ обществахъ и комиссіяхъ, гдѣ работаетъ коллективная научная мысль, и вовсе не касаюсь многочисленныхъ заявленій со стороны тѣхъ или другихъ психіатровъ и другихъ ученыхъ и, въ томъ числѣ, принадлежащихъ лично мнѣ въ которыхъ проводится мысль [1]) о необходимости самой настойчивой борьбы съ алкоголизмомъ, какъ съ общественнымъ зломъ, въ интересахъ душевнаго и физическаго здоровья населенія.

Укажу также, что въ томъ же 1912 году, въ статьѣ «Алкогольная политика или алкогольное оздоровленіе» [2]), опровергая взгляды профессора И. Сикорскаго, я опредѣленно заявляю: «Всякому должно быть ясно, что ни о какой радикально-предупредительной борьбѣ съ развитіемъ алкоголизма у насъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока не измѣнится кореннымъ образомъ взглядъ на алкоголь, какъ на источникъ государственнаго дохода. Этотъ источникъ долженъ разсматриваться, не какъ желательный и неотъемлемый, а, какъ неизбѣжное пока зло, въ ближайшее время подлежащее устраненію».

Теперь, когда актъ такой важности, какъ воспрещеніе продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ въ Россіи и притомъ навсегда, является уже совершившимся фактомъ, представляется почти невозможнымъ оцѣнить всѣ тѣ благія послѣдствія, которыя можно ожидать отъ этой мѣры въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи для населенія

[1]) См. мою работу «Объ алкогольномъ оздоровленіи», «Р. Врачъ» № 36, 1912 г.

[2]) «Вѣстникъ Европы», въ 1912 г.

Россіи, если, конечно, она будетъ осуществляться съ извѣстной настойчивостью и войдетъ въ жизнь народа.

Но несомнѣнно, что раньше и прежде всего эта мѣра должна отразиться на моральномъ и физическомъ здоровьѣ населенія, и въ этомъ отношеніи предвидимые результаты могутъ быть оцѣниваемы уже теперь.

Нечего говорить, что съ подъемомъ экономическаго благосостоянія населенія, при его отрезвленіи, должно выиграть въ огромной мѣрѣ и его здоровье вообще, что отразится благопріятнымъ образомъ на смертности населенія, какъ извѣстно, въ Россіи очень высокой по сравненію съ другими странами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ отрезвленіемъ населенія слѣдуетъ въ ближайшее же время ожидать непосредственныхъ результатовъ въ отношеніи улучшенія физическаго и душевнаго здоровья всего населенія Россіи, а въ зависимости отъ этого въ Россіи должна устраниться ежегодная убыль населенія, происходившая отъ послѣдствій алкоголизма. Какъ извѣстно, число смертныхъ случаевъ, даже по старымъ статистическимъ даннымъ, отъ одного только опоя, исчисляется въ 1000 человѣкъ ежегодно.

Но число ежегодно погибающихъ отъ опоя еще ничуть не выражаетъ общаго числа лицъ, погибающихъ ежегодно при условіяхъ алкоголя, гдѣ алкоголь и вызываемое имъ опьяненіе составляютъ одно изъ важныхъ условій. Къ этимъ случаямъ необходимо отнести утонувшихъ въ пьяномъ видѣ, на смерть убившихся, вслѣдствіе паденія и травмъ, происшедшихъ въ нетрезвомъ состояніи, погибшихъ отъ драки въ пьяномъ видѣ, кончившихъ самоубійствомъ въ опьяненномъ состояніи, погибшихъ пьяными при пожарахъ, часто обусловленныхъ пьянствомъ же, замерзшихъ въ пьяномъ видѣ, убитыхъ отъ руки пьяницъ и, наконецъ, огромное количество тѣхъ, которыхъ алкоголь убиваетъ медленною смертью, какъ всякій другой ядъ при долговременномъ его употребленіи, и которые значатся умершими отъ разныхъ болѣзней безъ указаній о происхожденіи самихъ болѣзней отъ алкогольныхъ излишествъ.

Число погибающихъ отъ болѣзней, одной изъ причинъ которыхъ является алкоголь, къ сожалѣнію, статистика не указываетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно, при самомъ приблизительномъ подсчетѣ, могло бы привести въ ужасъ всякаго.

Не можетъ подлежать далѣе сомнѣнію вліяніе алкоголя на вырожденіе населенія, на развитіе хилости потомства вообще и на увеличеніе числа дѣтской смертности въ семьяхъ алкоголиковъ. Проистекающій отсюда вредъ также долженъ сказываться сокращеніемъ смертности населенія въ той или другой мѣрѣ и укрѣпленіемъ здоровья населенія вообще.

При оцѣнкѣ оздоровляющаго вліянія воспретительной системы по отношенію къ крѣпкимъ спиртнымъ напиткамъ нельзя не принять во вниманіе также спеціальное вліяніе этой системы на развитіе душевныхъ болѣзней въ населеніи. По статистическимъ даннымъ число душевно-больныхъ, которыхъ болѣзнь находится въ соотношеніи съ потребленіемъ алкоголя, колеблется отъ 10% до 40% всего вообще числа душевно-больныхъ. Широкое колебаніе этой цифры собственно обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ различными взглядами на злоупотребленіе спиртными напитками.

Но несомнѣнно одно, что въ 40% отмѣчается въ числѣ другихъ причинъ душевныхъ болѣзней и потребленіе спиртныхъ напитковъ.

Во всякомъ случаѣ очень точная прусская статистика доказываетъ существованіе прямого соотношенія между числомъ душевныхъ заболѣваній и числомъ питейныхъ заведеній той или другой мѣстности. Данныя, имѣющіяся у насъ по отношенію къ лечебнымъ заведеніямъ для душевнобольныхъ, находятся также въ согласіи съ этими данными.

У насъ, между прочимъ, доказано, что число прогрессивныхъ паралитиковъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ количествомъ потребляемаго алкоголя, приходящимся на каждую душу населенія.

Но всѣмъ извѣстно, что алкоголь дѣйствуетъ губительно не только на самихъ потребителей, но и на ихъ потомство, выражаясь здѣсь развитіемъ эпилепсіи, идіотизма и вообще ослабленіемъ его нервно-психическаго здоровья, что также должно быть принято во вниманіе въ данномъ вопросѣ.

Наконецъ, при оцѣнкѣ вышеуказанной мѣры нельзя упускать изъ виду и вопроса о нравственномъ оздоровленіи населенія въ смыслѣ уменьшенія хулиганства и преступности населенія и развитія въ немъ разврата, что уже въ настоящее время становится вполнѣ очевиднымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ прекращена продажа крѣпкихъ напитковъ, тотчасъ же отовсюду стали появляться газетныя сообщенія о поразительномъ уменьшеніи хулиганства съ одной стороны, и о сокращеніи числа преступленій съ другой. И не подлежитъ сомнѣнію, что отрезвленіе населенія должно отразиться огромными послѣдствіями въ отношеніи нравственнаго оздоровленія страны.

Чтобы оцѣнить значеніе, которое можетъ сыграть алкоголь въ указанномъ отношеніи, достаточно обратиться къ цифрамъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ сужденій и бѣглыхъ наблюденій могутъ свидѣтельствовать о томъ, въ какой мѣрѣ распространеніе алкоголя является моментомъ, содѣйствующимъ нравственному упадку населенія и развитію въ немъ преступности.

По статистическимъ даннымъ давно извѣстно, что существуетъ опредѣленное соотношеніе между распространеніемъ спиртныхъ напитковъ и преступности въ населеніи.

Прежде всего уже давно установлено, что въ тѣхъ департаментахъ Франціи, въ которыхъ больше потребляется спиртныхъ напитковъ, и число преступленій оказывается большимъ по сравненію съ другими.

Но имѣются и болѣе опредѣленныя статистическія данныя, указывающія на соотношеніе алкоголизма и преступности населенія.

Такъ, Monin на долю алкоголя относитъ отъ 50% до 60% совершаемыхъ преступленій, Gallavardin признаетъ,

что около 70% всѣхъ преступленій совершается подъ вліяніемъ алкоголя. По Joffroy'ю алкоголь стоитъ въ связи съ преступленіями всякаго рода, особенно грабежомъ, убійствомъ, нанесеніемъ тяжкихъ увѣчій и т. п. По даннымъ его алкоголь въ Германіи является причиннымъ факторомъ 46% убійствъ, 63% грабежей и 74% нанесенія ранъ и увѣчій. Krafft-Ebing указываетъ, что около 50% всѣхъ преступленій происходитъ подъ вліяніемъ алкоголя, а по Bunge даже отъ 70% до 80% всѣхъ преступленій являются послѣдствіями пьянства. Также и по Krohné, директора тюремъ въ Ольденбургѣ, Гессенѣ, Шлезвигѣ, Голштиніи и Бранденбургѣ, около 70% всѣхъ преступленій и проступковъ стоитъ въ связи съ опьяненіемъ.

Въ Голландіи Legrain почти $^{15}/_{16}$ всѣхъ вообще преступленій и проступковъ ставитъ въ связь съ опьяненіемъ. Почти тоже имѣетъ значеніе и для Америки. Въ Канадѣ, напримѣръ, $^{9}/_{10}$ арестованныхъ мужчинъ и $^{19}/_{20}$ арестованныхъ женщинъ совершили преступленія и проступки въ связи съ потребленіемъ алкоголя.

Замѣтимъ еще, что діаграммы M. Steys'a на брюссельской международной выставкѣ показали, что 75% всѣхъ преступленій и проступковъ было совершено въ пьяномъ видѣ, а изъ убійствъ — 35%.

У насъ въ Россіи общей статистики въ этомъ отношеніи не можетъ быть установлено, но отдѣльныя изслѣдованія могутъ и здѣсь дать соотвѣтствующія указанія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на двѣ диссертаціонныхъ работы, вышедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петроградѣ съ моимъ участіемъ, какъ цензора этихъ работъ,—это доктора Кроля и доктора Григорьева. Первый, изучивъ 3.226 дѣлъ за десятилѣтіе 1885 — 1894, бывшихъ въ уголовномъ отдѣленіи казанскаго окружного суда, нашелъ, что въ 42,68% преступленія падаютъ на алкоголиковъ; за богохуленіе и святотатство осуждено 63,2% алкоголика, за поджоги—31,8%, за побои, раны, увѣчья и истязанія—44,7%, за неосторожное убійство, покушеніе на убійство и нанесеніе смертныхъ ранъ—53,7%, за разбои и

грабежи—70,2%, за изнасилованіе—51,9%, за оскорбленіе—37,2% алкоголиковъ. Съ другой стороны, изъ работы Григорьева, имѣвшаго на разсмотрѣніи 10.000 дѣлъ въ архивѣ петроградскаго окружного суда, оказывается, что за періодъ съ 1883 по 1898 г., гдѣ подсудимые оказались пьяницами или пьяными, всего было—40,5%, а въ уѣздахъ—37,2%, съ другой стороны дѣлъ, гдѣ пьянство вообще было замѣшано, въ Петроградѣ было—44,5%, въ уѣздахъ же—44,4%. Изъ всѣхъ же подсудимыхъ обоего пола, судившихся въ петроградскомъ окружномъ судѣ, было — 47%, т.-е., около половины пьяницъ или пьяныхъ при совершеніи самого преступленія.

Принявъ во вниманіе всѣ указанныя данныя, необходимо признать, что устраненіе крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ изъ вольной продажи должно отразиться прежде всего уменьшеніемъ преступленій и проступковъ въ населеніи страны по крайней мѣрѣ на одну треть.

Но сверхъ всего прочаго должно устраниться или существенно сократиться, и сократилось уже, судя по сообщеніямъ изъ деревни, то общественное бѣдствіе, которое извѣстно подъ названіемъ хулиганства и которое, лишь въ меньшинствѣ случаевъ, является предметомъ судебнаго разбирательства.

Наконецъ, имѣется еще одно общественное зло большой важности. Это проституція, которая, какъ извѣстно, поддерживается въ значительной мѣрѣ алкоголизмомъ. Врядъ ли нужно доказывать, что посѣщеніе проститутокъ часто обусловливается лишь алкогольными излишествами. Поэтому вполнѣ понятно, что, какъ и показываетъ анкета Общества защиты женщинъ, проституція за послѣднее время существенно сократилась въ Петроградѣ вмѣстѣ съ прекращеніемъ вольной продажи водки, и, очевидно, также сократилась она въ той или иной мѣрѣ и въ другихъ городахъ.

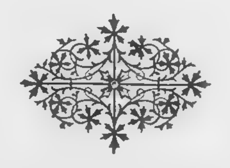
Такимъ образомъ, и въ этой гнусной язвѣ современной цивилизаціи замѣчается очищеніе отъ скверны, котораго нельзя было достигнуть пока никакими иными способами.

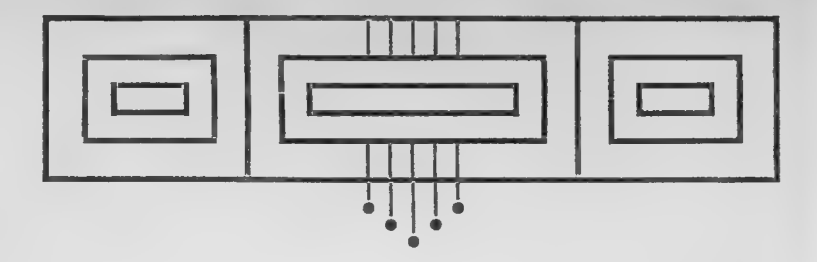
Всѣ эти данныя сами по себѣ такого рода съ государ-

ственно-общественной точки зрѣнія, что запрещеніе продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ необходимо разсматривать, какъ актъ, не только большого экономическаго значенія, но и существенно содѣйствующій физическому и морально-психическому оздоровленію населенія, а это само по себѣ является факторомъ большой государственной важности.

Остается пожелать, чтобы реформа отрезвленія Россіи была доведена до конца и были бы изъяты изъ вольной продажи всѣ вообще спиртные напитки, признаваемые наукой по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя вредными, а съ другой стороны, чтобы осуществленіе реформы не ограничивалось однимъ запрещеніемъ вольной продажи всѣхъ вообще спиртныхъ напитковъ, но чтобы, въ связи съ этой реформой, были приняты и другія мѣропріятія, содѣйствующія полезному заполненію того народнаго досуга, который открывается вмѣстѣ съ устраненіемъ празднаго времяпрепровожденія, связаннаго съ прежнимъ пьянствомъ.

Академикъ В. БЕХТЕРЕВЪ.

Преступленія на войнѣ и наказуемость ихъ съ соціологической точки зрѣнія.

Германскія и австрійскія арміи, т. е., вооруженные народы Германіи и Австріи, не безъ соучастія такъ называемыхъ мирныхъ жителей этихъ государствъ (отношеніе къ путешественникамъ, измѣнническія нападенія, подвиги иныхъ врачей и сестеръ милосердія), совершили въ Бельгіи, Франціи, Польшѣ и Англіи (а австрійцы и въ собственныхъ славянскихъ провинціяхъ) множество возмутительныхъ преступленій общаго уголовнаго характера.

Конечно, такія преступныя дѣйствія имѣли мѣсто и въ прежнихъ войнахъ. Но они никогда еще такъ тщательно не регистрировались, не обслѣдовались, не доказывались неопровержимыми данными. А главное,—никогда еще не раздавались такъ громко голоса, требующія, чтобы наиболѣе виновныя въ нихъ отдѣльныя лица были подвергнуты, при заключеніи мира, уголовной карѣ. Значитъ ли это, что культурное человѣчество усиливается сдѣлать новый шагъ впередъ въ своемъ духовномъ, нравственномъ развитіи, что оно собирается внести и въ область международныхъ отношеній тѣ же, хотя бы только эмпирическія нормы права, какими оно руководится въ области отношеній внутригосударственныхъ?

Не надо забывать, что въ этой послѣдней области когда-то происходила война и царствовало безправіе, ни-

чѣмъ не уступавшее тому, которымъ мы, повидимому, начинаемъ страшно тяготиться въ области отношеній международныхъ. И въ первобытной междуусобицѣ, изъ которой, мало-по-малу, возникло современное правовое государство, были побѣдители и побѣжденные. Первыхъ тогда, какъ и теперь, никто, разумѣется, судить не могъ, а вторые подвергались, сначала почти полному истребленію, а затѣмъ все болѣе и болѣе цѣлесообразнымъ формамъ постояннаго подчиненія волѣ побѣдителей.

Въ роли же побѣдителей могли, въ ту или другую эпоху, оказаться и прежніе побѣжденные, какъ о томъ свидѣтельствуютъ внутренніе перевороты и революціи, создавшіе современную гражданственность. Просвѣтляясь, обогащаясь опытомъ и знаніями, воля побѣдителей (превратившихся въ такъ-называемые «управляющіе классы») вырабатывала обязательныя (сперва только для «управляемыхъ», а затѣмъ и для всѣхъ гражданъ) нормы поведенія, нарушеніе которыхъ вызывало соотвѣтственную реакцію въ видѣ сложной лѣстницы наказаній. Спрашивается, почему естественный процессъ, замѣнившій въ отдѣльныхъ человѣческихъ обществахъ и цѣлыхъ государствахъ междуусобную войну, истребленіе и грубыя формы порабощенія врага правовымъ строемъ, законодательствомъ, судомъ и уголовными и исправительными карами, почему этотъ процессъ не могъ бы распространиться и на совокупность такихъ обществъ и государствъ, не могъ бы получить должную силу и развитіе и въ области международныхъ отношеній?

То или другое рѣшеніе вопроса имѣетъ, очевидно, огромную, капитальную важность для будущихъ судебъ человѣчества. Но правильно отвѣтить на него можно только, придавъ ему правильную постановку. А это далеко еще не сдѣлано той частью современнаго обществознанія, которая носитъ названіе криминологіи. Ученіе о преступленіи и карѣ до-нельзя затемнено царствующими въ немъ грубыми эмпирическими пріемами изслѣдованія и метафизической схоластикой. Эмпиризмъ здѣсь ярко выражается

въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, широко распространено мнѣніе о непреодолимости «практическихъ» препятствій, лежащихъ на пути переноса правовыхъ нормъ изъ государственной жизни въ жизнь «междугосударственную». А съ другой, въ вопросѣ о необходимой связи между преступленіемъ и наказаніемъ господствуетъ основное разномысліе, доходящее, въ крайнихъ случаяхъ, до полнаго отрицанія такой связи. Съ эмпиризмомъ перваго рода мы здѣсь бороться не будемъ: ибо слишкомъ очевидно, что такъ называемыя практическія трудности всегда сводятся, въ конечномъ анализѣ, къ неразрѣшеннымъ задачамъ соотвѣтствующго отдѣла знанія, что онѣ имѣютъ своимъ источникомъ нашу теоретическую неосвѣдомленность. Что же касается до эмпиризма второго рода, проявляющагося одновременно въ утвержденіи и въ отрицаніи необходимой связи между преступленіемъ и наказаніемъ (а связь эта и составляетъ главный объектъ изслѣдованія уголовной соціологіи), то мы здѣсь ограничимся простымъ напоминаніемъ о существованіи въ природѣ одного общаго закона, носящаго названіе закона «равенства дѣйствія и противодѣйствія», когда рѣчь идетъ о фактахъ физико-химическаго или органическаго порядковъ, и болѣе извѣстнаго подъ именемъ логическаго закона «тождества причины и слѣдствія», когда рѣчь идетъ о фактахъ духовнаго, разумнаго, общественнаго или еще нравственнаго порядка.

Въ силу этого закона, который, какъ всѣ естественные законы, не терпитъ ни малѣйшаго исключенія, всякое дѣйствіе вызываетъ равное ему противодѣйствіе (а въ болѣе общей, чисто-логической формулировкѣ, всякая причина вызываетъ слѣдствіе, по существу съ нею тождественное). Въ этомъ отношеніи между природой физической и природой духовной или разумной никому не удалось уловить какого-либо коренного различія. Если нарушеніе законовъ внѣшней природы постоянно и съ неумолимой строгостью влечетъ за собою болѣе или менѣе суровое возмездіе (ушибы, ожоги, раны, болѣзни и самую смерть), то и нарушеніе законовъ духовной природы (естественныхъ

законовъ общественности или нравственности) сопровождается не менѣе неизбѣжной и, по существу своему, тождественной реакціей.

Преступленіе (нарушеніе нравственнаго закона), кѣмъ бы (группою лицъ или отдѣльнымъ лицомъ) и при какихъ бы условіяхъ оно ни было совершено, вызываетъ равную ему реакцію или тождественное съ нимъ слѣдствіе. Но соціологъ-криминалистъ даетъ этой реакціи разныя названія, смотря по тому, какую внѣшнюю форму она принимаетъ. Въ свою очередь, эти формы сводятся къ двумъ основнымъ разновидностямъ.—Если «реакція» остается «неиндивидуализированной», если нарушитель закона не открытъ, не обнаруженъ или, выступая, напримѣръ, въ роли побѣдителя, внутренняго или внѣшняго, лично не несетъ на себѣ тяжести послѣдствій своего поведенія,—она необходимо принимаетъ форму и носитъ названіе «общественнаго бѣдствія» (пониженіе нравственнаго уровня въ данной общественной средѣ, распространеніе въ ней преступности, необезпеченности жизни, чести и имущества и т. п.). А когда реакція подвергается процессу «индивидуализаціи» (въ высшей степени спасительному, какъ мы сейчасъ увидимъ), — она уже принимаетъ форму и носитъ званіе «кары», уголовнаго или исправительнаго наказанія. Другими словами, сумма страданій, неизбѣжно слѣдующая за нарушеніемъ естественнаго закона, въ одномъ случаѣ ложится цѣликомъ на всю общественную группу, породившую преступника или преступниковъ, а въ другомъ—эта группа какъ бы страхуетъ себя отъ коллективной бѣды, строго локализируя послѣднюю вмѣстѣ съ вызвавшей ее причиной. Древній грекъ сказалъ бы, что для спасенія общественной группы Судьбѣ, Року или Немезидѣ приносится въ жертву ничтожная часть группы. Мы же, люди XX вѣка, можемъ сравнить «разумность» и зависящую отъ нея «справедливость» наказанія преступника съ «цѣлесообразностью» различныхъ, найденныхъ опытомъ и знаніемъ способовъ предотвращенія чисто физическихъ бѣдствій (напримѣръ, съ помощью громоотвода).

Нѣтъ надобности настаивать на томъ, что современный соціологъ видитъ въ «индивидуализаціи» наказанія одно изъ наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ завоеваній общечеловѣческой культуры. Однако, въ виду того, что рѣчь въ данномъ выше объясненіи шла объ естественныхъ или реальныхъ законахъ общественности, а не о законахъ гадательныхъ, не о болѣе или менѣе фиктивныхъ и мнимыхъ нормахъ нравственности и права, насъ здѣсь могутъ остановить и спросить, какъ быть въ этомъ послѣднемъ случаѣ или что тутъ происходитъ? Отвѣчаемъ: рѣшительно то же самое, что и въ первомъ случаѣ. Наши нравственные и правовые «идеалы» въ эмпирическомъ фазисѣ развитія обществознанія замѣняютъ собою для насъ тѣ гипотезы, съ помощью которыхъ въ научномъ фазисѣ мы ищемъ и открываемъ истину; они освѣщаютъ длинный и трудный путь, который приводитъ насъ къ послѣдней. А на этомъ пути мы всегда стоимъ передъ дилеммой: или, высоко цѣня наши идеалы, сейчасъ же и неумолимо реагировать на нарушеніе установленныхъ ими нравственныхъ и правовыхъ нормъ (это—лучшее опредѣленіе «кары»); или, не придавая нашимъ идеаламъ никакого значенія, попирать ихъ ногами (это—лучшее опредѣленіе «преступленія»), оставлять нарушеніе нравственныхъ и правовыхъ нормъ безъ отпора и тѣмъ самымъ становиться соучастниками преступленія, Tertium non datur.

Въ первомъ случаѣ, возможно болѣе строгая индивидуализація преступленія и наказанія смягчаетъ, парализуетъ, если даже вовсе не устраняетъ крайне вредныя для группы послѣдствія той коллективной формы реакціи на правонарушеніе, которую мы характеризовали выше, какъ «общественное бѣдствіе», и которая является главной причиной «нравственной отсталости» человѣчества. А второй случай, въ которомъ мы уподобляемся изслѣдователю, прерывающему свой опытъ, не достигнувъ никакихъ, ни положительныхъ, ни отрицательныхъ результатовъ, уже вслѣдствіе этого неизбѣжно ведетъ къ увеличенію суммы общественныхъ бѣдствій. Ибо надо твердо помнить, что все, до сихъ

поръ эмпирически достигнутое человѣкомъ въ области нравственности и права, было добыто имъ съ помощью неослабнаго отвѣта карою на всякое нарушеніе установленныхъ имъ тѣмъ же эмпирическимъ путемъ нравственныхъ и правовыхъ нормъ, т.-е., съ помощью невольнаго подчиненія всеобщему закону равенства дѣйствія и противодѣйствія или еще закону тождества причины и слѣдствія. То, что мы называемъ культурой, возникло и росло, складывалось и развивалось несомнѣнно подъ постояннымъ вліяніемъ этого двойного закона [1]).

Не противорѣчитъ всему сказанному выше и широко распространенный нынѣ взглядъ, приравнивающій преступленіе къ болѣзни, физической или духовной, органическаго или надорганическаго, соціальнаго происхожденія и характера. Дѣйствительно, дѣло не въ словахъ, не въ переименованіи преступленія въ болѣзнь, а наказанія въ леченіе, а дѣло въ томъ, что, будучи индивидуализировано, леченіе должно достигнуть тѣхъ же результатовъ, какъ и индивидуализированная кара, т. е., должно оградить группу отъ опустошеній, производимыхъ въ ней нераскрытою или не получившею должнаго отпора преступностью. Пока же эта цѣль не будетъ вполнѣ опредѣленно достигнута, пока предлагаемые новые способы борьбы съ преступниками не будутъ уменьшать число ихъ, а будутъ, можетъ статься, только

[1]) Герценъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (по поводу типа Базарова въ «Отцахъ и дѣтяхъ») говоритъ: «Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дойдетъ дѣло до исторіи,—тотчасъ въ сторону методъ физіологическій, а на мѣсто его—уголовная палата и управа благочинія?» Герценъ безъ сомнѣнія правъ, выступая противникомъ этическаго субъективизма, какъ метода изслѣдованія историческихъ фактовъ. Но здѣсь вѣдь не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что и уголовная палата, и налагаемыя ею кары суть такія же естественныя и необходимыя явленія, какъ, напримѣръ, фагоцитозъ Мечникова Все это - факты, которые могутъ и должны изслѣдоваться именно sine ira et studio.

плодить ихъ, до тѣхъ поръ человѣчество не откажется отъ испытанныхъ старыхъ способовъ, или отъ индивидуальной кары, какъ наиболѣе надежнаго средства самозащиты.

Впрочемъ, и въ самую постановку вопроса о замѣнѣ наказанія леченіемъ незамѣтно вкрался софизмъ, сильно подтачивающій все значеніе этой, только, повидимому, гуманной, а, въ сущности, жестокой теоріи. Дѣло въ томъ, что въ конкретной своей формѣ преступленіе есть явленіе психологическое, біо-соціальное, сводящееся къ двумъ факторамъ или составнымъ элементамъ: къ началу органическому и къ началу надорганическому или общественному. Но первый изъ этихъ элементовъ, по самому опредѣленію своему, «амораленъ»; совершить преступленіе онъ не можетъ или, точнѣе, никакое проявленіе его не можетъ считаться преступнымъ. Понятіе о преступленіи въ обширной области органической жизни не возникаетъ, совершенно независимо отъ того, физіологически нормально или ненормально (патологически) протекаетъ эта жизнь.

Старый афоризмъ: Mens sana in corpore sana имѣетъ, очевидно, въ виду только ту часть нашего mens, которая является общимъ достояніемъ человѣка и всѣхъ безъ исключенія животныхъ и для которой не существуетъ понятія о преступленіи, которая глубоко и безповоротно аморальна. Ни больной, ни здоровый организмъ, какъ таковые, не могутъ совершить того, что мы называемъ преступленіемъ. И новая эмпирическая формула: лечить преступника, является, при такихъ условіяхъ, лишенною всякаго смысла, составляетъ очевидную contradictia in adjecta. Иное дѣло—организмъ въ тѣсномъ сочетаніи съ той формою міровой энергіи, которую мы называемъ общественностью и которую признаемъ единственнымъ источникомъ высшей духовной или разумной жизни, въ отличіе отъ жизни животной. Такой «одухотворенный» общественностью организмъ, конечно, можетъ преступить, нарушить дѣйствительные или только воображаемые, мнимые законы этой общественности, этой жизни «по-разуму». Моментъ «патологическій» въ строгомъ смыслѣ слова, однако, не

имѣетъ тутъ никакого значенія. Какъ доказываетъ ежедневный опытъ, здоровый «звѣрь въ человѣкѣ» совершаетъ преступленія еще болѣе чудовищныя, благодаря, можетъ быть, именно своему здоровью, чѣмъ тотъ же звѣрь, обезсиленный болѣзнью. Такимъ образомъ, рѣчь, въ крайнемъ случаѣ, можетъ идти только о «болѣзняхъ» общественности и о «лѣченіи» этихъ болѣзней. Не не ясно ли, что въ такомъ примѣненіи слова эти имѣютъ лишь переносный метафорическій смыслъ [1]).

Какъ бы то ни было, но руководствуясь изложенными выше взглядами, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ области внутри-государственныхъ отношеній человѣчество съ возрастающимъ изъ вѣка въ вѣкъ успѣхомъ перешло отъ низшей стадіи развитія, въ которой безнравственность и безправіе, а, слѣдовательно, все то, что именуется преступностью, вызываютъ лишь рудиментарную реакцію въ формѣ общенароднаго бѣдствія или общенародныхъ страданій, въ высшую или болѣе культурную стадію, въ которой безнравственность и безправіе или преступность влекутъ за собою уже болѣе сложную и совершенную реакцію въ формѣ строго индивидуализированнаго наказанія, предполагающаго предварительное изслѣдованіе факта преступленія и возможно безпристрастное опредѣленіе степени виновности преступника. А въ области международныхъ отношеній человѣчество еще осталось въ первой стадіи, которая на языкѣ эволюціонистовъ спенсеровской школы могла бы быть характеризована, какъ состояніе «недифференцированной однородности» или «анархической разсѣянности». Здѣсь безнравственность мало отличается отъ нравственности, безправіе сливается и смѣшивается съ правомъ, а преступность едва ли не является правиломъ, освященною обычаемъ нормою. И здѣсь неизбѣжная реакція, вызываемая такимъ поведеніемъ, принимаетъ самую

---

[1]) И что лѣчить болѣзни общественности призваны уже не медики, подъ верховнымъ наблюденіемъ біологовъ, а специалисты другого рода: юристы подъ наблюденіемъ соціологовъ.

тяжелую для заинтересованныхъ обществъ форму. Она бьетъ по всему народу, или даже по цѣлой совокупности народовъ и государствъ.

Исторія на каждой страницѣ своей повѣствуетъ намъ о суровости и жестокости подобныхъ коллективныхъ бѣдствій. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, вспомнимъ хотя бы только о подвигахъ того же германскаго народа въ 1864 г., когда была въ буквальномъ смыслѣ слова ограблена маленькая, беззащитная Данія, или въ 1870—1871 годахъ, когда Франціи пришлось быть свидѣтельницей почти такихъ же звѣрствъ, грабежей, убійствъ и всякаго рода насилій надъ мирными жителями, женщинами, дѣтьми, ранеными и плѣнными, какія повторялись въ настоящее время уже на трехъ или четырехъ театрахъ войны. Развѣ эти «международныя» преступленія всей своей тяжестью не обрушились на германскій народъ въ его совокупности, развѣ они не таили въ себѣ зародыша тѣхъ страшныхъ испытаній, которыя надвигаются теперь на него съ неотвратимой неизбѣжностью? Не говоримъ уже о послѣдовавшемъ почти немедленно за этими подвигами общемъ культурномъ огрубѣніи, о замѣтномъ пониженіи нравственнаго уровня или о радостяхъ, которыя принесъ нѣмецкому народу милитаризмъ въ самыхъ острыхъ его формахъ. Съ другой стороны, глубоко безнравственный нейтралитетъ въ ту пору всей остальной Европы (ошибка, равная преступленію, въ которую снова впадаютъ многія государства), не былъ ли одной изъ главныхъ причинъ повторенія германцами своихъ военныхъ эксцессовъ и въ настоящее время? Европа въ извѣстномъ смыслѣ пожинаетъ теперь то, что сама посѣяла.

Но никто не станетъ оспаривать у современнаго человѣчества права отказаться на будущее время отъ такихъ ужасныхъ посѣвовъ. Въ сознаніе лучшей части его не со вчерашняго дня проникло твердое убѣжденіе, что уже наступила пора внести и въ область международныхъ отношеній, хотя бы только въ главныхъ чертахъ и въ зачаточномъ видѣ, правовой порядокъ, существующій внутри куль-

турныхъ и даже малокультурныхъ государствъ. Жалкія попытки, сдѣланныя до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ, какъ показали недавніе факты, лишь обогатили такъ-называемое международное право совершенно безцѣнными «клочками бумаги». Иначе, конечно, и быть не могло, разъ международныя отношенія регулировались не только эмпирическимъ, но и глубоко метафизическимъ ученіемъ о ничѣмъ не ограниченномъ, «абсолютномъ» суверенитетѣ отдѣльныхъ государствъ. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о дѣйствительныхъ санкціяхъ для международныхъ правовыхъ нормъ, нарушеніе которыхъ продолжало оставаться не только «безнаказаннымъ» преступленіемъ, что было уже очень печально, но, въ глазахъ иронистовъ, называемыхъ профессорами международнаго права, и принципіально «ненаказуемымъ» преступленіемъ, чтó является уже прямымъ вызовомъ, брошеннымъ въ лицо общечеловѣческой логикѣ.

Международныя отношенія изъ некультурныхъ могутъ превратиться въ культурныя только тѣмъ же путемъ и съ помощью тѣхъ же средствъ, какія установили и упрочили правовой порядокъ внутри отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ. Путь этотъ — строгая индивидуализація преступленія, а средства — сначала суровыя, а затѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія въ международной средѣ безнравственности и безправія, все болѣе и болѣе смягченныя кары. Современному человѣчеству разгорѣвшаяся съ такою силою міровая война даетъ, по самой обстановкѣ своей, совершенно исключительный случай рѣшительно вступить на указанный сейчасъ путь. Государственнымъ людямъ, призваннымъ ликвидировать войну, и общественному мнѣнію, призванному контролировать и направлять ихъ дѣйствія, было бы непростительно не воспользоваться имъ.

Оставить «неиндивидуализированными» и «безнаказанными» многочисленныя и ужасныя преступленія германцевъ и ихъ союзниковъ значило бы отказаться отъ всякой мысли пойти навстрѣчу явно назрѣвшей общественной потребности. А примѣнить къ уличеннымъ преступникамъ

слишкомъ легкія наказанія значило бы признать, вопреки очевидности, что человѣчество уже далеко ушло впередъ въ культурной эволюціи своихъ международныхъ отношеній [1]).

Проф. Е. де-РОБЕРТИ.

[1]) Во Франціи и въ Англіи въ настоящее время не перестаютъ раздаваться многочисленные и авторитетные голоса, высказывающіеся въ пользу сдѣланнаго выше предложенія. Практически, требованія эти могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ: 1) Необходимо теперь же, нисколько немедля, озаботиться «судебнымъ» разслѣдованіемъ тѣхъ преступленій, виновники которыхъ (въ особенности начальствующія лица), либо извѣстны, либо могутъ быть открыты и установлены. 2) Обвиняемыхъ, еще не попавшихъ въ руки правосудія, слѣдуетъ судить заочно, со всѣми гарантіями правильнаго суда, при чемъ въ будущемъ мирномъ трактатѣ должна быть точно оговорена обязанность немедленной ихъ выдачи соотвѣтствующимъ правительствамъ, и 3) Обвиняемыхъ, уже находящихся въ рукахъ заинтересованныхъ правительствъ, слѣдуетъ тотчасъ же судить обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ, публично и въ присутствіи делегатовъ отъ нейтральныхъ странъ, и подвергнуть обыкновеннымъ уголовнымъ наказаніямъ.

Еврейскій вопросъ, какъ русскій.

Хочется думать сейчасъ о Россіи, объ одной Россіи и больше ни о чемъ, ни о комъ. Вопросъ о бытіи всѣхъ племенъ и языковъ, сущихъ въ Россіи (по слову Пушкина: «всякъ сущій въ ней языкъ») есть вопросъ о бытіи самой Россіи. Хочется спросить всѣ эти племена и языки: какъ вы желаете быть,—съ Россіей или помимо нея? Если помимо, то зачѣмъ обращаетесь къ намъ, русскимъ, за помощью? А если не помимо, то забудьте въ эту страшную минуту о себѣ, только о Россіи думайте, потому что не будетъ ея—не будетъ и васъ всѣхъ; ея спасеніе—ваше, ея погибель—ваша.

Весь идеализмъ русскаго общества въ вопросахъ національныхъ безсиленъ, и потому безотвѣтственъ.

Въ еврейскомъ вопросѣ это особенно ясно.

Чего отъ насъ хотятъ евреи? Возмущенія нравственнаго, признанія того, что антисемитизмъ гнусенъ? Но это признаніе, это возмущеніе такъ сильно и просто, что о немъ почти нельзя говорить спокойно и разумно.

«Юдофобство» съ «юдофильствомъ» связано. Слѣпое отрицаніе называетъ такое же слѣпое утвержденіе чужой національности. Когда всему въ ней говорится абсолютное «нѣтъ», то, возражая, надо всему сказать абсолютное «да».

Что значитъ «юдофилъ», по крайней мѣрѣ сейчасъ, въ Россіи? Это значитъ человѣкъ, любящій евреевъ особой,

исключительной любовью, признающихъ въ нихъ правду большую, чѣмъ во всѣхъ другихъ національностяхъ. Такими «юдофилами» представляемся «націоналистамъ, истинно-русскимъ людямъ», мы, русскіе люди не «истинные».

— Что вы все съ евреями возитесь?—говорятъ намъ націоналисты.

Но какъ же намъ не возиться съ евреями и не только съ ними, но и съ поляками, армянами, грузинами, русинами и проч. и проч.? Когда на нашихъ глазахъ кого-нибудь обижаютъ, «по-человѣчеству» нельзя пройти мимо, надо помочь или, по крайней мѣрѣ, надо кричать о помощи вмѣстѣ съ тѣмъ, кого обижаютъ. Это мы и дѣлаемъ, и горе намъ, если мы перестанемъ это дѣлать, перестанемъ быть людьми, чтобы сдѣлаться русскими.

Цѣлый дремучій лѣсъ національныхъ вопросовъ всталъ вокругъ насъ и заслонилъ русское небо. Голоса всѣхъ сущихъ въ Россіи языковъ заглушили русскій языкъ.

И вотъ почему мы говоримъ націоналистамъ:

— Перестаньте угнетать чужія національности, чтобы мы имѣли право быть русскими, чтобы мы могли показать свое національное лицо съ достоинствомъ, какъ лицо человѣческое, а не звѣриное.

Возьму примѣръ на-удачу.

Еврейскій вопросъ имѣетъ сторону не только національную, но и религіозную. Между іудействомъ и христіанствомъ существуютъ, какъ между двумя полюсами, глубокія притяженія и столь же глубокія отталкиванія. Христіанство вышло изъ іудейства, Новый Завѣтъ—изъ Ветхаго, Апостолъ Павелъ, который больше всѣхъ боролся съ іудействомъ, желалъ «быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ по плоти», то-есть, за іудеевъ. И самъ Христосъ—іудей по плоти.

О притяженіяхъ говорить можно, а объ отталкиваніяхъ нельзя. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса? Намъ нельзя отдѣлять христіанства отъ іудейства, потому что это значитъ, какъ выразился одинъ еврей, проводить «новую духовную черту осѣдлости».

Еврейскій вопросъ, какъ русскій.

Почему сейчасъ, во время войны, такъ заболѣлъ еврейскій вопросъ? Потому же, почему заболѣли и всѣ вопросы національные.

«Освободительной» назвали мы эту войну. Мы начали ее, чтобы освободить дальнихъ. Мы любимъ дальнихъ. Почему же ненавидимъ близкихъ? Внѣ Россіи любимъ, а внутри—ненавидимъ. Жалѣемъ всѣхъ, а къ евреямъ безжалостны.

Нѣмцы говорятъ: война за міръ, за власть надъ міромъ,—и такъ и дѣлаютъ. А мы говоримъ: война за миръ, за примиреніе, освобожденіе міра,—и намъ слѣдуетъ дѣлать такъ, какъ мы говоримъ, Въ словѣ «міръ» нѣмцы ставятъ точку на і. Неужели же все наше отличіе отъ нихъ только въ томъ, что мы этой точки на і не ставимъ? На русскомъ языкѣ «миръ» и «міръ» звучатъ одинаково: тѣмъ болѣе намъ нужно не языкомъ, а сердцемъ отличать себя отъ нашихъ враговъ, сдѣлать такъ, чтобы народы поняли, за что мы воюемъ,—за власть надъ міромъ, или за освобожденіе міра.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

БЕЛЬГІИ.

Пѣсня брюссельскихъ кружевницъ.

Прежде.

О, Бельгіи счастливой небеса!
Нашъ край родной, богатый и свободный!
Арденскіе могучіе лѣса,
Сады и нивы Шельды многоводной.

Работаютъ большіе города,
Стучатъ станки, и движутся машины—
Но тихи горъ цвѣтущія долины,
И въ нихъ пасутся мирныя стада.

Нашъ край родной искусствами украшенъ:
За гордою охраной старыхъ стѣнъ
Какъ много въ немъ дворцовъ, церквей и башенъ—
И есть два перла: Брюгге и Лувенъ.

Въ святую сѣнь собора-исполина
Идутъ молиться толпы безъ числа...
И радостно звонятъ колокола,
Колокола стариннаго Малина.

Но громче ихъ—коклюшекъ нашихъ стукъ
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая,
Что кружевомъ горда страна родная
И славенъ край—работой нашихъ рукъ.

То кружево прекрасно, точно грезы,
На царство въ немъ вѣнчаютъ королевъ!..
И всѣмъ, кому знакомъ бельгійскій левъ—
Знакомы и бельгійскихъ кружевъ розы.

Трудомъ упорнымъ Бельгія жива...
Гордимся мы своимъ любимымъ краемъ,
И въ дорогія наши кружева—
Мечты о счастьѣ родины вплетаемъ!

Тяните, тяните
Воздушныя нити,
Стучите, коклюшки,—узоръ ужъ готовъ.

Пусть ловкіе пальцы
На легкіе пяльцы
Набросятъ рисунокъ изъ звѣздъ и цвѣтовъ.

И будутъ повсюду
Дивиться, какъ чуду,
Работѣ крестьянокъ брабантскихъ долинъ.

Названье тѣхъ кружевъ всегда драгоцѣнно,
Оно остается вездѣ неизмѣнно:
Вотъ гордость Брабанта—Брюссель и Малинъ.

Теперь.

О, Бельгіи несчастной небеса,
О, бѣдный край, великій, благородный!
Стоятъ въ огнѣ Арденскіе лѣса,
Потоки крови въ Шельдѣ многоводной.

Разрушены большіе города,
Молчатъ станки, и сломаны машины...
Людскою кровью залиты долины,
Разграблены крестьянскія стада.

Поруганы народныя святыни,
Разрушены твердыни старыхъ стѣнъ,
Все сожжено: не существуетъ нынѣ
Безжалостно погубленный Лувенъ.

Въ святой сѣни собора-исполина
Лежатъ убитыхъ груды безъ числа...
И, какъ набатъ, звучатъ колокола,
Колокола стариннаго Малина.

Но пусть нашъ стонъ несется громче ихъ,
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая
О благородствѣ маленькаго края,
О томъ, что онъ сталъ жертвой за другихъ.

Быть можетъ, онъ падетъ въ борьбѣ кровавой...
Но мощно въ немъ кипитъ священный гнѣвъ!
И всѣмъ, кому знакомъ бельгійскій левъ,
Знакомъ теперь и стягъ безсмертной славы.

На вѣки слава Бельгіи жива,
Неугасимо вѣчной правды пламя...
И залитыя кровью кружева
Подниметъ міръ, какъ дорогое знамя!

Тяните, тяните
Кровавыя нити,
И пойте великую пѣснь свою:

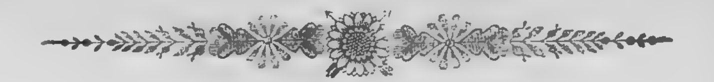
О Бельгіи вѣрной,
О жертвѣ безмѣрной,
О славныхъ, о павшихъ въ неравномъ бою.

И буду повсюду
Дивиться, какъ чуду,
Великимъ героямъ брабантскихъ долинъ...

Ихъ подвиговъ имя всегда неизмѣнно,
Оно, какъ молитва, звучитъ вдохновенно:
Вотъ гордость Брабанта—Брюссель и Малинъ!

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

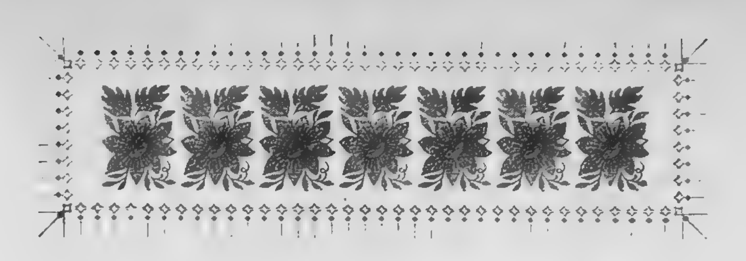

Поэза о Бельгіи.

Кто знаетъ?—ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была-ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...
    Волшебница! ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель.
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣетъ Брюссель...
Не вѣримъ—не можемъ! не смѣемъ!—
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ
Смертельно ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лувэнъ...
    И чей это шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?..
О, городъ прославленный устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнъ,
И волнъ, голубѣющихъ шустрицъ,—
О, городъ, трагичный канунъ!..
Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Метерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?..
Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните,—
Не надо, не стоитъ бѣжать!..
Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О, Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!..

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Трагизмъ и геройство

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЬГІЙСКОЙ ПОЭЗІИ *).

«Однажды я сказала себѣ, что буду счастлива... Этого было достаточно, и почти слѣдомъ умираетъ отецъ, два брата исчезли,—никто не знаетъ, гдѣ они... Я осталась совсѣмъ одинокой съ бѣдной моей сестрой и тобой, мой маленькій Тэнтажиль»...

Такъ говоритъ царевна Игрэна, встрѣчая своего меньшого брата Тэнтажиля, того самаго Тэнтажиля, котораго уже караулитъ злая царица, чтобы предать лютой смерти; итакъ, всѣ бѣдствія обрушились на голову несчастной Игрэны, только разъ возмечтавшей о счастьѣ.

Не служитъ ли эта ранняя драма Метерлинка—о смерти Тэнтажиля—прообразомъ судьбы цѣлой страны? Еще столѣтія не прошло, какъ Бельгія достигла независимаго положенія; она быстро расцвѣла; трудолюбивый и способный народъ достигъ поразительныхъ успѣховъ въ своей экономической жизни; красивымъ, благоухающимъ цвѣткомъ распустилась бельгійская поэзія, и въ ту самую минуту, когда Бельгія, такъ же, какъ сказочная царевна Игрэна, почувствовала позывъ къ счастью въ глубинѣ своей души,— «такъ тихо, что даже Богъ едва могъ уловить ея вздохъ»,— и на нее обрушилось неслыханное бѣдствіе: Бельгія стала королевствомъ безъ земли, безъ всѣхъ сокровищъ искус-

*) Въ первоначальной редакціи было напечатано въ газ. «Рѣчь», въ ноябрѣ 1914 г. Печатается съ нѣкоторыми добавленіями.

ства, накопленныхъ вѣками, безъ пристанища, государствомъ въ фикціи, съ единственной реальной эмблемой—въ арміи и королѣ.

Тема о «бельгійскихъ пророчествахъ» уже была затронута въ печати Вл. Гиппіусомъ, который указалъ въ газ. «День» на рядъ соотвѣтствій въ произведеніяхъ бельгійскихъ писателей съ современными событіями. Я познакомился съ его статьей уже послѣ написанія этой замѣтки. Беру иные примѣры и въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Вопросъ не въ пророчествахъ, а въ провидѣніи, ибо несомнѣнно, чтъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, правда, при соотвѣтствующемъ подборѣ цитатъ,—поэты все же—провидцы. Не думалъ и не сознавалъ, конечно, Метерлинкъ, возрождая античное представленіе о рокѣ,—единственный изъ новыхъ поэтовъ, который сумѣлъ ввести трагическое начало въ обиходъ современной поэзіи, — что онъ предугадываетъ судьбу своей родины. Но не знаменательно ли, что это представленіе о зломъ, неумолимомъ рокѣ, который сильнѣе человѣческой воли подчиняетъ ее себѣ, является главной темой его раннихъ драмъ? Сила рока тяготѣетъ надъ человѣкомъ,—по концепціи Метерлинка. Она принимаетъ разныя формы, можетъ разрушить счастье взаимной любви, какъ въ исторіи Алладины и Паломида, оторвать жениха отъ нѣжно любящей его невѣсты, чтобы подчинить новой, разрушительной страсти; можетъ бродить неслышно вокругъ уютнаго очага дружной семьи и разрушить ея благополучіе нежданной жертвой смерти (L'Intérieur); можетъ, наконецъ, какъ въ исторіи Тэнтажиля, облечься въ форму какой-то злой и завистливой царицы, ревниво оберегающей свой престолъ, грозящей смертью и разрушеніемъ всему, что можетъ заслонить ея безмѣрное властолюбіе. Стоитъ лишь подставить вмѣсто безымянной царицы нынѣ всѣмъ ненавистное имя зазнавшагося честолюбца, мнящаго себя потомкомъ владыки германскаго Олимпа-Одина, и судьба Бельгіи совпадаетъ съ судьбой маленькаго бѣднаго Тэнтажиля, безвинно погибающаго въ желѣзныхъ лапахъ тяготѣющаго надъ нимъ Рока.

Проводить дальше аналогію было бы, конечно, неумѣстно. Борьба еще не закончена. Пророчества, надѣемся и вѣримъ, здѣсь нѣтъ, ибо трагическія событія сегодняшняго дня могутъ и должны принять болѣе благопріятный оборотъ, и, хотя жертвъ не воскресить, страна можетъ возродиться. Союзнымъ войскамъ легче прорвать желѣзные запоры германскихъ передовыхъ отрядовъ, чѣмъ слабой и безоружной Игрэнѣ, лишившейся поддержки единственнаго ея стараго защитника, Агловала, сломавшаго свой мечъ, отомкнуть крѣпкія, скованныя желѣзомъ и сталью двери зловѣщей башни, гдѣ умираетъ ея братъ.

Будемъ вѣрить, что прогнозъ Метерлинка не идетъ дальше перваго акта жизненной драмы, развертывающейся передъ нами. А затѣмъ, такъ какъ въ литературѣ народа мы ищемъ отраженія свойствъ его характера, мы остановимся на другомъ, болѣе отрадномъ явленіи. Тотъ же Метерлинкъ — опять таки, единственный европейскій поэтъ нашихъ дней, давшій намъ образъ героини, идущей на величайшую жертву для спасенія родины. Вы догадались, конечно, что я имѣю въ виду Монну Ванну, и пусть ея образъ заимствованъ изъ историческаго преданія эпохи Возрожденія, пусть она является въ обликѣ итальянки въ періодъ междоусобныхъ войнъ въ Италіи—дѣло не въ исторической основѣ сюжета: почему Метерлинкъ почувствовалъ потребность взяться за него? Почему онъ избралъ героическій подвигъ женщины сюжетомъ своей драмы? Не говоритъ ли самый этотъ выборъ, что героизмъ—присущая черта бельгійской женщины, и что Метерлинкъ почувствовалъ это, какъ поэтъ, тѣми неуловимыми, интуитивными воспріятіями поэта, который творитъ безсознательно, а впослѣдствіи жизнь оправдываетъ и выявляетъ то, что ему подсказано сердцемъ и воображеніемъ. «Монна Ванна» не могла возникнуть въ странѣ, гдѣ женщинѣ, да и всему народу, чуждо было бы героическое начало. Однимъ своимъ появленіемъ она характеризуетъ свойство націи, и только въ подкрѣпленіе его устойчивости мы можемъ припомнить и отзывъ Цезаря о храбрости бельгійцевъ, валлоновъ, жи-

телей Фландріи, словомъ, сѣверной отрасли древне-кельтійскаго племени.

Героическое начало въ иной формѣ выражается у другого бельгійскаго поэта, Верхарна, раздѣляющаго съ Метерлинкомъ славу одного изъ первыхъ свѣточей бельгійскаго народа. Они очень различны, эти два корифея бельгійской поэзіи, и даже кое въ чемъ противоположны другъ другу, но въ то же время сходятся въ значеніи, придаваемомъ тому, что Метерлинкъ назвалъ «сокровищемъ смиренныхъ». Вопросъ лишь въ томъ, какъ трактовать этихъ «смиренныхъ» — les humbles. Верхарнъ, по преимуществу, поэтъ современности, и за нимъ остается одной изъ его главныхъ заслугъ — поэзія города, городской жизни, развившейся на смѣну прежней поэзіи деревень, сельскихъ ландшафтовъ, идиллическихъ картинъ природы на фонѣ деревенскаго строя жизни. Но вмѣстѣ съ прославленіемъ города, Верхарнъ поэтъ мысли, смѣлыхъ начинаній, поэтъ непреклонной воли, прославившій и трудъ, и предпріимчивость, въ особенности воспѣвшій идею борьбы за право. У него въ обиліи мы находимъ тѣ черты характера народа, которому въ настоящій моментъ пришлось сыграть исключительную роль въ переживаемыхъ событіяхъ.

«Я сынъ той расы, — говоритъ Верхарнъ въ одномъ стихотвореніи,—у которой мозгъ крѣпче зубовъ... Я сынъ той расы, которой помыслы одержали верхъ въ глубокихъ бояхъ между мірами, той стойкой расы, которая «хочетъ», т. е., умѣетъ хотѣть, а захотѣвъ стремится къ большимъ и большимъ достиженіямъ».

«Прежніе боги стали для васъ мыслями», — говоритъ поэтъ, обращаясь къ своему народу и перечисляя его широкія завоеванія въ разныхъ отрасляхъ культуры, его господство надъ землей и небомъ, полюсами и морями. Выдвигая въ первую голову значеніе воли, Верхарнъ, въ отличіе отъ трагической концепціи Рока у Метерлинка, заканчиваетъ возгласомъ: «царите, ибо вами воля Рока все болѣе обращается въ волю людей!»

Воля—источникъ героизма. Верхарнъ не имѣлъ въ

виду военныхъ событій. Его вниманіе обращено почти исключительно въ область борьбы трудящихся классовъ съ капитализмомъ. Это борьба за право и за лучшее будущее. Но, изображая вымышленныя, лишь предугадываемыя возстанія, онъ даетъ картины сраженія, которыя служатъ какъ бы прогнозомъ наступившихъ событій. Своеобразный языкъ Верхарна выразился, между прочимъ, въ оригинальныхъ сравненіяхъ. Онъ говоритъ о «кашлѣ тяжелыхъ пушекъ—тяжелой икотѣ глухихъ орудій»; «Бѣлыя площади, гдѣ сходятся кривые переулки,—словно опущенныя вѣки—засыпаны каменьями». Основной мотивъ возстанія: «убивать, чтобъ возродить и создавать»... «Убивать или принести себя въ жертву, чтобы изъ жизни выжать нѣчто новое»... Но бой принимаетъ однородныя формы съ сраженіемъ при осадѣ города. Вотъ, напримѣръ, такая сцена:

«Горятъ мосты, дома пылаютъ.—Фасады ихъ въ крови на темномъ фонѣ сумерекъ.

Вода въ каналахъ отражаетъ дымящійся великолѣпный видъ...

Огромныя башни, дугообразно позолоченныя,—бросаютъ длинныя тѣни, перекрещивающія городъ.

Огненныя руки, простирая зловѣщую длань, разсыпаютъ золотыя искры среди мрака.

И обугленныя крыши поднимаются въ дикихъ прыжкахъ, подскакивая внѣ себя, къ облакамъ..!

Разстрѣливаютъ тамъ кучами...

И смерть своими цѣпкими, точными и бездушными пальцами,—за быстрымъ и сухимъ выстрѣломъ изъ тяжелыхъ ружей, кладетъ вдоль стѣнъ на перекресткахъ застывшія тѣла въ окаменѣлыхъ жестахъ».

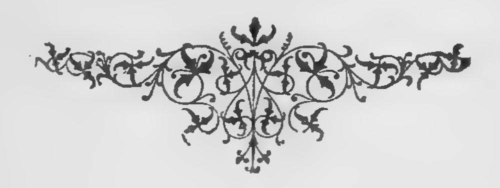
«Это праздникъ крови»,—говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ.—«Люди кажутся красными и охмѣлѣвшими. — Они проходятъ по тѣламъ убитыхъ»...

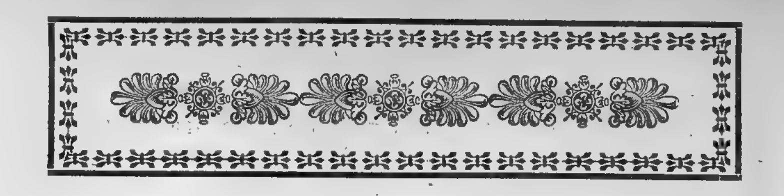
Созданныя въ воображеніи сцены весьма близко подходятъ къ тому, что случилось на самомъ дѣлѣ, только не тогда, когда народъ по своему почину возсталъ, а когда

напали на него и стали предавать разрушенію города и села, обработанныя поля и кишащіе трудовой дѣятельностью фабрики и заводы. Народъ, дѣйствительно, возсталъ за право, но вынужденный къ оборонѣ нападеніемъ извнѣ. Это не измѣняетъ очертаній картины. У Верхарна есть стихотвореніе, посвященное солдату — собственно статуѣ солдата, въ декоративной позѣ, на мчащемся конѣ, съ саблей наголо, блестящей, какъ молнія въ лучахъ солнца. Поэтъ ограничивается отзывомъ — онъ долженъ чувствовать, что проносится «красной грозой» и «его удѣлъ пасть въ внезапномъ разрушеніи въ тотъ день, когда его странная и безумная звѣзда, подобная красному кристахлу, померкнетъ на небѣ»... Мы далеки отъ апоѳеоза военной славы. Солдатъ—кумиръ толпы и ея бичъ. Его роль преходящая. Но къ героическимъ подвигамъ способенъ всякій, въ комъ есть твердость воли, стремленіе ввысь и сознаніе своего права. Кто же является героемъ у Верхарна? Это въ большинствѣ — труженики, ремесленники, простые люди. Рядъ стихотвореній посвященъ имъ характеристикѣ рабочаго класса, изъ среды котораго они выступаютъ въ обобщенныхъ образахъ съ символическимъ значеніемъ. Рыбакъ, мельникъ, столяръ, сапожникъ, звонарь, кузнецъ, знаменитый кузнецъ, кующій будущія судьбы человѣчества... — вотъ персонажи поэмъ Верхарна, но они же главный контингентъ населенія Бельгіи. Именитыхъ героевъ—въ прежнемъ значеніи слова, выдающихся личностей по общественному положенію и индивидуальнымъ свойствамъ, — у него нѣтъ. Почти всѣ они безымянные представители рабочаго сословія. Возвышается нѣсколько народный трибунъ, но и онъ безъ имени, представитель, а не опредѣленная личность. И когда кузнецъ, въ мечтахъ о свѣтломъ будущемъ человѣчества, выражаетъ надежду, что со временемъ человѣкъ не будетъ больше для человѣка бродячимъ волкомъ, который зубами утверждаетъ свое право, не чуется ли, что волкъ этотъ въ настоящее время никто иной, какъ воинствующій германецъ, забронированный сталью, и съ помощью 14 дюймовыхъ

орудій, пулеметовъ и цеппелиновъ прикрывающій свои волчьи зубы? Но народъ бельгійскій былъ подготовленъ къ его встрѣчѣ твердымъ сознаніемъ своего права, высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, закаломъ воли и волевыхъ импульсовъ. Поэзія Верхарна даетъ намъ ключъ къ разумѣнію, почему и какъ среди бельгійцевъ герои—весь народъ.

Ѳ. БАТЮШКОВЪ.

Константинъ Менье.

Маленькая Бельгія, территорія которой помѣстилась бы въ одной Европейской Россіи 183 раза, давно уже, задолго до войны, приковала къ себѣ, къ своему искусству взоры всего міра. Теперь, когда мужественный народъ творитъ свою легенду, когда, истерзанная разоренная страна «душу свою полагаетъ за други», ея искусство, все то, что создано до войны съ рѣзкой силой освѣщаетъ крестный путь человѣчества и его завѣтныя мечты, ибо и въ искусствѣ своемъ Бельгія говоритъ отъ лица всего міра.

Ея великіе художники слова, кисти и рѣзца давно уже заняли видное мѣсто среди представителей мірового искусства: Жоржъ Роденбахъ и Метерлинкъ, Эмиль Верхарнъ и Камиллъ Лемонье, Константинъ Менье, Анри де-Гру, Ж. Энсоръ, Фелисьенъ Ропсъ, Кнопфъ и другіе выразили сложную душу современности. Передъ нами встаютъ и мертвый Брюгге и кипучій жизнью Антверпенъ и символическая Оппидоминь, гдѣ уже встаютъ «Зори» грядущаго,

Страна шахтъ и монастырей, гдѣ «каменный уголь— владыка всего», гдѣ «дымъ поглотилъ небеса», страна мятежа и молитвы создала искусство, похороиившее прошлое въ прекрасной усыпальницѣ Роденбаха и воспѣвшее съ восторгомъ грядущее завтра, создала неподвижный театръ маріонетокъ и великую трагедію мятежныхъ массъ. Вотъ проходятъ передъ вами «Принцесса Маленъ», «Слѣпые» «Аглавена и Селизетта»—блѣдные призраки нѣжной мечты, а рядомъ «Мятежныя силы» Э. Верхарна!..

«Толпы народа проходятъ за толпами слѣдили сквозь ужасъ, подъ сѣнью веселыхъ знаменъ, къ началу новыхъ временъ, къ побѣдамъ!»

И все громче и громче шаги новыхъ и сильныхъ людей и все величественнѣе образы тѣхъ, о которыхъ говорилъ Ф. Лассаль: «Вы — камень, на которомъ созиждется церковь будущаго».

Заслуга Эмилія Верхарна и Константина Менье въ томъ, что они позвали человѣчество въ эту церковь будущаго и пропѣли гимнъ великому братству народовъ. Они не явились «программными умами», они ничего не предлагаютъ, но они впитали настроенія и мечты бурной эпохи. Въ блестящей статьѣ, посвященной К. Менье, поэтъ Эмиль Верхарнъ писалъ:

«Онъ весь выраженіе часа, онъ показываетъ, какія идеи носятся въ воздухѣ».

Движеніе шахтеровъ въ этой черной странѣ, захватившее во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ самые широкіе слои демократіи, заразило великимъ паѳосомъ страданія и героической борьбы лучшихъ представителей передовой интеллигенціи. Недаромъ же въ лучшіе годы сознательной творческой работы образъ шахтера преслѣдовалъ и тревожилъ великаго скульптора, какъ «глухарь» гаршинскаго Рябинина. Въ 1909 году на выставкѣ произведеній Менье въ Лувенѣ, изъ 669 номеровъ, свыше 50 были — величественные образы, посвященные углекопамъ.

Константинъ Менье сказалъ въ своей черной бронзѣ свое прекрасное, сильное слово, онъ отдалъ свой талантъ демократіи. Его творчество близко всѣмъ «безумцамъ высшаго безумія», всѣмъ, кто мечтой уносился «къ ханаану золотому», «къ блистательной зарѣ невѣдомой весны».

Этотъ бельгійскій скульпторъ говорилъ языкомъ братства и человѣчности, этимъ языкомъ говоритъ демократія всего міра.

Я вспоминаю то огромное незабываемое впечатлѣніе, которое произвела на меня выставка произведеній К. Менье въ католическомъ Лувенѣ, этомъ старинномъ оплотѣ духовенства.

Несмотря на то, что почетный президентъ выставочнаго комитета, кардиналъ Мерсье, и секретарь комитета, кардиналъ Тьери, хотѣли, чтобы вопіющая бронза К. Менье смирилась и приняла участіе въ юбилейныхъ клерикальныхъ торжествахъ Лувена, имъ это не удалось.

Трагическіе и мятежные герои геенны огненной по мысли каноника Тьери, давшаго руководящее предисловіе къ катологу выставки, должны были «использовать свою жизнь, принеся себя въ жертву и поработавъ для блага всѣхъ, какъ Христосъ использовалъ свою жизнь человѣческую».

Но тенденція смиреннаго каноника слишкомъ явно бросалась въ глаза, а безчисленныя «жертвы» вставали передъ посѣтителями выставки въ грозномъ величіи и вовсе не проповѣдывали смиренія и покорности и вовсе не хотѣли вашего состраданія и милосердія. Онѣ потрясали!

Это было нѣчто большее, чѣмъ выставка, это былъ итогъ цѣлой эпохи.

Когда и вошелъ въ залы новаго химическаго института меня охватила дрожь необычнаго волненія... хотѣлось молчать, какъ въ храмѣ, хотѣлось склонить голову передъ великимъ подвигомъ человѣчества.

Это не былъ холодный мраморъ, пришедшій изъ академіи просіять и усладить взоры. Это была живая бронза родившаяся изъ нечеловѣческой муки, изъ крови и слезъ...

«Жертва» и «Герой», страстотерпецъ и творецъ жизни — вотъ два основныхъ образа, увѣковѣченные К. Менье и глядѣвшіе на посѣтителя неподвижными глазами боговъ.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза величественная группа въ центрѣ зала; черная бронза зазвучала, какъ ударъ погребальнаго колокола, и заставила сжаться сердце отъ боли. Называлась она «Grisou». Передъ вами—жертва взрыва...

Всѣ бронзовые рабочіе, всѣ эти шахтеры, литейщики труженики моря и земли, всѣ точно разступились и отошли къ стѣнѣ передъ произведеніемъ, полнымъ глубокаго чувства.

Что это такое? Тысячу разъ разсказанная исторія о скорбящей матери и ея сынѣ, снятомъ съ креста, предъ тѣломъ котораго «Mater dolorosa» не можетъ никакъ выплакать вотъ уже столько вѣковъ свое материнское горе?

Нѣтъ, это шахтеръ—жертва взрыва съ опаленной кожей, со сжатыми на груди отъ невыносимой муки кулаками. Лежитъ онъ совершенно горизонтально на землѣ, въ позѣ Христа изъ его картины «Pieta» [1]), а мать рабочаго съ платкомъ, надвинутымъ на лобъ, полунаклонилась надъ трупомъ въ позѣ одной изъ «собирательницъ колосьевъ» изъ картины Милле.

Она не плачетъ и не причитаетъ. Она всѣмъ своимъ существомъ смотритъ: можетъ быть не онъ?! И вы чувствуете, какъ подъ этой бронзой замерло бѣдное сердце.

Въ этомъ взглядѣ матери передъ трупомъ шахтера вы читаете, что онъ—не единственная жертва, не первый и не послѣдній, что ихъ много, и точно въ отвѣтъ на вашу мысль въ слѣдующемъ залѣ глядитъ на васъ съ полотна цѣлая «гекатомба» жертвъ.

Помѣщеніе, похожее на сарай... Ряды труповъ, добытыхъ изъ мрачныхъ пропастей земли. Двѣ женщины саваны шьютъ, кой-кого уже обрядили. Фонарь прорѣзываетъ сѣрую муть ночи и освѣщаетъ живыхъ и мертвыхъ, освѣщаетъ оскаленные зубы, сжатыя руки въ предсмертной, мучительной агоніи. И тутъ же страшно спокойныя лица этихъ двухъ женщинъ...

Эти произведенія скульптуры и живописи—не придуманныя и не раздутыя.

Константинъ Менье былъ самъ свидѣтелемъ подобныхъ катастрофъ: въ восьмидесятыхъ годахъ, въ Булѣ, онъ

[1]) Въ такой же позѣ онъ изобразилъ святого Стефана въ своей большой картинѣ.

провелъ чуть не ночь въ импровизированномъ моргѣ. При свѣтѣ коптѣвшихъ лампъ вглядывался онъ, какъ мать, въ лица жертвъ; онъ всѣмъ своимъ сердцемъ переболѣлъ за нихъ и, проникшись величіемъ простого и безсознательнаго героизма, создалъ свою картину «Гекатомба», а потомъ скульптуру «Взрывъ въ шахтѣ».

Я проходилъ изъ зала въ залъ, гдѣ были собраны съ полнотой небывалой еще скульптура, живопись масляными красками, акварели, пастели, рисунки, кроки—и всюду я видѣлъ прежде всего шахтера.

Тутъ и старая, слѣпая лошадь шахтъ, похожая на стараго шахтера, тутъ и старый шахтеръ, похожій на старую, слѣпую лошадь, съ опущенной головой и невидящими глазами.

Шахтеры молодые и старые, мужчины и хрупкія женщины, похожія на мальчиковъ въ костюмѣ шахтеровъ, шахтеры съ фонаремъ, съ киркой, у спуска въ колодецъ, за работой, послѣ работы—всѣ эти дѣти «черной страны», не видящія солнца, проходятъ, отмѣченныя печатью каторжной работы, вѣчно угрожающей смертнымъ случаемъ.

Мало того: если вглядѣться въ образъ Распятаго (Le Supplicié) или въ его «Ecce homo»—передъ вами откроется снова и снова все то же лицо сына человѣческаго, сына черной страны.

Подъ гнетомъ поруганій и скорби прислонился къ бичевальному столбу страдалецъ. Его руки сложены на колѣняхъ, спина согнута, голова опущена на грудь, на лицѣ несказанная печаль... печаль зо всѣхъ этихъ жертвахъ, зо всѣхъ несчастныхъ.

И часто, подходя къ той или иной бронзовой фигурѣ, вы вспоминаете только-что видѣнный образъ страдальца, и кажется вамъ, что слышите все тѣ же горькія слова: „Ecce homo!“ „Се человѣкъ!“...

Но чѣмъ внимательнѣе я вглядывался въ бронзовыя лица, тѣмъ больше прояснялась моя печаль. Я видѣлъ, какъ согбенныя спины выпрямляются, высоко поднимаются головы.

«Каменщикъ», «Сѣятель», «Грузчикъ» — это уже не жертвы, не побѣжденные, а тѣ, которые творятъ новый міръ.

Грузчикъ—это любимый образъ Менье, вы увидите его въ Парижѣ—въ Люксембургѣ, и въ брюссельскомъ музеѣ съ надписью: «Anvers», и здѣсь на выставкѣ онъ занялъ почетное мѣсто.

Но нигдѣ не захватываетъ васъ эта фигура съ такой силой, какъ въ самомъ Антверпенѣ.

Передъ зданіемъ музея во весь свой ростъ встаетъ этотъ символъ Антверпена. Мощную красоту портового рабочаго художникъ воплотилъ въ свою бронзу. Этотъ грузчикъ только-что совершилъ одинъ изъ подвиговъ Геркулеса. Кажется, что его грудь вбираетъ воздухъ. Ноздри расширены. Опираясь на лѣвую ногу, подбоченясь, съ мѣшкомъ, наброшеннымъ на голову, стоитъ онъ, гибкій и стройный, и ждетъ... Какъ живой!

А въ пяти минутахъ отъ статуи, отлитой изъ бронзы, кипитъ работа въ порту... Отходятъ пароходы, гремятъ цѣпи, гудятъ сирены, медленно проходятъ лошади-великаны, не похожія на слѣпую лошадь шахтъ, всюду навалены горы товаровъ, и у самаго края гранитной набережной передъ лебедкой стоитъ грузчикъ, опираясь на лѣвую ногу, подбоченясь, вбирая всей грудью воздухъ, точно отлитый изъ бронзы. Другой... третій... Ихъ сотни... Они поднимаютъ на плечи и несутъ огромные тюки и красивымъ движеніемъ сваливаютъ ихъ.

И кажется вамъ, что это все одинъ грузчикъ, что бронза Менье ожила и стала душой порта, душой всего города.

Любитъ Константинъ Менье изображать еще одну фигуру: это «Сѣятель». Не разъ художникъ подходилъ къ этому образу, точно влюбленный въ ритмъ движеній и въ юную грацію его.

Каждый новый образъ «Сѣятеля» выходилъ изъ рукъ творца все болѣе освобожденнымъ, просвѣтленнымъ и прекраснымъ и все болѣе приближался къ символу. Какой-то «Сѣятель» (Un Semeur) ботаническаго сада въ Брюсселѣ

превращался въ «Сѣятеля» будущаго (Le Semeur), увѣнчавшаго «Памятникъ Труду»—эту пирамиду вѣковыхъ страданій и подвиговъ, увѣнчавшаго, какъ радостный вздохъ облегченья и надежды.

Въ Ботаническомъ саду какой-то сѣятель въ легкомъ рабочемъ одѣяніи, съ выступающими немного лопатками—еще связанъ въ движеніяхъ, еще недостаточно увѣренъ въ побѣдѣ. Въ «Памятникѣ Труду» онъ, съ голымъ торсомъ и голыми ногами, не идетъ, а шествуетъ.

Сѣятеля рисовали и Милле, и Сегантини, но ни одинъ изъ нихъ не передалъ съ такой силой и красотой ритма движеній, какъ это удалось сдѣлать Менье въ его скульптурѣ.

Сѣятель Менье можетъ съ полнымъ правомъ увѣнчать «Памятникъ Труду», какъ самый памятникъ вѣнчаетъ работу всей жизни Менье. Уже почти на порогѣ смерти говорилъ онъ друзьямъ: «Я располагаю въ настоящее время проектомъ, который, несомнѣнно, выше всего того, что я создалъ».

Этотъ памятникъ, идею котораго художникъ лелѣетъ съ восьмидесятыхъ годовъ, явился синтозомъ.

Онъ возвышается, точно скала, по уступамъ которой развертывается величественная драма труда.

«Индустрія»! «Портъ», «Шахта» и «Жатва»—четыре стихіи: огонь, вода, земля и воздухъ, покоряемыя человѣкомъ, вотъ содержаніе бронзовыхъ таблицъ съ фигурами въ человѣческій ростъ, окружающими четыре стороны памятника.

По уступамъ расположились въ разныхъ позахъ отдыхающіе рабочіе: предокъ съ покорнымъ взглядомъ, рабочій-молотобоецъ съ могучимъ торсомъ воина, литейщикъ, шахтеръ.

Внизу бронзовая группа изображаетъ Плодородіе: сильная, прекрасная женщина-мать одной рукой приблизила къ себѣ мальчика, а другой поддерживаетъ ребенка, уснувшаго подъ грудью. Въ лицѣ ея тихій и нѣжный свѣтъ любви.

А на верхней площадкѣ шествуетъ «Сѣятель», онъ бросаетъ сѣмена, и они падаютъ не на каменную почву и

не при дорогѣ, а на благодатную почву—земля принесетъ плодородіе.

Константину Менье не удалось увидѣть этотъ памятникъ на площади современнаго города, о постановкѣ его должна позаботиться страна. Вѣдь это—завѣщаніе скульптора.

Теперь впервые, въ Лувенѣ, въ тѣсномъ дворикѣ химическаго института, былъ поставленъ на время выставки памятникъ-проектъ.

Несомнѣнно, это лучшее, что создалъ художникъ; это не только «Памятникъ Труду», это памятникъ самому Константину Менье.

Взрывъ въ шахтѣ—это «Pieta» нашихъ дней, это произведеніе, въ которомъ искусство, какъ мать, склонилось къ человѣческой мукѣ.

«Памятникъ труду»—это гордый гимнъ герою-побѣдителю, это слава будущему; здѣсь искусство, какъ сѣятель, бросаетъ сѣмена будущаго радостно и щедро въ человѣческія сердца.

Константинъ Менье не сразу нашелъ свое призваніе. Ему было 16 или 17 лѣтъ, когда его братъ, граверъ, Жанъ Батистъ Менье, обучившій мальчика рисунку, помѣстилъ его къ посредственному оффиціальному скульптору Фрекену. Юноша работалъ въ его мастерской до 26 лѣтъ и получилъ отвращеніе къ всякому мрамору и ложно-классическимъ позамъ. Отказавшись отъ скульптуры, онъ сталъ обучаться живописи въ классѣ Наве, ученика знаменитаго Наве, и уже здѣсь началъ работать надъ картиной «Мученія Святого Стефана».

Но главное вліяніе на его творчество оказалъ художникъ Шарль де Гру, цѣлый рядъ картинъ котораго находится въ брюссельскомъ музеѣ [1]).

[1]) Шарль де Гру родился въ 1825 году, умеръ въ 1870 въ Брюсселѣ. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ его картинъ въ брюссельскомъ музеѣ: Le depart du conscrit; L'ivrogne; Le benedicité; Regrets; Des Glaneuses; Le Pélérinage... и т. д. Шарля де Гру называютъ бельгійскимъ Милле.

Этотъ другъ несчастныхъ жилъ въ одной изъ тѣсныхъ улицъ предмѣстій. «Темные цвѣты нищеты, — пишетъ въ своей исторіи бельгійской живописи XIX в. Камиллъ Лемоннье, имѣли въ его глазахъ мрачную красоту, которую онъ предпочиталъ цвѣтущей свѣжести здоровыхъ и пышныхъ розъ»... «Онъ создавалъ изъ своего искусства клинику, часто грубую, гдѣ его кисть обмакивалась во всѣ раны».

Онъ самъ страдалъ и любилъ рисовать страданія, пороки, паденія человѣка. Во многихъ его картинахъ чувствуется вліяніе реалистовъ, Курбе и Милле.

Темпераментъ, построенія, идеалы связали Шарля де Гру и его ученика Константина Менье, который пошелъ дорогой этого вѣстника человѣческихъ страданій. Пылъ и желаніе обоихъ, по словамъ Э. Верхарна,—«кричать въ искусствѣ крикомъ человѣчества». Впрочемъ, было глубокое различіе, все болѣе отличавшее творчество Менье.

Шарль де Гру былъ трагиченъ до конца. Онъ оплакивалъ униженныхъ, погибшихъ и погибающихъ, «онъ милость къ падшимъ призывалъ», его чувство мрачно. онъ знаетъ, что будетъ побѣжденъ.

Константинъ Менье не чуждъ лиризма. Чувство его настойчиво и сильно. Онъ рисовалъ плебсъ, не анекдотическій и не жалкій, а героическій. Онъ глубоко возмущался живописью Давида Теньера, его кабаками и кермессами, гдѣ пьянствуетъ и возится въ грязи «чернь непросвѣщенна» на потѣху благороднымъ господамъ, но онъ не склоненъ былъ оплакивать *гибель* несчастныхъ.

Онъ знаетъ, что его рабочій побѣдитъ — этимъ онъ отличался отъ Шарля де Гру.

Первыя произведенія Константина Менье отдавали дань монастырю.

Но уже вскорѣ Константинъ Менье монастырь смѣнилъ на шахту, монаховъ—на рабочихъ. Его первая большая картина, посвященная труду, — «спускъ шахтеровъ».

Другъ Константина Менье и знатокъ искусства Камиллъ Лемоннье, (прекрасный бюстъ котораго былъ на

выставкѣ въ Лувенѣ), рѣшительнымъ моментомъ въ творчествѣ своего друга считаетъ 1881 годъ.

Въ этомъ году Менье случайно посѣтилъ знаменитый стеклянный заводъ Val-Saint-Lambert. Тамъ онъ увидѣлъ величіе и героизмъ труда. Онъ точно взошелъ на Синай. Но вмѣсто того, чтобы увидѣть высокое небо, заглянулъ въ головокружительныя бездны. «Его духовная ночь,—говоритъ Лемоннье,—была разорвана огнями, которые выбрасываютъ вечеромъ трубы».

Онъ наблюдалъ на стеклянномъ заводѣ моментъ, когда разбился тигель, и рабочіе должны были въ нѣсколько минутъ съ колоссальной энергіей замѣнить его другимъ предъ лицомъ огня огромной силы. Этотъ моментъ, съ быстротой моментальной фотографіи, закрѣпилъ художникъ въ своемъ рисункѣ, перенесъ это въ картину «Le creuset brisé», а позднѣе въ бронзовый горельефъ «Индустрія».

Отъ стекляннаго завода Менье идетъ уже съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ во всѣ мѣста, гдѣ кипитъ работа—въ портъ и шахту, въ поле и въ мастерскія.

Поѣздка въ Испанію въ 1882 году на два года окончательно освободила его отъ мертвыхъ формулъ и академическихъ вліяній.

По возвращеніи на родину онъ все болѣе отдается сюжетамъ изъ жизни рабочихъ. Начинается изученіе точное и документальное, не въ мастерской профессора, а въ мастерской природы. Передъ нимъ не позирующій цѣлыми часами натурщикъ и не патентованная модель, а тысячи рабочихъ съ клеймомъ и жестомъ специальной профессіи. Глубокое изученіе жизни и знаніе условій рабочихъ уже чувствовалось въ его картинѣ, родившейся въ Испаніи—«Табачная фабрика въ Севильѣ», картинѣ, написанной съ силой Гойа.

Живопись съ мутнымъ колоритомъ, носившая слѣды древняго и конкретнаго стиля, уже не удовлетворяетъ его; одноцвѣтныя сѣрыя одѣянья, атмосфера, пропитанныя угольной пылью, сѣрый колоритъ не радовали глазъ. Константинъ Менье хочетъ рельефно, выпукло выразить

душу черной стороны, и онъ возвращается къ скульптурѣ, не къ бѣлому мрамору, а черной бронзѣ.

Ему было 50 лѣтъ, когда онъ нашелъ себя и сталъ скульпторомъ рабочихъ.

Въ 1884 году было отлито его первое скульптурное произведеніе «Молотобоецъ» («Le Marteleus)—человѣческая масса, привлекшая вниманіе зрителя уже въ 1886 году въ Парижѣ, въ Салонѣ Бинга. Съ тѣхъ поръ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1905 году, когда ему исполнилось 74 года, Менье создаетъ цѣлую вереницу шахтеровъ, литейщиковъ, грузчиковъ, создаетъ всѣ образы жертвъ и героевъ.

Отъ времени до времени великій скульпторъ возвращается къ живописи и пододобно тому, какъ венеціанцы, казалось, пишутъ золотыми лучами ликующаго солнца, такъ Менье пишетъ свои картины красками, смѣшанными съ углемъ и дымомъ индустріи и со слезами сѣраго дождливаго неба.

Менье ожидала нужда и вражда—онъ не угодилъ вкусамъ *публики:* опала тяготѣла надъ образомъ пролетарія. Когда Менье выставилъ свою картину «Спускъ шахтеровъ«, буржуа-цѣнители возмущались вульгарностью сюжета, его неблагопристойностью. Но художникъ оставался вѣренъ *своему* вкусу, и онъ заставилъ публику прійти къ своимъ таблицамъ.

Особенно упорно и плодотворно работалъ Менье въ Лувенѣ, гдѣ онъ въ теченіе 10 лѣтъ состоялъ профессоромъ при школѣ изящныхъ искусствъ. Тамъ онъ поселился и жилъ отъ 1886 до 1894 года и работалъ въ необыкновенномъ ательѣ. Если раньше ему приходилось работать въ улицахъ «Утѣшенія» и «Помощи», то теперь художнику отвели амфитеатръ анатомическаго театра для его мастерской. Тамъ до него профессоръ-анатомъ изучалъ секретъ жизни на мертвецахъ, теперь скульпторъ изучалъ тайну смерти и страданья на живыхъ. Здѣсь, гдѣ, казалось, рѣяли тѣни, въ этомъ домѣ тѣней задумалъ и создалъ Менье свои лучшія произведенія. Здѣсь зрѣла его слава, но здѣсь же постигло его великое горе: одинъ за другимъ

сошли въ могилу его сыновья, при чемъ одинъ изъ нихъ, подавая большія надежды, уже создалъ цѣлый рядъ талантливыхъ произведеній и мечталъ создать библію труда.

Эти потери потрясли глубоко художника-отца. Недаромъ же онъ называлъ Лувенъ своей Голгоѳой.

Къ этому времени относится его великолѣпная группа — «Блудный сынъ», въ которой онъ какъ бы выплакалъ свое горе и выразилъ свою надежду: къ старику-отцу вернулся сынъ, котораго онъ считалъ погибшимъ, усталый, блѣдный, измученный—онъ прильнулъ къ колѣнямъ отца. Глубокое чувство — въ глазахъ отца. Это отцовская скорбь, это скорбь самого Менье. Вернувшемуся юношѣ Менье придалъ черты своего умершаго сына...

Еще больше отдался художникъ своей работѣ. Онъ работалъ съ какимъ-то священнымъ трепетомъ, точно готовился принести міру съ высотъ Синая мѣдныя таблицы и выступить съ ними противъ очарованья золотого тельца. Онъ работаетъ, точно импровизируетъ, — легко, безъ напряженія. Формы сами толпою приходятъ къ нему и наполняютъ его ателье.

И слава къ нему пришла. Она пришла и постучалась къ нему вмѣстѣ со смѣртью его дѣтей.

Въ 1896 году К. Менье устроилъ выставку своихъ произведеній въ Парижѣ, и весь Парижъ приходилъ въ залы, гдѣ кричала его бронза, приходилъ необычно молчаливый. «Тамъ чувствовалась, — пишетъ Фагюсъ, — необычная горячность. Точно, въ храмѣ находишься, въ храмѣ, гдѣ вѣетъ религіей широкой человѣчности, дыханіемъ красоты, волненіемъ добра и величіемъ труда. Приходящіе дѣлаются причастниками души *героической* и *скорбящей* Константина Менье».

Почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ перебывали бронзовые гости. Это было тріумфальное шествіе современнаго героя.

Въ 1903 году въ «Les salons du Cercle Artistique de Bruxelles», въ столицѣ Бельгіи, состоялась выставка произведеній Менье — около 150 номеровъ — скульптура, кар-

тины, рисунки, т.-е. почти пятая часть того, что выставлено теперь въ Лувенѣ. Выставка произвела сенсацію. Секція по искусству при народномъ домѣ направляла туда своихъ членовъ-рабочихъ по воскресеньямъ, а знатоки искусства давали имъ объясненія.

Когда Менье умеръ, европейская печать единодушно подчеркивала незамѣнимую утрату.

Верхарнъ и Метерлинкъ, Лемонье и Моккель, Викторъ Руссо и Родэнъ единодушно привѣтствовали къ Константинѣ Менье огромную силу.

Родэнъ называлъ его величайшимъ художникомъ вѣка, а Каррьеръ всю исторію творчества великаго скульптора выразилъ въ краткой и краснорѣчивой формулѣ: «Это исторія человѣка и земли, которую намъ разсказала *нѣжная* и удивительная душа Константина Менье».

Интересно, что уже въ 1886 году Октавъ Мирбо, увидѣвъ въ салонѣ «Молотобойца» Константина Менье, написалъ о новомъ скульпторѣ восторженную статью. «Только на этомъ пути,—писалъ О. Мирбо,—на этомъ единственномъ пути скульптура сможетъ вновь обрѣсти свое величіе. Какъ и живопись, она *должна быть воспроизведеніемъ жизни, эпохи, соціальной среды, класса.* Когда хотятъ произвести трудъ, дѣло идетъ не о томъ, чтобы создать женщину нагую или задрапированную методически, женщину, которой профиль обращенъ къ какому либо орудію труда, дѣло идетъ о томъ, чтобы воздвигнуть на цоколѣ рабочаго въ его спеціальномъ костюмѣ, съ его анатоміей, обезформленной ненормальной тяжестью труда»...

Въ этомъ восторженномъ отзывѣ уже пророчески намѣчалась та революціонная роль, которую долженъ былъ сыграть Менье въ области формы, какъ и въ области содержанія.

Онъ раскрѣпостилъ скульптуру, освободилъ художника отъ академическаго ярма, объявляя борьбу не на жизнь, а на смерть офиціальной доктринѣ, мертвящей формулѣ, избитой заученной позѣ, патентованной обученной модели. Онъ училъ художника улавливать скрытое движеніе и

характерный жестъ, угадывать подъ маской холодной живое лицо, онъ пошелъ изъ мастерской къ человѣку, а не привелъ его къ себѣ въ мастерскую позировать за приличное вознагражденіе.

25 лѣтъ тому назадъ Гюисмансъ удивлялся, что никто не вздумалъ изобразить красоту индустріи. Жаль, что не пришлось ему увидѣть «Памятника Труду», онъ бы увидѣлъ эту красоту, эту бронзу, гдѣ поютъ всѣ линіи.

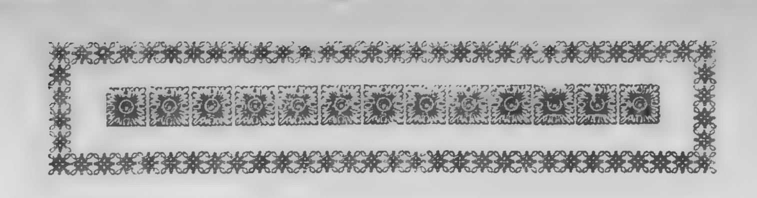
Передъ гармоничной красотой классической, передъ одухотворенной красотой средневѣковья и передъ чувственной, пышной красотой возрожденья не поблѣднѣетъ и не померкнетъ красота трепещущей, кричащей бронзы. То, что являлось прежде удѣломъ королей и боговъ, то сумѣлъ сообщить своимъ бронзовымъ плебеямъ Менье.

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

В. ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ.

О творческой силѣ русскихъ химиковъ.

Передъ нашими глазами разыгрывается величайшая въ исторіи европейскихъ народовъ катастрофа. Подъ громъ пушекъ подготовляется коренная переоцѣнка цѣнностей современной культуры; выдвигаются новые идеалы, новыя проблемы и формы жизни и новыя реакціи взаимодѣйствія культурныхъ народовъ. Тѣ, кто еще недавно считались нашими учителями и образцами, высокомѣрно отвернулись отъ насъ, назвавъ насъ «варварами»!

Въ эту великую годину мы должны познавать самихъ себя, дабы мы твердо вѣрили въ нашу мощь. А эта вѣра въ собственныя творческія силы, совмѣстно съ самоуваженіемъ и самокритикою, дастъ намъ способность развиваться и преуспѣвать самостоятельно, при помощи собственныхъ учителей и образцовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была произнесена маленькая рѣчь (на II Менделѣевскомъ съѣздѣ), основныя идеи которой, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ въ данную минуту особаго вниманія. Поэтому, — согласно желанію г. Редактора этого Сборника-Альманаха,—она здѣсь перепечатывается лишь съ немногими сокращеніями (касающимися литературныхъ источниковъ) и незначительными пополненіями.

Исторія химіи связана съ началомъ культуры, съ исторіей древнѣйшихъ культурныхъ народовъ. Два источника снабжаютъ древо химіи живой водою: потребности практической жизни и духовное стремленіе къ познаванію міра,

съ одной стороны притокъ реальныхъ свѣдѣній, съ другой стороны притокъ идей или философскихъ представленій. Въ различныя эпохи культуры и въ зависимости отъ духовныхъ особенностей различныхъ народовъ, или оба направленія, или лишь одно изъ нихъ преобладаютъ въ развитіи химіи. Такъ, напримѣръ, на Востокѣ, въ старину, развивается по преимуществу практическая сторона химіи; такъ, въ древней Греціи процвѣтаетъ философія химіи или физическихъ наукъ вообще; такъ, у арабовъ-магометанъ обѣ стороны химіи встрѣчаютъ пониманіе и развитіе,—они не только прилежные практики и искусные наблюдатели, но и носители и распространители идей греческихъ философовъ.

Средневѣковый періодъ химіи уже долженъ считаться съ новыми народами и съ новой культурою: паденіе власти арабовъ въ Испаніи (въ XIII стол.) и развитіе власти римской церкви во всей Западной Европѣ выдвигаютъ и для химіи новыхъ покровителей и сотрудниковъ. Главными представителями и защитниками химіи въ это время являются члены римской церкви или духовныхъ орденовъ. Химія подъ этимъ новымъ покровительствомъ отчасти перемѣшивается съ идеями католической религіи: она процвѣтаетъ, какъ алхимія.

Наступаетъ XVI вѣкъ, вѣкъ реформаціи, вѣкъ наукъ и искусствъ. Новая церковь и новые служители ея не являются болѣе покровителями и учителями алхиміи, и для химіи наступаетъ новая эра! Медицина нынѣ беретъ химію подъ свое покровительство; знаменитый врачъ Парацельзъ (1493—1541) провозглашаетъ для химіи новыя цѣли: не превращеніе неблагородныхъ металловъ въ серебро и золото, а приготовленіе лѣкарственныхъ препаратовъ составляетъ задачу химіи,—химія, слѣдовательно, превращается въ помощницу медицины, въ медицинскую или іатрохимію.

Великія волны, исходящія отъ реформаціи и отъ переворотовъ XVI вѣка на Западѣ, случайно доходятъ также до береговъ Московскаго государства. Московская Русь воспринимаетъ эти волны и оказывается резонаторомъ западной

науки, въ частности медицины, и вмѣстѣ съ тѣмъ и химіи. Съ 1553 г. черезъ Архангельскъ завязываются между Англіею и Москвою правильныя торговыя сношенія, а въ 1581 году англійская Королева Елизавета посылаетъ — по просьбѣ Ивана Грознаго—своего придворнаго врача R. Jacobi вмѣстѣ съ аптекаремъ James Frencham въ Москву. Одновременно Frencham привозитъ съ собою запасъ химическихъ медикаментовъ. Этотъ годъ (1581) составляетъ начало возникновенія химіи въ Россіи; Frencham, какъ аптекарь-химикъ, является родоначальникомъ химіи въ Россіи; открытая имъ (1581) первая аптека составляетъ первое вообще мѣсто, гдѣ производятся химическіе процессы по правиламъ науки Запада, а цѣль этой химіи—приготовленіе лѣкарствъ.

Одновременно возникаетъ въ Москвѣ Аптекарская Палата или Аптекарскій Приказъ, т. е., центральное медицинское учрежденіе, а само названіе характеризуетъ то громадное значеніе, которое придавалось аптекарскому и вмѣстѣ съ тѣмъ химическому искусству при созданіи медицинской помощи въ Россіи.

Итакъ, въ Россіи химія появляется сразу, уже безъ предварительныхъ эпохъ естественнаго развитія. Она миновала тысячелѣтній періодъ алхиміи и религіознаго покровительства; вырванная изъ культурной почвы Запада, лишенная научной атмосферы вообще, т. е., лишенная вліянія физическихъ наукъ и техники, она сразу появилась, какъ іатрохимія или медицинская химія, и очутилась въ Россіи, какъ маленькій, нѣжный отпрыскъ подъ покровительствомъ медицины и въ служеніи у медиковъ и аптекарей.

Эта первая въ Россіи аптека почти сто лѣтъ оставалась единственной; въ 1672 г. была открыта вторая, а въ 1682 г. третья царская аптека въ Москвѣ. Лишь Петръ Великій въ 1701 г. приказалъ «для всякихъ надобныхъ и потребныхъ лѣкарствъ быть въ Москвѣ вновь осьми аптекамъ».

Какъ была организована аптекарская дѣятельность въ древней Руси? Какіе вообще спеціалисты были подчинены

Аптекарскому Приказу? Вотъ длинный перечень, иллюстрирующій культуру этой эпохи: I. доктора, лекари, окулисты, чепучинные и чечуйные лекари, цирульники, гортанные мастера, костоправы; II. аптекари, алхимисты, водочники-дистилляторы, аптекарскихъ и алхимическихъ дѣлъ ученики, травники и помясы; III. переписчики и переводчики, часовыхъ дѣлъ мастера, знаменщики и брюкмейстеры.

Что насъ особенно поражаетъ, это—сословіе алхимистовъ (алхимиковъ) и алхимическихъ дѣлъ учениковъ! Неужели въ Россіи, гдѣ не было алхиміи, всетаки, существовали алхимики, которые занимали даже офиціальныя должности при царскомъ дворѣ? При словѣ «алхимія» мы невольно вспоминаемъ о той эрѣ химіи, когда вѣрующіе адепты, хитрые обманщики и аферисты неутомимо предлагали свои услуги для превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные; передъ нами воскресаютъ таинственныя лабораторіи алхимиковъ, въ которыхъ адепты герметической науки трудятся надъ приготовленіемъ философскаго камня!

Мы знаемъ, что, напримѣръ, при вѣнскомъ императорскомъ дворѣ въ Дрезденѣ состояли не только придворные алхимики, но что даже коронованныя особы лично занимались алхиміею.

Таковы ли были придворные алхимисты Московскаго Государства? Нѣтъ, ихъ роль была совершенно другая,—кромѣ громкаго имени они не имѣли ничего общаго съ этими алхимиками Запада.

Въ чемъ заключались функціи этихъ древнихъ русскихъ алхимистовъ, кто они были, какое служебное положеніе занимали они?

В. Рихтеръ, извѣстный авторъ исторіи медицины въ Россіи (3 тома 1814—1820), поясняетъ, что въ эпоху Московскихъ царей названіе «алхимистъ» было почетнымъ титуломъ, вслѣдствіе этого онъ подводитъ подъ это названіе и нѣкоторыхъ аптекарей, напримѣръ, Ягана (Іоанна) Зеттегаста и Петра Пиля.

Но такой взглядъ несомнѣнно неправиленъ. Въ царскихъ указахъ и грамотахъ этого періода явно различаются аптекари отъ алхимистовъ, и мы сейчасъ увидимъ, что между ними существуетъ переходъ, а именно отъ алхимиста къ аптекарю. Алхимистъ не представляетъ почетнаго титула аптекарей, а относится къ особому классу сотрудниковъ аптекарей.

Служебное положеніе алхимистовъ слѣдуетъ считать высокимъ; они слѣдовали за докторами и аптекарями. Между прочимъ, ихъ вознагражденіе опредѣлилось слѣдующими числами: въ 1662 г. доктора получали по 250 р., аптекаря по 60 и 50 р., алхимисты по 60—50 р., а лѣкаря по 55—20 р. въ годъ. За выслугу лѣтъ слѣдовали прибавки, такъ, напр., алхимистъ Пиль въ 1664 г. получилъ всего въ годъ 110 руб., а въ 1682 году—150 руб.

Они совмѣстно съ аптекарями готовятъ лѣкарства. Въ частности, мнѣ думается, можно раздѣлить дѣятельность обѣихъ профессій такъ, что аптекарю была поручена, какъ продажа и контроль лѣкарствъ, такъ и рецептура и «надкушиваніе», т. е., приготовленіе сложныхъ медикаментовъ по рецептамъ, составленнымъ докторами, и ихъ физіологическое испытаніе, а алхимистъ, скорѣе всего, являлся лаборантомъ, занимающимся экстрагированіемъ, перегонкою, кальцинаціею, очисткою, кристаллизаціею и т. д., т. е., приготовленіемъ отдѣльныхъ химическихъ препаратовъ въ аптекарской лабораторіи. Если научная подготовка аптекарей была нормирована сложившейся на Западѣ традиціею аптекарскаго сословія, то алхимисты, вѣроятно, были заграничные самоучки, или аптекари-недоучки, обладающіе нѣкоторой практикою по химіи и химическимъ операціямъ.

Алхимисты, однако, и принимали—совмѣстно съ аптекарями—участіе въ анализѣ и экспертизѣ новыхъ лѣкарственныхъ продуктовъ, напримѣръ, въ 1679 г. аптекарь Эглеръ и алхимистъ Пиль, а равно «алхимискаго» дѣла ученикъ Тихонъ Ананьинъ и русскіе лѣкари производятъ анализъ мази

(ртутной съ купоросомъ), которой Гришка Донской лѣчилъ князя Θедора Щербатаго. Алхимисты состояли при особѣ царя; они и посылались за границу «для призыванія въ Московское государство» докторовъ и техниковъ, для покупки всякихъ аптекарскихъ запасовъ и т. д.,—напримѣръ, въ 1675 г. былъ командированъ алхимистъ Б. Гансъ Слантъ въ Римскую Имперію, Венгрію, Курляндію и Саксонію.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, «что алхимисты» Московскаго государства были скромные труженики-химики, честолюбіе которыхъ вообще не касалось философскаго камня и его тайнъ, а реальной жизни. Но нельзя не указать, что въ эту эпоху и настоящая алхимія кое-гдѣ встрѣчала поддержку и старалась проникнуть въ Москву. Укажемъ на то обстоятельство, что были переведены на языкъ «плохой церковно-славянскій съ полонизмами» и сохранились въ рукописяхъ):

Michael Scotus (современникъ Альберта Великаго)—о естествознаніи, о тайнахъ естественныхъ (латинское изданіе: «De secretis naturae», Frankfurt a. M., 1614).

Albertus Magnus, о таинствахъ женскихъ и т. д.;

Raymundus Lullus (14 стол.), число трудовъ котораго алхимиками опредѣляется въ пятьсотъ. Великая наука и краткая наука (ars magna et ars parva).

На этомъ кончается нашъ бѣглый обзоръ Московскаго періода химіи въ Россіи, т. е., состоянія химіи въ до-Петровской Руси. Наступаетъ новая эпоха въ жизни Русскаго государства, наступаетъ XVIII вѣкъ, устраняющій многіе остатки прежней культуры и—вмѣстѣ съ ними—своеобразныхъ русскихъ алхимиковъ. Послѣдніе къ началу XVIII вѣка постепенно вымираютъ, а пріѣздъ новыхъ алхимиковъ изъ-за границы прекращается.

Петръ Великій и въ этомъ дѣлѣ является реорганизаторомъ, созидающимъ новыя основанія для дальнѣйшаго развитія химіи въ Россіи. Онъ являлся убѣжденнымъ противникомъ алхимистовъ вообще: онъ принималъ всѣ ему представляемые проекты «кромѣ проектовъ алхимическихъ, поелику онъ увѣренъ былъ, что тотъ, кто выдаетъ

себя «дѣлателемъ золота, долженъ быть или обманщикомъ, или невѣжей въ химіи».

Онъ основалъ въ своей новой столицѣ—С.-Петербургѣ—(Петроградѣ)—Академію Наукъ (въ 1724 г.), а съ жизнью этого ученаго учрежденія связанъ новый періодъ развитія или насажденія западной науки въ Россіи вообще; въ числѣ наукъ, вошедшихъ въ кругъ дѣятельности Академіи, находится также химія, и этотъ періодъ мы назовемъ **Академическимъ періодомъ химіи въ Россіи.**

Первымъ академическимъ химикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ «**профессоромъ химіи** и практической медицины» въ Россіи, вообще, былъ химикъ противъ воли д-ръ мед. Мих. Бюргеръ (1726—26); онъ, однако, скоропостижно скончался. Необходимо, все-таки, отмѣтить тотъ фактъ, что, по мнѣнію правителей Академіи, химія считалась второстепеннымъ предметомъ, такъ какъ Блюментростъ писалъ Бюргеру: «Если васъ нѣсколько затруднитъ химія, то можно ее **откинуть**, такъ какъ вы... будете въ особенности прилежать къ практической медицинѣ».

За Бюргеромъ былъ назначенъ Г. Георгъ Гмелинъ изъ Тюбингена (съ 1727—1747 гг.), изъ знаменитой семьи ученыхъ; но онъ не столько знаменитъ, какъ химикъ, сколько, какъ ботаникъ и путешественникъ (Flora sibirica), его химическіе труды являются, какъ по числу, такъ и по роду, весьма посредственными; правда, онъ и не могъ быть экспериментаторомъ, такъ какъ не было химической лабораторіи, и съ 1733—1744 гг. онъ путешествовалъ по Сибири. Въ 1745 г. Гмелинъ передаетъ свою профессуру химіи великому Мих. Вас. Ломоносову (съ 1745—1765 гг.), первому русскому профессору—экспериментатору химіи, основателю первой въ Россіи химической лабораторіи (1748 г.), отцу физической химіи вообще. Его научныя заслуги были еще недавно (8-го ноября 1911 г.) освѣщены, слѣдовательно, не нуждаются въ изложеніи въ этомъ мѣстѣ. Извѣстный американскій химикъ (авторъ образцовыхъ учебниковъ) А. **Смитъ** недавно закончилъ характеристику М. В. Ломоносова слѣдующими словами: «Итакъ, новоот-

крытіе Ломоносова сразу прибавило химика первой величины и личность удивительной силы къ ограниченной галлереѣ величайшихъ людей міра» (1912).

За Ломоносовымъ слѣдуютъ на кафедрѣ химіи опять заграничные химики: врачъ Сальховъ (съ 1755—1760 гг., ум. 1787 г.), б. прусскій берграть Леманъ (съ 1760 по 1767 гг., до смерти), плодотворный писатель и аналитикъ, за ними шведскій пасторъ Лаксманъ (съ 1770 г. по 1781 г., умеръ во время путешествія по Сибири въ 1796 г.), онъ, впервые, употребляетъ въ раціональномъ видѣ Глауберову соль при сплавленіи стекла (1764 г.);—потомъ слѣдуетъ Ив. Георгій (съ 1783—1802 г.), какъ орд. академикъ по химіи. Какъ Лаксманъ, такъ и Георгій занимались описаніемъ и анализомъ разныхъ минераловъ и т. д., а равно путешествіемъ по Россіи и Сибири. [Такъ, Леманъ первый описалъ и анализировалъ (1766 г.) красную свинцовую руду, нашелъ, однако, въ ней свинецъ, сѣру и мышьякъ]. За нимъ являются орд. академиками химіи Соколовъ (1787—1792 гл.) и Захаровъ (1798 г., ум. въ 1836 г.); къ сожалѣнію, они были не вполнѣ достойными преемниками Ломоносова. Лишь въ лицѣ Товія Ловица (орд. академика химіи съ 1793 по 1804 гг., умершаго 47-лѣтнимъ) мы видимъ замѣчательнаго экспериментатора-химика, своими открытіями оставившаго въ наукѣ прочные слѣды. Въ 1785 году онъ открылъ феномены адсорбціи на углѣ, въ 1794 г.—явленія пересыщенія и переохлажденія соляныхъ растворовъ, одновременно изучивъ условія, при которыхъ устраняются послѣднія и т. д., въ 1789 г. онъ открылъ твердую уксусную кислоту (ледяной уксусъ); въ связи съ этими открытіями онъ изучилъ охладительныя смѣси и первый примѣнилъ соль $CaCl_2 + 6H_2O$ со снѣгомъ для полученія наинизшихъ температуръ; въ 1792 году онъ, впервые, изолируетъ кристаллическій виноградный сахаръ, а въ 1796 г. приготовляетъ безводный спиртъ и безводный этиловый эфиръ. Онъ первый (въ 1793 г.) производитъ хлорированіе уксусной кислоты и смѣло предпринимаетъ уже въ 1797 году синтезъ сахара (возстановленіемъ уксусной кислоты).

О творческой силѣ русскихъ химиковъ.

Дѣятельность академическихъ химиковъ опредѣлялась— на долгіе годы впередъ—условіями русской культуры; такъ, напр., въ 1757 г. канцелярія Академіи пишетъ преемнику Ломоносова по каѳедрѣ химіи, Сальхову, чтобы онъ «свои ученыя разысканія по химіи употреблялъ больше на такія вещи, кои натурою производятся въ предѣлахъ Россійской Имперіи».

На первомъ мѣстѣ они вообще не должны были заниматься чистой наукою, т. е., самостоятельнымъ рѣшеніемъ научныхъ химическихъ вопросовъ, а имѣли въ виду практическую пользу: какъ химики-путешественники, они должны были изучать Европейскую и Азіатскую Россію и всѣ три царства природы въ ней; съ точки зрѣнія естествоиспытателей они открывали и изслѣдовали природныя и минеральныя богатства Россіи и способствовали эксплуатаціи таковыхъ насажденіемъ или усовершенствованіемъ химической промышленности. Были найдены новыя мѣсторожденія уже извѣстныхъ минераловъ и металловъ, были открыты новые минералы (напр., красная свинцовая руда, алтаитъ, хромистый желѣзнякъ, плюмбостидъ и т. д.), были произведены анализы (правда, неудовлетворительные) разныхъ минераловъ, напр.: Леманомъ, Биндгеймомъ, Лепехинымъ, Германомъ. Аналогично академическимъ химикамъ изслѣдовали и академическіе минералоги Германъ, Ферберъ, Севергинъ минеральное царство Россіи. Зарождается громадный запасъ новыхъ данныхъ и свѣдѣній, зарождается и русская химическая литература, какъ самостоятельная, такъ и переводная, напр., Шлатера: «Задачи, касающіяся до монетнаго искусства» (1754 г.) и «Первыя основанія рудного дѣла» (Спб. 1769 г.), Ломоносова «Первыя основанія металлургіи» (1761—1763 гг.), пер. Лемана «Пробирное искусство» (1772 г.), Макера «Начальныя основанія умозрительной химіи» (Спб. 1774/75 и 1791 гг.) и его же «Химическій словарь» (1788 г.), Бургаве «Элементы химіи» (1788 г.), Эрксдебена «Начальныя основанія химіи» (1788 г.), Жакена «Химія» (1795 г.), Fourcroy «Химическая философія (1799 г.), Girtanner'a

«Начальныя основанія антифлогистической химіи» (1801 г.), наконецъ, Севергина «Пробирное искусство» (Спб. 1801 г.).

Въ частности, послѣдній русскій ученый, ордин. академикъ по минералогіи (съ 1793 по 1826 г.), проявляетъ замѣчательно плодотворную дѣятельность, какъ писатель и переводчикъ; онъ издаетъ «Руководство къ испытанію минеральныхъ водъ» (1795/6 гг.), описываетъ методы приготовленія и очистки разнородныхъ техническихъ продуктовъ, сочиняетъ словари химическіе (1815 г.), переводитъ химическую технологію Гмелина (1803 г.), пишетъ трактаты о предметахъ и успѣхахъ технологіи. (1804—1822 гг.), о дѣланіи стали (1804 г.), о металлургіи вообще (1804—1811 гг.), издаетъ «Начертаніе технологіи минеральнаго царства» (1821—1822 гг.) и т. д.

Кромѣ химиковъ Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, правда, были еще и профессора Московскаго университета, основаннаго въ 1755 г. Но ни первый изъ нихъ, Керстенсъ (съ 1758—1770 гг.), ни его преемники, профессоръ ботаники Веніаминовъ (1770—1775 гг.) и «профессоръ анатоміи, хирургіи, практической мед. и химіи» Зибелинъ (1775—1802 гг.) не оставили слѣдовъ въ химической наукѣ. Первый изъ нихъ читалъ не только химію, но и металлургію, теоретическую и экспериментальную физику, медицинскую химію и естественную исторію простыхъ фармацевтическихъ препаратовъ; онъ нѣсколько лѣтъ даже былъ единственнымъ профессоромъ на медицинскомъ факультетѣ, а въ 1768 г. на всемъ факультетѣ былъ лишь одинъ студентъ! За то «Императорскаго Московскаго университета Публичный демонстраторъ химическихъ и фармацевтическихъ наукъ» аптекарь Іог. Як. Биндгеймъ (1750 — 1825 гг.), оказался весьма прилежнымъ химикомъ, напечатавшимъ много работъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ аналитической, фармацевтической и технической химіи (съ 1783—1799 гг.), такъ, напр., онъ изолировалъ изъ бѣлой свеклы чистѣйшій сахаръ (1799 г.). Другой извѣстный аптекарь этой эпохи былъ Іог. Георг. Модель (съ 1745—1775 гг. апте-

карь при Главной С.-Петербургской аптекѣ), химическіе труды котораго были оцѣнены, между прочимъ, и Академіею Наукъ, избравшей его почетнымъ членомъ (съ 1756 по 1775 гг., когда онъ умеръ); онъ далъ описаніе (первое) приготовленія и очищенія буры, произвелъ первый анализъ Невской воды, обратилъ вниманіе на ядовитость металлической (кухонной) посуды и т. д.

Необходимо еще указать на одну характерную черту XVIII вѣка; рядомъ съ профессіональными представителями химіи мы встрѣчаемся и съ любителями химіи и минералогіи; такъ, напр., фельдмаршалъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ (1692—1766 гг.), впервые, наблюдалъ свѣточувствительность солей желѣза (1725 г.) и прославился изобрѣтеніемъ особой желѣзной тинктуры «tinctura tonico-nervina Bestoucheffi»; такъ, графъ Аполлосъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 1760 г., ум. въ 1805 г.) вице-президентъ Бергъ-Коллегіи и реорганизаторъ (въ 1804 г.) Горнаго Кадетскаго корпуса (впослѣдствіи Горнаго Института) и съ 1796 г. почетный членъ Импер. Академіи Наукъ сдѣлался извѣстнымъ своими химическими изслѣдованіями: напр., онъ, впервые, получилъ безцвѣтный прозрачный фосфоръ, при помощи котораго онъ возстановилъ растворы угольной кислоты въ углеродъ, онъ изучалъ платину, открывъ новый способъ ковки и новыя соли платины (платинохлористоводородныя), онъ подробно изслѣдовалъ хромъ, открылъ фіолетовые (хромовые) квасцы (1800 г.) и новыя окиси хрома, онъ первый далъ способъ приготовленія вольфрамовокислаго натра и т. д. Укажемъ еще на князя Дмитрія Голицина (ум. въ 1803 г.), чрезвычайнаго посланника въ Гаагѣ и почетнаго члена Академій въ С.-Петербургѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и т. д.; онъ работалъ надъ гремучимъ газомъ (изобрѣлъ особую пушку), изучалъ вліяніе газовъ на сѣмена, открылъ свойство фіолетоваго сибирскаго хлорофана (CaF_2) принимать при нагрѣваніи зеленый цвѣтъ, который при охлажденіи переходитъ обратно въ фіолетовый, и сочинилъ курсъ минералогіи, считавшійся въ свое время образцовымъ (см. Crells, Ann. 1796 г. II,

191 до 1801 II, 451). Наконецъ, приведемъ и графа Григорія Разумовскаго (ум. въ 1837 г.), изучившаго синтетическое приготовленіе колчедана, анализировавшаго разныя воды, открывшаго минералъ, носящій и до сихъ поръ его имя, Razoumoffskin, и основавшаго въ Лозаннѣ (1784 г.) физическое общество.

Итакъ, мы видимъ, что XVIII вѣкъ и для развитія химіи въ Россіи сдѣлался вѣкомъ просвѣщенія; уже родились отдѣльные химическіе мыслители и экспериментаторы, уже подготовляется почва для будущей русской химической науки, уже пробуждается интересъ къ ней и технологіи не только въ ученыхъ и правительственныхъ сферахъ, но и въ широкихъ слояхъ общества, не только среди интеллигенціи, но и среди людей практики. Уже сказывается самостоятельность и изобрѣтательность русскаго народнаго генія; такъ, напр., Андр. Род. Баташевъ (1750 г.) усовершенствуетъ (опрокидываемую) металлургическую печь Реомюра и вмѣстѣ съ тѣмъ чугунно-литейное дѣло; такъ, напр., въ 1763 г. на Алтаѣ шихтмейстеръ Ив. Ив. Ползуновъ изобрѣтаетъ паровую машину для вдуванія воздуха при металлургическихъ процессахъ.

Параллельно съ пробужденіемъ собственной творческой силы идетъ развитіе здравой критики и способности различать реальное отъ мнимаго. Это сказывается особенно ярко въ отношеніи русскихъ къ алхиміи. Въ то время, когда еще на Западѣ, напр., при императорскомъ дворѣ въ Вѣнѣ, при королевскихъ дворахъ въ Копенгагенѣ, въ Дрезденѣ, даже при дворѣ Фридриха Великаго—друга Вольтера—алхимики съ своими мнимыми трансмутаціями встрѣчаютъ пріютъ, покровительство и часто щедрую поддержку, въ Россіи всѣ соблазнительныя предложенія алхимиковъ безъ исключенія отвергаются. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ: въ 1740 г. нѣкій голландецъ Іоанъ де Вильде предлагаетъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, за 1000 червонныхъ способъ дѣлать ежемѣсячно по 100 червонцевъ золота и 50 марокъ серебра; въ 1741 г. нѣкій баронъ де Шевремонтъ предлагаетъ свое всецѣлительное лѣкарство,

poudre de projection, превращающее также свинецъ въ золото. Условія, безъ исполненія которыхъ сей баронъ не желалъ открывать своей тайны, однако, были менѣе скромны, чѣмъ у его предшественника, а именно: 1) императрица Анна должна произвести его въ графы и кавалеры ордена святого Андрея, 2) онъ долженъ быть назначенъ рос. посланникомъ при французскомъ королѣ или въ Гаагѣ, 3) и его братъ долженъ быть произведенъ въ графы и кавалеры св. Андрея, 4) дабы онъ съ почетомъ могъ пріѣхать въ Россію, онъ долженъ быть снабженъ паспортомъ, въ которомъ онъ значится Россійско-Императорскимъ дѣйствительнымъ камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Въ 1745 г. нѣкій Д. Гофмейстеръ изъ Цюриха предлагаетъ вице-канцлеру графу Бестужеву-Рюмину рецептъ всеобщаго лѣкарства, которое, по его мнѣнію, особенно полезно въ Россіи вслѣдствіе заразительнаго тамъ воздуха и при плаваніи по азіатскимъ морямъ. Закончимъ рядъ этихъ благодѣтелей Россіи еще другимъ швэйцарскимъ гражданиномъ Цолликоферомъ фонъ Алтенъ-Клингеймомъ, предложившимъ императрицѣ Елисаветѣ въ 1760 году одновременно услуги французскаго мыльнаго мастера и нѣкоего извѣстнаго ему врача, который посредствомъ алхиміи можетъ излѣчить всѣ болѣзни, но кромѣ того готовъ открыть тайну, вслѣдствіе которой ежегодно будутъ увеличиваться доходы ея Величества на 10 милліоновъ рублей, безъ отягощенія подданныхъ.—Удивительно, какъ много было въ ту эпоху незваныхъ благодѣтелей Россіи.

Наконецъ, наступаетъ XIX вѣкъ, и съ нимъ начинается новый періодъ развитія химіи въ Россіи: химія окончательно эмансипируется отъ медицины и аптекарскаго искусства и становится самостоятельной наукою, существующей ради самой науки, и скрытыя духовныя силы русскаго народа освобождаются отъ узъ. Открытіемъ университетовъ въ Дерптѣ—Юрьевѣ (1802 г.), Харьковѣ (1803 г.), Вильнѣ (1803 г.) и Казани (1805 г.) созидаются новые умственные центры, разсадники физическихъ наукъ

вообще, и русская земля рождаетъ самостоятельныхъ ученыхъ-химиковъ, полноправно участвующихъ съ великими химиками Запада въ созиданіи новой химіи XIX вѣка.

Если въ Западной Европѣ химія XVIII вѣка преимущественно вращалась около теоріи о химическомъ сродствѣ и о флогистонѣ, то въ ту же эпоху химія въ Россіи имѣла практическія цѣли и мало касалась теоретическихъ основаній. Новое антифлогистическое ученіе Лавуазье, поэтому, распространяется въ Россіи сравнительно медленно и постепенно, безъ борьбы. Главные представители этой системы въ началѣ XIX вѣка—Севергинъ и А. И. Шереръ. Первый уже въ своемъ «Пробирномъ искусствѣ» примѣняетъ систему Лавуазье, Шереръ выступаетъ, какъ защитникъ новой химіи въ своихъ учебникахъ химіи (напр., «Grundzüge der neuen chemischen Theorie» (1805 г.), «Beitrage zur Berichtigung der antiflogist. Chemie» (1795 г). «Руководство къ преподаванію химіи» (1808 г.), а равно въ своихъ журналахъ: онъ основалъ первый вообще въ Россіи спеціально-химическій журналъ «Nordische Bläter für Chemie» (Halle, 1817), переименованный скоро въ «Algemeine Nordische Annalen der Chemie» (1819—1822, Спб.).

Новая химія, однако, требуетъ въ Россіи и новой номенклатуры. Начало вообще русской химической номенклатурѣ уже положено было Ломоносовымъ, а новая русская номенклатура, пріуроченная къ новымъ фактамъ и теоріямъ химіи, была создана трудами академика Севергина (1801 г.), профессора химіи Москов. унив. Ф. Рейсса (въ 1806 г.), академика А. Шерера (1807 г.) и академика Я. Д. Захарова (1810 г.).

Если въ XVIII вѣкѣ лишь немногія химическія звѣзды видны были на небосклонѣ русской науки, то XIX вѣкъ характеризуется именно множествомъ такихъ яркихъ звѣздъ. За первую половину прошлаго столѣтія мы должны отмѣтить, напр., Ѳ. Гротгусса (его теорію электролиза въ 1805 г.), Гесса (основателя научной термохиміи въ 1840 г.); Зинина, Воскресенскаго и

Фрицше (основателей русской органической химіи), Кирхгофа (открылъ въ 1811 г. каталитическое дѣйствіе кислоты на крахмалъ), Клауса (изслѣдователя платиновыхъ металловъ, открывшаго въ 1844 г. рутеній), Якоби (открывшаго въ 1838 г. гальванопластику). Въ прошломъ вѣкѣ мы имѣли своихъ великихъ органиковъ, напр., Бутлерова, Бейльштейна, Зайцева, Марковникова, Густавсона, Е. Вагнера, Бишофа, М. Коновалова; мы имѣли великихъ физико-химиковъ, напр., Бекетова, Менделѣева, Меншуткина, Канонникова, Лугинина, Д. П. Коновалова, А. Потылицына.

Главнымъ образомъ съ именемъ Зинина связано возникновеніе и вступленіе химіи въ самостоятельную жизнь. Значеніе Зинина было охарактеризовано выдающимся А. В. Гофманомъ (сообщившимъ Берлинскому Химическому Обществу вѣсть о кончинѣ Н. Н. Зинина) въ слѣдующихъ словахъ: «Сегодня я долженъ сообщить Обществу, что славный великій мастеръ химической науки, почетный членъ нашего Общества, мужъ, оказавшій на развитіе органической химіи прочное вліяніе, выбылъ изъ ряда живыхъ». (1880).

А значеніе Н. А. Меншуткина (ум. 1907) опредѣлилъ не менѣе выдающійся физико-химикъ и редакторъ „Zeitschrift für physik. Chemie" слѣдующими словами: «Ему (Н. А.) мы обязаны основаніемъ стехіометріи химической динамики».

Что же касается Д. И. Менделѣева, этого Ломоносова XIX вѣка, то его заслуги признаны всемірной химической наукой; всѣ преклоняются передъ смѣлостью его мысли, называя его «русскимъ титаномъ». Созданная и разработанная имъ періодическая система элементовъ будетъ существовать, пока въ химіи и философіи будутъ считаться съ ученіемъ о химическихъ элементахъ, а къ его «гидратной теоріи» растворовъ химики будутъ всегда возвращаться, какъ только будетъ подыматься вопросъ о концентрованныхъ растворахъ и химизмѣ при процессѣ растворенія вообще;—«имя Менделѣева будетъ навсегда сохраняться среди отцовъ или основателей химіи». (W. A. Tilden).

Важно отмѣтить, что въ эту эпоху развивается и самостоятельная русская химическая литература. Н. Соколовъ и А. Энгельгардтъ основываютъ въ 1859 г. первый русскій «Химическій Журналъ». Въ 1867 г. собирается I Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей, дающій богатую научную жатву. Послѣдняя, въ свою очередь, вызываетъ «въ членахъ химической секціи увѣренность въ достаточности наличныхъ ученыхъ силъ для основанія Химическаго Общества». И, дѣйствительно, 6 ноября 1868 г. возникаетъ Р. Х. О., организованное трудами Д. И. Менделѣева и Н. А. Меншуткина, а первымъ президентомъ является Н. Н. Зининъ.

Роль Р. Х. О. въ дѣлѣ сплоченія и объединенія русскихъ химиковъ, а равно воспитанія и поддержки молодыхъ научныхъ силъ безспорна и велика. Издаваемый съ 1869 г. «Журналъ Р. Х. О.» (впослѣдствіи Р. Ф.—Х. О.) занимаетъ въ этомъ дѣлѣ немаловажную роль. Въ немъ, мало-по-малу, уплотняются, сгущаются разсѣянныя до этого времени творческія единицы настолько, что онѣ въ настоящее время уже представляютъ внушительное количество интеллектуальной энергіи въ химіи XX вѣка.

Маленькая статистическая таблица пояснитъ намъ этотъ ростъ энергіи.

	Число членовъ.	Число научныхъ статей ж.	Число страницъ ж.
1869 г. I т.	35	38	264
1879 » XI т.	119	49	414
1889 »	233	57	563
1899 » XXXI т.	293	83	1061
1910 »	370	142	1671
1911 » XLIII т.	387	135	1831
1912 »	411	156	2000
1913 » XLV т.	514	148	2078

На Руси, слѣдовательно, не только имѣлись отдѣльные великіе химики, но имѣется также русская химическая наука, развитіе которой за послѣднее десятилѣтіе выражается круто поднимающейся кривою.

Въ международной химической наукѣ этотъ молодой отпрыскъ въ Россіи уже занимаетъ видное мѣсто.

Какъ можно было бы опредѣлить долю русской творческой силы въ созиданіи новой химіи вообще?

Не такъ давно американскій астрономъ Pickering (1908 г.) и нѣкоторые другіе ученые занимались вопросомъ о распредѣленіи великихъ научныхъ открытій по отдѣльнымъ націямъ, при этомъ они положили въ основу число иностранныхъ членовъ, извѣстныхъ Академіи Наукъ.

Мнѣ, однако, кажется, что этотъ способъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности; болѣе достовѣрнымъ будетъ, можетъ быть, другой: мы справимся у исторіи химіи, сколько русскихъ химиковъ своими изслѣдованіями, открытіями, теоріями способствовали развитію химіи внесеніемъ въ нее истинъ, оказавшихся прочными и достойными для историка химической науки?

Чтобы приложить этотъ способъ, я прибѣгнулъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ историческимъ трудамъ новѣйшаго времени, а именно: къ труду русскаго химика Н. А. Меншуткина: «Очеркъ развитія химическихъ воззрѣній» (1888), нѣмецкихъ историковъ: E. v. Meyer'a „Geschichte der Chemie“ (1905), A. Ladenburg'a „Vorträge über die Entwickelungsgeschichte der Chemie“ (1907), и L. Darmstädter'a „Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik“ (1908), англійскаго историка химіи Hilditch'a „A Concise History of Chemistry“ (1911 г.). Къ нимъ я позволилъ себѣ присовокупить и статистику изъ моего собственнаго историческаго труда „Die Lösungstheorien in ihrer geschichtlichen Aufeinanderfolge“ (1910).

Результаты этой статистики русскаго химическаго творчества въ химіи нижеслѣдующіе:

Во-первыхъ: даже исторія химіи не оказывается свободной отъ вліянія національнаго фактора, т. е., національность автора выражается и въ составленной имъ исторіи отведеніемъ большаго вниманія трудамъ своихъ соотече-

ственниковъ, благодаря болѣе глубокому знакомству съ произведеніями ихъ;

во-вторыхъ: участіе русскихъ химиковъ въ созиданіи химической науки вообще выражается въ слѣдующихъ процентахъ (см. таблицы):

По Меншуткину	Вальдену	Hilditch'y	Ladenburg'y	E. v. Meyer'y
12,5	7,3	3,8	3,3	2,9

Итакъ, мы видимъ, что въ міровомъ производствѣ химическихъ истинъ русская земля участвуетъ въ размѣрѣ отъ 2,9 до 12,5%, т. е., въ среднемъ: 3,3% по западному разсчету, или 10% по нашему.

Но, кромѣ упомянутой статистики, мы можемъ составить еще другую. Въ книгѣ Hilditch'а дается перечень типичныхъ химиковъ (typical chemists) всѣхъ странъ и временъ.

За періодъ новѣйшей химіи, которую авторъ начинаетъ со временъ Лавуазье, даются біографическія данныя и главнѣйшіе труды 123 типичныхъ химиковъ. Я распредѣлилъ этотъ почетный легіонъ по странамъ; вотъ отдѣльныя цифры химиковъ-представителей своихъ странъ:

	Число тип. химиковъ.		Въ процентахъ.		Число жителей въ милліонахъ.	На одного химика.	
Данія	2		1,63%	9,76	2,6	1,3	милл. жит.
Италія	3		2,44		34,5	11,5	»
Голландія . . .	3		2,44		5,8	1,9	»
Швеція и Норвегія	4		3,25		7,8	1,9	»
Россія (Европ.) .	9	7,32	8,13		128	12,8	»
Польша	1	0,81					
Англія	25		20,33		45,5	1,8	»
Франція	29		23,58		39	1,3	»
Германія	47		38,21		63	1,4	»
Сѣв.-Америка, Австрія, Испанія, Турція и т. д. . . .	0		0				
Итого.	123		100,00%				

Эти числа довольно поучительны; оказывается, напр., что древнія культурныя страны Австрія и Испанія, а равно новая страна Сѣв. Америка вообще не участвуютъ въ этой статистикѣ. Наибольшая густота «типичныхъ химиковъ» встрѣчается во Франціи и Даніи (1 химикъ на 1,3 милл. жителей), а Россія по этой густотѣ близко подходитъ къ древней культурной странѣ Италіи (въ обѣихъ странахъ одному типичному химику соотвѣтствуютъ 11,5 (12,8) милл. жителей).

Въ связи съ этой статистикой дадимъ еще другую серію статистическихъ данныхъ, относящуюся къ 1911/12 году, а именно число членовъ крупныхъ химическихъ обществъ:

	Число членовъ.			На 100 химиковъ.
въ Берлинскомъ (Германскомъ) Хим. Общ.	3356	или	1,40	типичн. хим.
» Лондонскомъ (Британскомъ)	3202	»	0,75	»
» Австрійскомъ	1050	»	0	»
» Французскомъ	1023	»	2,83	»
» Итальянскомъ	654	»	0,46	»
» Японскомъ	567	»	0	»
» Голландскомъ	515	»	0,58	»
» Бельгійскомъ	510	»	0	»
» Русскомъ (Р. Физ. Химич. Общ.)	411	»	2,43	»
» Швейцарскомъ	367	»	0	»
» Сѣверо-Американскомъ	6091	»	0	»
» Датскомъ	155	»	1,29	»

Приведенныя цифры, по моему мнѣнію, очень интересны и цѣнны. Разсматривая первую вертикальную графу и сопоставляя эти числа химиковъ, зарегистрированныхъ въ научныхъ обществахъ отдѣльныхъ странъ, мы къ нашему стыду должны констатировать, что у насъ дѣло организаціи химиковъ, объединенія ихъ въ научное сословіе еще недостаточно проведено,—вѣдь обидно для нашего самолюбія и недостойно престижа нашего великаго отечества, что въ международной химической семьѣ, по численности отдѣльныхъ химиковъ, мы стоимъ ниже маленькой Голландіи и Бельгіи, а равно нашей сосѣдки Японіи.

Однако, вторая вертикальная графа даетъ намъ отрадную картину. Если сопоставить, для цѣлей общей оріентировки, число зарегистрированныхъ въ каждой странѣ химиковъ съ числомъ «типичныхъ химиковъ» по Hilditch'у и опредѣлить, сколько такихъ извѣстныхъ представителей химіи приходится на 100 химиковъ вообще, то получается другой рядъ цифръ, иллюстрирующихъ самобытность и творческую силу каждой страны. Тогда французскіе химики занимаютъ первое мѣсто (на 100 химиковъ—2,83 типичныхъ или знаменитыхъ химика), а за ними слѣдуютъ русскіе химики (дающіе 2,43 типичныхъ на 100 химиковъ)!

Конечно, вѣрно, что мы не имѣемъ передъ собой абсолютно точныхъ данныхъ; это и немыслимо. Вообще, наша статистика не преслѣдуетъ этой цѣли, мы желали лишь дать наглядное представленіе о творческой силѣ русскихъ химиковъ и распредѣленіи крупныхъ научныхъ химическихъ произведеній по отдѣльнымъ странамъ.

Отсюда мы можемъ вывести нѣкоторый практическій результатъ: среди культурныхъ націй Запада русскіе химики и русская химія никакъ не занимаютъ послѣдняго мѣста. Россія частью опередила старинныя культурныя страны (Австрію, Испанію, Португалію), частью поравнялась съ ними (напр., съ Италіею).

При объективномъ обозрѣніи этихъ статистическихъ данныхъ и историческаго хода развитія химіи въ Россіи, я могу придти лишь къ одному результату, что безповоротно законченъ тотъ періодъ, когда химики для Россіи выписывались изъ-за границы, а русская химія находилась въ полной зависимости отъ химіи Запада. Есть, дѣйствительно, русская химическая наука, и если въ послѣднее время тутъ и тамъ высказывалось мнѣніе противоположное, то это—прискорбное недоразумѣніе. Эта русская химическая наука имѣетъ деже свой особый отпечатокъ, соотвѣтствующій духовному складу химиковъ-философовъ и и химиковъ-физиковъ.

Мы уже подчеркнули тотъ фактъ, что исторія химіи—къ сожалѣнію—не свободна отъ субъективности писателей

этой исторіи; это выражается естественнымъ образомъ, какъ въ національности автора, такъ и въ разработанной имъ лично химической спеціальности. Для иллюстраціи я укажу на слѣдующія аномаліи и историческіе недостатки цитированнаго нами труда Ladenburg'a, а эта исторія химіи считается классической, какъ по ясности изложенія, такъ и по полнотѣ и исторической точности данныхъ. О трудахъ Зинина онъ, напр., лишь приводитъ добываніе имъ горчичнаго масла (стр. 300), о трудахъ Фрицше мимоходомъ говорится, упоминая объ открытомъ имъ карбазолѣ (стр.298), та же участь выпадаетъ на долю Воскресенскаго («открылъ хинонъ»); изъ трудовъ Бекетова лишь упоминается въ краткомъ примѣчаніи какое-то изслѣдованіе съ 1854 г. (стр. 192). Но еще большая историческая несправедливость и узость сказывается въ этой исторіи химіи по отношенію, напр., къ Гротгусу, Клаусу, Гадолину, Е. Е. Вагнеру, А. М. Зайцеву, Д. Зелинскому, Д. Коновалову, М. Коновалову, М. Ненцкому, В. Ипатьеву, Н. Курнакову, А. Фаворскому, Ф. Флавицкому, Л. Шишкову, Л. Чугаеву, которые вообще не упоминаются, хотя ихъ труды и заслуги—такъ намъ кажется—всѣмъ современнымъ химикамъ извѣстны.

Изъ прошлаго русской химіи я хотѣлъ бы заключить о ея будущемъ. Для своего дальнѣйшаго развитія русская химическая наука нуждается во все возрастающемъ числѣ свѣжихъ силъ. Вѣдь въ послѣдніе годы она лишилась величайшихъ своихъ представителей: ушли отъ насъ Бейльштейнъ, Менделѣевъ, Меншуткинъ, Густавсонъ, Бишофъ, Шишковъ, Зайцевъ, Лугининъ, Бекетовъ.

Молодое поколѣніе русскихъ химиковъ пріобрѣло великое право занимать мѣста этихъ великихъ основателей и представителей русской науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно приняло на себя тяжелую обязанность быть достойными ихъ преемниками и носителями традицій русской науки!

Дѣйствительно, наши взоры должны быть направлены на новое поколѣніе химиковъ. Поэтому приведенная выше статистика, освѣщающая ростъ и научную дѣятельность Р. Ф.-Х Общества, въ частности русскихъ химиковъ, предста-

вляетъ важный документъ, изъ котораго мы черпаемъ надежду на пополненіе рядовъ великихъ изслѣдователей все новыми силами.

Пусть же поэтому не истолкуютъ самомнѣніемъ съ моей стороны, если я обращусь къ нашей химической молодежи съ горячимъ призывомъ: доказать дѣломъ, что творческая сила нашихъ молодыхъ химиковъ не уступаетъ научнымъ трудамъ великихъ отцовъ русской химіи! Пусть они поступятъ по совѣту знаменитаго Faraday'я, выразившаго тайну своихъ трудовъ и открытій въ словахъ: to work, to finish, to publish!

Но, кромѣ моихъ заботъ о будущемъ развитіи русской химіи, я имѣю еще заботы о ея прошломъ.

Есть ли у насъ исторія русской химіи? Есть ли у современныхъ русскихъ химиковъ историческое чувство? Читаются ли въ нашихъ университетахъ лекціи по исторіи химіи, вообще, и по развитію химіи въ Россіи? Знаемъ ли мы, какъ русскіе химики, нашу старину?

Если мы не знаемъ прошлаго, мы и не понимаемъ настоящаго, а лишь господство наше надъ прошлымъ и настоящимъ даетъ намъ силу предсказать будущее.

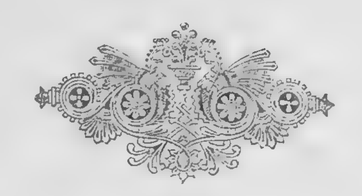
Развѣ не съ чувствомъ горечи мы нынѣ сознаемъ, какъ мало мы знали о Ломоносовѣ-химикѣ и объ его химическихъ трудахъ, какъ вслѣдствіе отсутствія историческаго чувства среди русскихъ химиковъ его заслуги, его геніальность, даже его имя исчезли со страницъ исторіи химіи? Развѣ для самосознанія русскихъ химиковъ и для оцѣнки русской творческой силы не обидно, что имена и заслуги даже нашихъ недавнихъ славныхъ предшественниковъ или вообще не встрѣчаются, или лишь въ недостаточной формѣ приводятся въ западныхъ учебникахъ исторіи химіи (какъ, напр., въ классическомъ трудѣ Ladenburg'a)?

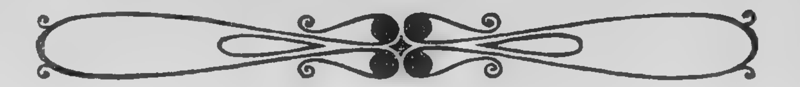
Мы должны писать нашу исторію химіи, мы должны составлять біографіи нашихъ великихъ химическихъ учителей; мы должны собирать всѣ матеріалы, относящіеся къ возникновенію и развитію химіи въ разныхъ пунктахъ нашего отечества: личныя воспоминанія, автобіографиче-

скія замѣтки, переписку съ корифеями западными и русскими, подлинные приборы, подлинные препараты новооткрытыхъ тѣлъ и т. д. Мы должны изучать труды нашихъ предковъ, съ современной точки зрѣнія освѣщая ихъ мысли и планы; издавая ихъ въ перепечатанномъ видѣ, мы можемъ способствовать распространенію этихъ классическихъ произведеній среди возрастающаго поколѣнія.

Вѣдь, исторія науки, это—сама наука, а прошлое, это—ключъ къ будущему.

Акад. П. И. ВАЛЬДЕНЪ.

Техника и наука.

Кто изъ насъ въ ранней молодости не увлекался жизнеописаніями знаменитыхъ людей—ученыхъ и изобрѣтателей! У меня еще живо воспоминаніе о біографіи Джемса Ватта, незабвеннаго основателя техники паровыхъ машинъ. Бѣдный Джемсъ! Рано потерявъ родителей, онъ находился на воспитаніи у тетки. Однажды тетка поручила Джемсу присмотръ за горшкомъ, въ которомъ варился супъ. Малый Джемсъ интересовался больше всего тѣмъ, что паръ кипящей воды подымалъ крышку горшка и заставлялъ ее танцовать. Любуясь этимъ явленіемъ, онъ забылъ о порученіи и позволилъ супу выкипѣть. Тетка сильно выбранила его за невнимательность, но, благодаря этимъ простымъ наблюденіямъ, оставшимся у него въ памяти, Джемсъ Ваттъ впослѣдствіи изобрѣлъ паровую машину.

У меня все еще передъ глазами картинка, представляющая маленькаго Джемса, горшокъ и тетку, бранящую Джемса за его проступокъ. Какъ это просто! И какъ далеко отъ дѣйствительности, отъ той обстановки, въ которой, дѣйствительно, совершаются великія изобрѣтенія и открытія.

Гораздо позже мнѣ попала въ руки книга проф. Релё п. з. «Исторія паровой машины». Изъ нея я узналъ, что Ваттъ былъ ученикомъ Блака (которому мы обязаны изученіемъ «скрытой» теплоты испаренія и плавленія), что онъ многіе годы трудился надъ усовершенствованіемъ паровой машины Нюкомена и что онъ только въ послѣдніе годы жизни пожалъ плоды своей многолѣтней работы, когда пароходъ Фультона, впервые, прорѣзалъ волны рѣки

Гудсонъ и паровозъ Стефенсона привелъ первый поѣздъ въ Менчестеръ.

Я остановился на этомъ примѣрѣ, потому что онъ доказываетъ, какъ длиненъ и тернистъ путь отъ появленія идеи до ея практическаго примѣненія и съ какими трудностями бываетъ связано воплощеніе всякой идеи, составляющее существенную часть всякой технической задачи. Однако, сегодня еще въ широкихъ слояхъ общества распространено мнѣніе, что достаточно возымѣть «счастливую» идею, чтобы добиться славы и матеріальнаго успѣха.

Конечно, извѣстная идея должна предшествовать всякой научной и технической работѣ. Она составляетъ условіе работы, но не единственное условіе и даже не необходимое. Въ настоящей статьѣ я желалъ бы нѣсколькими штрихами начертить тотъ путь, который ведетъ изобрѣтателя отъ момента возникновенія данной идеи до конечной цѣли: до ея воплощенія въ практикѣ.

Несомнѣнно, всякая созидательная работа въ области наукъ и ихъ техническихъ примѣненій отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, представляющимъ громадный просторъ для выраженія индивидуальности тружениковъ науки и техники. Поэтому методы рѣшенія техническихъ задачъ должны быть весьма разнообразны, какъ разнообразны бываютъ и сами задачи, какъ разнообразенъ и характеръ отдѣльныхъ личностей, занимающихся ихъ рѣшеніемъ. Поэтому нельзя полагать, что существуетъ нѣкоторое универсальное средство для совершенія изобрѣтеній. Но несомнѣнно: различные пути, ведущіе къ одной и той же цѣли, обнаруживаютъ нѣкоторыя общія черты, и изученіе этихъ общихъ принциповъ представляетъ интересъ не только съ научной, но и съ общественной точки зрѣнія.

Отличительная черта современной эпохи культуры заключается именно въ томъ, что общество старается ввести разнообразныя проявленія дѣятельности различныхъ личностей въ опредѣленныя русла, — т. е., организовать ихъ дѣятельность. Поэтому вопросъ о созданіи школы изо-

брѣтателей и вопросъ объ организаціи творческой дѣятельности ученыхъ и техниковъ не являются утопическими, а, наоборотъ—пріобрѣтаютъ все болѣе живой интересъ.

Давно уже миновали тѣ времена, когда самымъ обильнымъ,—почти единственнымъ—источникомъ всѣхъ открытій и изобрѣтеній былъ случай. Конечно, и тогда не было достаточно одного случайнаго наблюденія, а требовался еще геніальный человѣкъ, который сумѣлъ бы понять общее значеніе единичнаго факта и вывести изъ наблюденія надлежащія слѣдствія. Такъ, напр., Фарадей открылъ явленія сжиженія газовъ, благодаря одному случайному опыту; но не подлежитъ сомнѣнію, что обыкновенный человѣкъ прошелъ бы мимо такого опыта, не удѣливъ ему надлежащаго вниманія, между тѣмъ какъ Фарадей узрѣлъ въ немъ проявленіе новаго общаго свойства всѣхъ газовъ. Весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ другого выдающагося и геніальнаго ученаго, Либиха. Дѣйствуя сѣрной кислотой на природный хлористый калій, Либихъ получилъ однажды темно-бурую жидкость весьма непріятнаго запаха. Предполагая, что эта жидкость представляетъ одно изъ извѣстныхъ соединеній хлора съ іодомъ, онъ снабдилъ бутылочку соотвѣтственной наклейкой и поставилъ ее въ шкафъ. Впослѣдствіи онъ, къ своему огорченію, узналъ, что у него въ рукахъ былъ новый элементъ (бромъ), который былъ открытъ нѣсколько лѣтъ спустя Баляромъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ настоящее время. Благодаря обильному матеріалу, накопленному усердной работой экспериментаторовъ послѣднихъ десятилѣтій, мы можемъ ввести систематику, какъ въ поиски проблемъ, которыя желали бы рѣшить, такъ и въ методы ея изслѣдованія. Притомъ являетси безразличнымъ, будетъ ли эта проблема чисто практическаго характера или вопросъ научный, не представляющій пока интереса съ точки зрѣнія его примѣненій.

Безразличнымъ является этотъ вопросъ, потому что ученый, занимающійся разрѣшеніемъ научныхъ проблемъ,

часто не думаетъ вовсе о той практической пользѣ, которую могутъ принести его изслѣдованія. А съ другой стороны, техникъ, совершенно случайно иногда открываетъ новые пути къ изслѣдованію природы. Когда начались изслѣдованія радіоактивныхъ веществъ, никто не могъ еще знать объ ихъ значеніи для медицины и о тѣхъ примѣненіяхъ, которыя они еще могутъ найти въ будущемъ. Примѣръ обратнаго дѣйствія даетъ намъ изслѣдованіе паровыхъ машинъ, которое привело Карно къ открытію второго принципа термодинамики, являющагося однимъ изъ краеугольныхъ камней современнаго естествознанія. Подобныхъ примѣровъ мы находимъ въ наукѣ безчисленное множество. Такъ мы видимъ, что изслѣдованія Лешателье и Маляра надъ давленіемъ газовъ, происходящимъ отъ взрыва, дали основаніе ученію о теплоемкости газовъ, изученіе равновѣсія въ газовыхъ системахъ создало основу для «тепловой теоремы» Нерноста, а техническія изслѣдованія свойствъ стали и другихъ металлическихъ сплавовъ послужили импульсомъ для научнаго основанія металлографіи. Наконецъ, цѣлый рядъ усовершенствованій въ области химической и механической технологіи сдѣлалъ возможнымъ рѣшеніе такихъ научныхъ проблемъ, которыя раньше встрѣчали непреодолимыя техническія затрудненія. Такъ, заводскіе способы полученія химически чистыхъ продуктовъ дали матеріалъ для опредѣленія физико-химическихъ константъ химическихъ индивидуумовъ, что привело къ установленію весьма важныхъ законовъ физической химіи. Усовершенствованіе оптическихъ приборовъ привело къ новымъ открытіямъ въ области физики и астрономіи: яркими примѣрами подобнаго вліянія являются многочисленныя примѣненія фотографической камеры и даже кинематографа для научныхъ цѣлей. Самое же обширное примѣненіе въ физическихъ и въ химическихъ лабораторіяхъ нашло развитіе и распространеніе сильныхъ электрическихъ токовъ, безъ которыхъ немыслимо было бы выполненіе многочисленныхъ научныхъ опытовъ.

Эти примѣры доказываютъ, что техника и наука не

являются двумя разрозненными областями человѣческой продуктивной дѣятельности. Наоборотъ, ученый и технологъ работаютъ рука объ руку, взаимно помогая другъ другу. Оба пользуются одними и тѣми же методами изслѣдованія и работаютъ для одной и той же цѣли: для расширенія и украшенія монументальнаго зданія человѣческихъ познаній. Въ исторіи науки можно найти многочисленные примѣры того, что выдающіеся ученые были замѣчательными техниками, а выдающіеся изобрѣтатели имѣли весьма солидную научную подготовку и высоко цѣнили развитіе т. н. «чистой» науки.

Если, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наука и техника связаны другъ съ другомъ неразрывными узами, то отсюда слѣдуетъ, что забота объ организаціи научной и технической дѣятельности людей, посвятившихъ себя этому дѣлу, является не только вопросомъ національной гордости, но пріобрѣтаетъ одновременно выдающееся общественное значеніе и становится вопросомъ соціальнымъ.

Вопреки пессимистическимъ предсказаніямъ нѣкоторыхъ философовъ минувшаго столѣтія, сторонниковъ извѣстнаго изреченія «ignorabimus»,—послѣднія два десятилѣтія принесли намъ чрезвычайное обиліе научныхъ и практическихъ открытій. Дѣйствительно, если бы лѣтъ 20 тому назадъ какой-нибудь пророкъ объявилъ, что вскорѣ возможно будетъ видѣть внутренніе органы живого человѣка, что найдены будутъ вещества, одаренныя способностью производить тепло и свѣтъ въ теченіе неограниченнаго времени, что окажется возможнымъ разглядѣть частицы и атомы и даже разложить элементы на ихъ составные части—электроны, что люди при помощи аэроплановъ будутъ съ полной увѣренностью летать по воздуху,—то такой пророкъ у всѣхъ образованныхъ людей тогдашняго времени вызвалъ бы лишь улыбку и недовѣріе. Однако, всѣ эти несбыточныя мечты осуществились въ очень короткій промежутокъ времени, и мы съ гордостью можемъ сказать, что ни одна эпоха культуры не дала человѣчеству такъ много и такія значительныя открытія, какъ современная.

Да, мы имѣемъ право гордиться нашей эпохой, Но весь этотъ быстрый ходъ прогресса въ наукѣ и въ техникѣ предъявляетъ и къ намъ особыя требованія. Съ одной стороны мы наблюдаемъ чрезвычайное увеличеніе числа людей, работающихъ продуктивно въ различныхъ областяхъ знанія,—съ другой же стороны всѣ эти люди не могутъ ограничиваться тѣмъ запасомъ знаній, который они вынесли изъ школы. Они должны постоянно слѣдить за поступательнымъ ходомъ науки и тѣми неизбѣжными переворотами въ теоріи и въ практикѣ, которые вызываются новыми фундаментальными открытіями. Вотъ, почему сегодня каждый техникъ долженъ тоже являться изобрѣтателемъ и почему на развитіе этой способности нужно обращать главное вниманіе при подготовкѣ нашихъ будущихъ техниковъ.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ и экспериментаторовъ настоящаго времени, сэръ Уильямъ Ремзэй въ извѣстной книгѣ: «Прошлое и будущее химіи» приходитъ къ заключенію, что та нація и та страна, которая превыситъ другія націи въ познаніи химіи, займетъ въ будущемъ первое мѣсто и по богатству и общему народному благосостоянію. Ибо весь прогрессъ современной промышленности,—говоритъ тотъ же ученый,—основанъ на примѣненіи научныхъ открытій; послѣднія же не являются результатомъ случайныхъ удачныхъ пробъ, а плодомъ систематическихъ и старательныхъ изслѣдованій».

Эти пророческія слова пріобрѣтаютъ особенное значеніе для насъ въ переживаемый нами нынѣ историческій моментъ, когда мы рѣшились самостоятельно выступить на путь развитія промышленности и разработки тѣхъ богатствъ, которыми природа такъ щедро надѣлила Россію.

Въ чемъ же заключается система въ совершеніи открытій и какая подготовка нужна для достиженія благопріятныхъ результатовъ на этомъ поприщѣ? Работу ученаго можно раздѣлить на три фазы, соотвѣтствующія

постепенному развитію изучаемаго вопроса. Первая фаза— это появленіе извѣстной идеи, являющейся руководящей нитью дальнѣйшихъ изслѣдованій, вторая фаза заключается въ воплощеніи этой идеи путемъ детальнаго теоретическаго и опытнаго изученія изслѣдуемаго вопроса, послѣдняя же фаза состоитъ въ изложеніи достигнутыхъ результатовъ.

Первому акту научнаго творчества, возникновенію плодотворной идеи, психологи давно старались удѣлить особое вниманіе. Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ необыкновенный моментъ совпадаетъ съ настроеніемъ особеннаго экстаза, который сопровождаетъ также появленіе выдающихся произведеній искусства. Въ этомъ отношеніи актъ научнаго творчества вполнѣ сходенъ съ творчествомъ художника. Аналогія этихъ двухъ видовъ творческой дѣятельности подтверждается въ значительной степени тѣмъ, что многіе геніальные ученые были одновременно выдающимися художниками, какъ Леонардо да Винчи, Галилей, Ломоносовъ, Гёте и др. Весьма цѣнное признаніе мы находимъ у одного изъ самыхъ знаменитыхъ физиковъ-философовъ послѣдняго времени, у Л. Больцмана: «Я обязанъ высшимъ духовнымъ вдохновеніемъ сочиненіямъ Гёте, Фаустъ котораго является—быть можетъ—величайшимъ художественнымъ произведеніемъ, Шекспиру и др. Другое у Шиллера: благодаря Шиллеру, я сталъ собой. Безъ него я бы былъ человѣкомъ съ тѣмъ же носомъ и бородой, которые у меня есть,—но я никогда не былъ бы собой.—Если кто другой произвелъ на меня вліяніе подобнаго рода, то это—Бетховенъ».

Многіе ученые пытались дать себѣ отчетъ о моментѣ возникновенія въ ихъ головѣ той идеи, которой они затѣмъ посвятили годы своей жизни и благодаря которой они стяжали впослѣдствіи славу. Послушаемъ, какъ изображаетъ этотъ моментъ отецъ структурной химіи, Августъ Кекуле:

«Во время пребыванія въ Лондонѣ я долго жилъ на Clapham-road, вблизи Коммона. Вечера я проводилъ, обык-

новенно, въ Islington, на противоположномъ концѣ громаднаго города, у моего друга Гуго Мюллера. Здѣсь мы бесѣдовали на разныя темы, а чаще всего о нашей любимой химіи. Въ одно воскресенье я возвращался съ послѣднимъ омнибусомъ по улицамъ города, обыкновенно, столь оживленнаго, а теперь совершенно пустыннаго. По обыкновенію, я сидѣлъ «outside», т. е., на крышѣ омнибуса. Я предавался грезамъ. Передъ моими глазами кружились атомы. Я часто рисовалъ себѣ въ воображеніи движенія этихъ маленькихъ существъ, но до того времени никогда не удавалось мнѣ прослѣдить, какого рода были эти движенія. Сегодня я видѣлъ ясно, какъ здѣсь и тамъ два маленькихъ атома соединялись въ пару, большіе атомы обнимали по два меньшихъ, еще большіе держали въ объятіяхъ по три или четыре, и какъ все это кружилось въ вихревомъ танцѣ. Я видѣлъ, какъ большіе атомы образовывали ряды, на концѣ которыхъ висѣли меньшіе атомы. Словомъ, я видѣлъ то, что такъ прекрасно изобразилъ мой учитель Коппъ въ своемъ «мірѣ молекулъ», но я видѣлъ все это гораздо раньше, чѣмъ онъ. Голосъ кондуктора, выкрикивающаго «Clapham-road», разбудилъ меня посреди этихъ грёзъ. Но, придя домой, я просидѣлъ часть ночи, набрасывая эти картины въ общихъ чертахъ. Такъ возникла структурная теорія».

Изъ этого примѣра видно, что идея, лежащая въ основѣ современной «структурной» химіи, есть плодъ воображенія, продуктъ фантазіи, какъ и всякое твореніе художника. Но не меньшій полетъ фантазіи мы находимъ у Ньютона, когда онъ узрѣлъ аналогію вращенія луны около земли съ паденіемъ камня, у Лавуазье, когда онъ сталъ разсматривать металлы, какъ элементы, а горѣніе, какъ ихъ соединеніе съ кислородомъ, у Д. И. Менделѣева въ его предсказаніяхъ свойствъ новыхъ элементовъ или у Вантъ Гоффа въ открытой имъ аналогіи между растворевнымъ и газообразнымъ состояніемъ матеріи.

Въ этомъ первомъ актѣ творчества великихъ людей мы всегда будемъ усматривать нѣчто Божественное, нѣчто инди-

видуальное, не поддающееся изученію. Несмотря на то можно указать нѣкоторые общіе источники, изъ которыхъ даровитые люди всегда будутъ черпать матеріалъ для вдохновляющихъ ихъ помысловъ. Богатымъ, никогда не исчерпаемымъ источникомъ всякаго рода проблемъ является окружающая насъ природа. Она даритъ намъ постоянно все новыя явленія, не укладывающіяся въ рамки существующихъ системъ и содержащія поэтому зачатки новыхъ теорій, служащихъ иногда основаніемъ для новыхъ областей науки. Еще болѣе доступный источникъ научнаго творчества составляетъ современная богатая научная литература. Ознакомленіе съ оригинальными трудами классиковъ точныхъ наукъ открываетъ передъ нами сокровищницу ихъ идей и интересовавшихъ ихъ проблемъ. Часто мы сталкиваемся съ такими проблемами и при изученіи классическихъ учебниковъ, если авторы послѣднихъ не уклоняются отъ указаній на существующіе въ наукѣ пробѣлы. Знаніе исторіи развитія наукъ указываетъ намъ на пути, ведущіе къ расширенію и обоснованію нашихъ знаній, и даетъ намъ въ руки нити ихъ развитія въ будущемъ. Поэтому можно сказать, что въ настоящее время не ощущается недостатка въ проблемахъ, а, наоборотъ, имѣется налицо большое обиліе проблемъ, изслѣдованіе которыхъ должно составить задачу непосредственнаго будущаго.

Положимъ, что мы нашли проблему, вызванную чувствомъ неудовлетворенности настоящимъ состояніемъ, нашихъ свѣдѣній въ извѣстной области. Тогда мы должны вступить во вторую фазу научнаго творчества: выполнить трудъ изслѣдованія интересующаго насъ вопроса. Эта вторая фаза является самой важной частью всей научной работы. Выполненіе опытовъ требуетъ не только природнаго таланта, но и обстоятельнаго ознакомленія съ методами научныхъ изслѣдованій и съ приборами, иногда весьма сложными. Недаромъ такой выдающійся экспериментаторъ, какъ Берцеліусъ, сказалъ о химіи, что она состоитъ изъ 99 процентовъ ремесла и одного только процента философіи.

Вступая во вторую фазу нашей работы, мы должны прежде всего составить себѣ точное представленіе о томъ, что уже извѣстно и что сдѣлано нашими предшественниками для всесторонняго освѣщенія проблемы. Эта часть работы требуетъ нѣкотораго опыта и умѣнія въ виду большого количества періодическихъ изданій, число которыхъ изо дня въ день увеличивается. Облегчается эта работа большими компиляціонными сочиненіями и реферирующими органами научной періодической печати, которые помѣщаютъ краткіе отчеты о всѣхъ появляющихся въ данной области изслѣдованіяхъ. Большое же затрудненіе представляетъ многоязычность научныхъ журналовъ: чѣмъ больше распространяется культура, чѣмъ больше возрастаетъ число народовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ побѣдоносномъ шествіи наукъ,—тѣмъ затруднительнѣе становится ознакомленіе съ ихъ произведеніями и тѣмъ настоятельнѣе становится потребность въ одномъ общемъ языкѣ для научнаго обмѣна мыслей и матеріаловъ.

Ознакомленіе съ литературой интересующаго насъ вопроса указываетъ намъ на то, чего не надо дѣлать. При наличности извѣстной доли критики, изслѣдователь можетъ, однако, составить себѣ дальнѣйшую программу для собственныхъ изслѣдованій. Экспериментальное изученіе проблемы составляетъ весьма трудную и самую существенную часть всякаго научнаго подвига. И въ ней снова сказывается тотъ же художественный талантъ, проявленіями котораго мы восхищаемся въ области искусствъ. Умѣніе отыскивать общіе и характерные элементы въ явленіяхъ, простота въ постановкѣ научныхъ вопросовъ и простота средствъ въ выполненіи опытовъ—вотъ тѣ отличительныя качества, которыя мы находимъ въ опытныхъ изслѣдованіяхъ великихъ научныхъ экспериментаторовъ, но тѣ же самыя черты херактеризуютъ и произведенія великихъ художниковъ, и въ этомъ сходствѣ снова сказывается родство этихъ двухъ областей человѣческаго генія: науки и искусства.

Обыкновенно, изслѣдуемое явленіе представляетъ резуль-

татъ длиннаго ряда обстоятельствъ, изъ которыхъ каждое можетъ производить вліяніе на наблюденный эффектъ. Если этотъ эффектъ измѣряется величиной A, то мы можемъ сказать, что A есть функція нѣкоторыхъ перемѣнныхъ: x, y, z, измѣряющихъ тѣ обстоятельства, которыя могутъ вліять на ходъ процесса:

$$A = f\ (x,\ y,\ z).$$

Тогда «изслѣдованіе» заключается въ томъ, чтобы удалить изъ уравненія тѣ величины, которыя не существенны для даннаго процесса, и открыть видъ уравненія искомой функціи. Такое уравненіе мы называемъ тогда закономъ природы.

Такъ, напр., радіоактивность урановой руды зависитъ отъ присутствія значительнаго количества элементовъ, входящихъ въ составъ этой руды. Желая изслѣдовать это явленіе, супруги Кюри должны были удалить изъ руды всѣ тѣ элементы, присутствіе которыхъ несущественно, и выдѣлить тѣ изъ элементовъ, которые сами по себѣ испускаютъ лучи, какъ радій, полоній, уранъ. Радіоактивность каждаго изъ этихъ элементовъ въ отдѣльности могла еще зависѣть отъ температуры, отъ давленія и т. п. обстоятельствъ. Оказалось, однако, что всѣ эти обстоятельства несущественны; существенное же вліяніе на величину радіоактивности оказываетъ лишь одно: время, считая съ момента полученія вещества. Въ этомъ случаѣ, значитъ:

$$A = f\ (t),$$

гдѣ t—время. Количественное изученіе зависимости A отъ t привело къ заключенію, что

$$A = e^{-\lambda t}.$$

Это законъ природы.

Третья фаза научнаго творчества усматривается мною въ фактѣ изложенія доступныхъ изслѣдованіямъ результатовъ. Хотя эта фаза является послѣдней по времени, но она составляетъ существенную часть научнаго творчества. Непризнаваніе этой истины долгое время тормозило ходъ развитія науки и техники. Въ древности египетскіе ученые

нарочно старались сохранять въ тайнѣ добытые ими научные результаты, и значительная часть ихъ науки погибла вмѣстѣ съ ними. Въ средніе вѣка алхимики, хотя и считали полезнымъ сообщать о своихъ открытіяхъ, но дѣлали эти сообщенія въ столь таинственной и непонятной формѣ, что они не могли приносить существенной пользы другимъ. Правильное сообщеніе результатовъ произведенныхъ учеными изслѣдованій начинается съ момента основанія научныхъ академій, которыя начали издавать первые періодическіе научные органы: извѣстія, мемуары и записки ученыхъ. Эти академіи были первыми научными организаціями, дававшими своимъ членамъ опору въ борьбѣ съ духовными и свѣтскими властями, стремившимися тогда къ подчиненію науки своимъ цѣлямъ. Только благодаря взаимному знакомству съ своими трудами, ученые могли успѣшно вести свои работы, и съ той поры начинается быстрое развитіе точныхъ наукъ, громадные успѣхи которыхъ плѣняютъ насъ сегодня.

Но и тогда потребность въ сообщеніи результатовъ своихъ изслѣдованій ощущалась далеко не всѣми. Въ лабораторныхъ журналахъ М. В. Ломоносова, которые лишь въ послѣднее время пріобщены были къ наукѣ Б. Н. Меншуткинымъ, мы находимъ много первоклассныхъ открытій, оставшихся неизвѣстными. Въ изслѣдованныхъ лишь въ 1878 г. посмертныхъ рукописяхъ Карно найдено было открытіе принципа сохраненія энергіи, совершенное впослѣдствіи Джоулемъ и Майеромъ. Разочарованія, испытанныя М. Фарадеемъ, запоздавшаго съ опубликованіемъ своихъ изслѣдованій, побудили его къ извѣстному изреченію: working, finish, publish. Это классическое изреченіе стало теперь руководящимъ принципомъ научной работы.

Въ изложеніи научной работы мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же художественнымъ элементомъ, о которомъ здѣсь уже неоднократно упоминалось.

Что касается практическихъ способовъ опубликованія результатовъ изслѣдованій, то нужно сказать, что въ на-

стоящее время авторы рѣдко встрѣчаютъ препятствія въ сообщеніи достигнутыхъ ими результатовъ. Большое изобиліе періодическихъ изданій, значительный спросъ на научныя книги даютъ автору возможность въ скоромъ времени напечатать свою работу и сохранить за собою пріоритетъ или получить патентъ на сдѣланное имъ практическое изобрѣтеніе. Съ другой стороны, однако, большое число появляющихся работъ налагаетъ на автора обязанность краткости изложенія.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что въ настоящее время для выполненія извѣстной научной или технической задачи, кромѣ природныхъ дарованій, требуется особая подготовка, а также нѣкоторыя приспособленія. У насъ въ Россіи нѣтъ недостатка въ даровитыхъ людяхъ, и потому вопросъ о подготовкѣ изслѣдователей и инженеровъ, способныхъ къ самостоятельному творческому труду, имѣетъ для насъ особенное значеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что программы нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, равнымъ образомъ техническихъ, какъ и университетовъ, слишкомъ перегружены знаніями. Въ сущности же для молодого поколѣнія нашихъ техниковъ и ученыхъ менѣе важно знать то, что уже сдѣлано, какъ умѣть въ данномъ случаѣ примѣнить свои знанія. Въ виду тѣхъ требованій, которыя мы привыкли ставить воспитанникамъ нашихъ высшихъ школъ, я часто вспоминаю остроумную фразу Муассана,—заставъ одного изъ своихъ учениковъ въ библіотекѣ окруженнаго массой книгъ, онъ сказалъ ему: «молодой человѣкъ, не читайте слишкомъ много, а то вы, пожалуй, придете къ убѣжденію, что все въ наукѣ уже сдѣлано».

Гельмгольцъ сознался однажды въ томъ, что онъ никогда не изучалъ систематически математики, а усваивалъ лишь тѣ отдѣлы ея, въ которыхъ онъ нуждался для своихъ теоретическихъ изслѣдованій. Если такая система примѣнима въ математикѣ, то тѣмъ больше она примѣнима къ наукамъ болѣе спеціальнаго характера. Вообще, знанія,

съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя нами на школьной скамьѣ, въ скоромъ времени частью забываются, отчасти же старѣютъ. Поэтому важнѣе умѣть найти, въ случаѣ надобности, нужныя намъ свѣдѣнія въ сборникахъ и въ періодической литературѣ, нежели полагаться на собственную память.

Главная задача высшей школы состоитъ въ томъ, чтобы подготовить ея воспитанниковъ къ умѣнію самостоятельно рѣшать вопросы научнаго или техническаго характера. Эта задача будетъ выполнена, если въ программахъ будетъ побольше времени отведено для выполненія самостоятельной работы (диссертаціи). При этомъ студентъ—подъ руководствомъ учителя—привыкаетъ къ оріентировкѣ въ богатой литературѣ своей спеціальности, онъ вырабатываетъ изобрѣтательность въ примѣненіи методовъ и составленіи приборовъ, привыкаетъ къ критикѣ собственныхъ взглядовъ и заключеній,—наконецъ, пріобрѣтаетъ ту увѣренность въ успѣхѣ, которая является цѣннымъ залогомъ всякаго труда. Такіе именно люди нужны теперь техникѣ и наукѣ.

Подтвержденіе этому положенію мы находимъ въ исторіи развитія химической промышленности Германіи и въ особенности производства красокъ. Болѣе полувѣка тому назадъ англійскій химикъ Перкинъ и професоръ варшавской «Главной Школы» Натансонъ доказали, что изъ анилина, получаемаго въ видѣ побочнаго продукта при производствѣ свѣтильнаго газа, можно получить вещества, красящія матерію. Германскіе химическіе заводы сумѣли воспользоваться этимъ открытіемъ. Искусственное полученіе красокъ вызвало громадный переворотъ въ этой отрасли промышленности. Раньше эти краски получались изъ краппа и изъ индиго; растенія, изъ которыхъ готовились краски, занимали огромныя пространства во Франціи, въ Голландіи и на югѣ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Германія взяла въ руки искусственное производство красокъ, эта отрасль хозяйства не могла больше устоять противъ конкуренціи химическихъ заводовъ: она погибла, несмотря

на всѣ преміи, пошлины и на т. п. средства протекціонизма. И вотъ въ этой отрасли промышленности мы можемъ наблюдать, какую пользу принесло Германіи поколѣніе химиковъ, воспитанныхъ въ германскихъ университетахъ въ чисто *научномъ* направленіи. Достаточно лишь указать на тотъ фактъ, что большіе химическіе заводы Германіи содержатъ сотни «докторовъ» и выполняютъ ихъ руками научныя работы, которыя впослѣдствіи оказываются въ высшей степени полезными для практики.

Развитіе высшей школы и усовершенствованіе ея программъ является безспорно важнымъ средствомъ для достиженія намѣченныхъ здѣсь цѣлей. Но не единственнымъ. Въ сложной организаціи производительныхъ силъ нашей страны участвуетъ масса людей. Отъ нихъ требуется въ настоящее время не только выполненіе автоматическихъ функцій, но, въ значительной мѣрѣ, также умѣніе приспособляться къ постояннымъ измѣненіямъ, совершающимся во всѣхъ отрасляхъ производствъ. Почти каждое дѣло требуетъ въ настоящее время, чтобы работающіе въ немъ люди умѣли пользоваться новыми усовершенствованіями, а каждое новое усовершенствованіе требуетъ все большаго пониманія и все большаго напряженія ума.

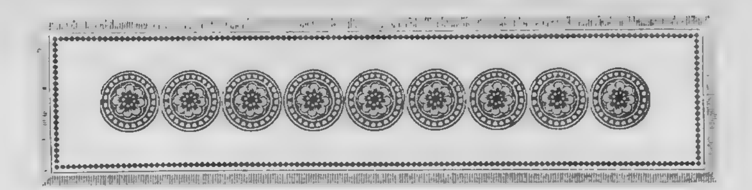
Если, дѣйствительно, участь страны зависитъ въ значительной степени отъ умственнаго развитія ея жителей, то общество и государство несутъ обязанность заботиться объ удовлетвореніи этой потребности. И для этого мало заботиться объ увеличеніи числа школъ общихъ и спеціальныхъ. Кромѣ нихъ должны также существовать учрежденія, въ которыхъ каждый спеціалистъ, интересующійся прогрессомъ своего дѣла,—будь онъ сельскій хозяинъ, мастеръ или рабочій—могъ бы *нагляднымъ образомъ* познакомиться съ развитіемъ научныхъ и техническихъ основъ различныхъ отраслей промышленности. Эта потребность расширенія и углубленія положительныхъ знаній глубоко проникла въ широкіе слои населенія. Она должна быть удовлетворена основаніемъ *научно-техническихъ музеевъ* въ главныхъ промышленныхъ центрахъ.

Когда въ 1851 г. была закрыта всемірная выставка въ Лондонѣ, англичане убѣдились въ томъ, что они далеко отстали отъ другихъ народовъ въ развитіи промышленности. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія основанъ былъ тогда знаменитый музей въ Соутъ-Кенсингтонѣ (предмѣстіи Лондона). Музей этотъ занимаетъ сегодня первое мѣсто среди техническихъ музеевъ Европы. И, дѣйствительно, уже во время слѣдующей выставки оказалось, что Англія во многихъ отрасляхъ промышленности одержала верхъ надъ своими соперницами.

Въ Россіи тоже существуетъ образецъ такого учрежденія это Политехническій музей въ Москвѣ,—основанный послѣ политехнической выставки въ 1872 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что распространеніе техническихъ музеевъ должно оказать благодѣтельное вліяніе на ростъ и развитіе промышленности, увеличивая въ обществѣ интересъ къ новѣйшимъ успѣхамъ науки и техники.

М. Г. Центнершверъ.

Трагедія германизма.

1.

Какія открытія ни были бы сдѣланы впослѣдствіи послѣ ликвидаціи нынѣшней войны, когда успокоятся умы' и будетъ приступлено къ всестороннему обслѣдованію дипломатическихъ и общеполитическихъ причинъ, вызвавшихъ ее,—все же война эта останется по источникамъ своимъ войной нѣмецкой. Чисто-психологическій починъ въ этой міровой тяжбѣ принадлежитъ Германіи, культурные эффекты гигантской борьбы исходятъ изъ нея, и шумъ и грохотъ, которыми наполненъ сейчасъ весь міръ, носятъ на себѣ явно печать: Made in Germany. Люди, привыкшіе судить о германской культурѣ по ея духовнымъ и бытовымъ явленіямъ, стоятъ нынѣ передъ неразрѣшимой загадкой. Откуда это устремленіе нѣмцевъ вовнѣ, что питаетъ германскій натискъ, всю экстенсивность германской энергіи? Постороннему трудно разбираться въ настроеніяхъ и желаніяхъ современнаго поколѣнія. Въ дѣйствительности же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ глубокимъ переломомъ во всемъ волевомъ организмѣ, приведшимъ и къ измѣненіямъ духовнаго склада.

На первый взглядъ, этотъ преображенный германскій духъ не отличается по существу отъ современнаго общеевропейскаго духа, въ немъ какъ-будто нѣтъ того, что логики называютъ differentia specifica явленія. Методичность и предусмотрительность при выполненіи своей дѣятельности и безудержный размахъ въ постановкѣ цѣлей этой дѣятельности—все черты современнаго научнаго интел-

лекта—характеризуютъ въ той или иной степени господствующую нынѣ общеміровую цивилизацію. Самое важное дѣло послѣдней—положительная оцѣнка и производство матеріальныхъ благъ—даже не является самобытнымъ продуктомъ нѣмецкаго духа. Англія первая, въ лицѣ своего реформированнаго христіанства, шотландскихъ моралистовъ и политико-экономовъ, радикально измѣнила европейское сознаніе, обративъ его взоръ на хозяйственную дѣятельность и экономическія блага, какъ на центръ жизни. Религія призвана была освѣтить новый хозяйственный бытъ, мораль—найти оправданіе его устремленіямъ, а государственная власть должна была охранять и расширять сферу его вліянія. Преуспѣянія въ экономической и всякой другой дѣятельности реалистическаго направленія являлись въ глазахъ британца доказательствомъ богоизбранности, эгоистическія и альтруистическія стремленія и ихъ внутренняя согласованность были возведены въ высшіе императивы жизни. Зломъ, безнравственными эти силы человѣческія становились лишь тогда, когда онѣ шли въ разрѣзъ съ симпатическими и идіопатическими наклонностями, нанося, такимъ образомъ, вредъ самому человѣку. Вполнѣ здравая мораль, приспособленная къ новому трудовому укладу жизни. Начиная съ семнадцатаго вѣка, моральное мышленіе британцевъ попеременно то подчиняется дифференцирующему и создающему дисгармонію принципу «естественнаго подбора», то поглощается требованіемъ приспособленія, стремленіемъ къ соціальной гармоніи. Внѣшнее устроеніе жизни, вообще внѣшнее въ человѣкѣ совершенно отодвинуло на задній планъ внутренняго человѣка, весь его самодовлѣющій духовный міръ. Англійское сознаніе, а съ нимъ и все цивилизованное человѣчество, стало въ какое-то «естественное» отношеніе ко всѣмъ вещамъ, оно почувствовало себя вполнѣ на твердой почвѣ. Французскіе энциклопедисты—правда, съ помощью собственныхъ духовныхъ средствъ—и англійскіе біологи съ Дарвиномъ во главѣ достроили естественный міропорядокъ.

Ни воля, ни умъ нѣмецкій—почти до самаго послѣдняго времени—не были причастны къ этому дѣлу европейской цивилизаціи. Германскій духъ былъ занятъ внутреннимъ человѣкомъ, его творческими способностями, подчиненіемъ міра вещей, міра естественной необходимости организаторскимъ притязаніемъ человѣческаго ума и человѣческой воли. Что я могу?—первый вопросъ, который носится передъ германскимъ сознаніемъ. Что есть?—занимаетъ его уже во вторую очередь. Надо вдуматься въ это основное отношеніе нѣмца къ міру, ибо только въ силу него становится понятнымъ какъ натискъ германскаго духа, такъ и свойственная ему слѣпота.

2.

Уже великій кризисъ нѣмецкаго народа, его реформаціонная эпоха обнаруживаетъ основную черту германской культуры. Важно, что беретъ она отъ христіанства и что она въ немъ отвергаетъ. Жизненное дѣло Іисуса, подвигъ Христа—самое важное явленіе по мысли протестантизма. Явленіе Христа это—самое полное обнаруженіе человѣческой свободы на землѣ, а христіанинъ—это искупленный; онъ свободенъ отъ силы естественной необходимости и, какъ таковой, обладатель правъ на активное, творческое существованіе. Свобода совѣсти и мысли, безусловное знаніе и автономное бытіе каждаго человѣка суть логическія послѣдствія этой концепціи активнаго христіанства. Ничего фатальнаго, извнѣ навязаннаго. Вѣра человѣка въ свое право и мощь—свобода его, и во внутренней свободѣ обнаруживается вѣра его. Въ этомъ смыслѣ имена Лютера и Кальвина суть прямо символическое выраженіе для обоихъ основныхъ устремленій европейской культуры. Изъ, видимо, одинаковыхъ теологическихъ предпосылокъ они дѣлаютъ діаметрально противоположные выводы. Отъ идеи Бога Кальвинъ, а съ нимъ и все англосаксонское христіанство, заимствуетъ представленіе о стро-

гой и желѣзной необходимости всего совершающагося, для Лютера же Богъ лишь причина и условіе нашей человѣческой свободы. Необходимость по самому существу своему апеллируетъ къ нашему разуму, она болѣе внѣшне, почти что вещественно опредѣляетъ и даже предопредѣляетъ все наше бытіе; свобода же въ истинномъ, не въ метафорическомъ значеніи возможна лишь какъ внутренній, творческій актъ всего нашего бытія. Въ конечномъ своемъ предѣлѣ свобода равносильна откровенію, она претворяетъ тамъ, гдѣ необходимость только разграничиваетъ и чисто-интеллектуально перестраиваетъ. Свобода, однимъ словомъ, мыслится здѣсь, какъ активная вѣра, какъ усиліе воли, вводящее насъ въ сферу сверхъ-эмпирическую, ирраціональную.

3.

Чтобы понять внутреннюю цѣль германскаго духа, слѣдуетъ разъ навсегда обратить вниманіе на религіозные истоки его: непреклонная воля къ независимому бытію. Древній furor teutonicus нашелъ новое выраженіе въ дѣйственной вѣрѣ. Христіанская вѣра, или свобода хочетъ, по мысли Лютера, освободить сердца отъ «всѣхъ грѣховъ, законовъ и заповѣдей». Это не значитъ, что міръ человѣческій, что жизнь въ естественной и соціальной средѣ можетъ обойтись безъ грѣховъ, безъ законовъ и безъ заповѣдей. Конкретный, эмпирическій человѣкъ самъ плоть отъ плоти и кость отъ кости этой закованной въ цѣпяхъ необходимости среды. Онъ дѣлаетъ, что хочетъ, и ему, какъ таковому, не удается побороть этотъ дьявольскій міръ съ его искушеніями и вожделѣніями. Это и не его дѣло. Лучше перенести самый центръ жизни на другую плоскость; вопреки внѣшней необходимости слѣдуетъ обратиться къ свободѣ, къ способности, къ экстазу и паѳосу воли. Какъ существо естественное, протестантъ, «человѣкъ-христіанинъ—рабъ всѣхъ вещей и подданный каждаго; но въ

качествѣ носителя вѣры, идеи, человѣкъ-христіанинъ—свободный владыка надъ всѣми вещами и ничей подданный». Напрасенъ трудъ создать при помощи моральныхъ императивовъ «царство Божіе» на землѣ. Заповѣди Ветхаго Завѣта, императивы всякой этики имѣютъ лишь цѣлью показать человѣку все несовершенство само собой совершающейся жизни, весь ея грѣховный, прямо преступный характеръ. Въ лучшемъ случаѣ право, мораль, общественныя учрежденія нѣсколько умѣряютъ вражду, дѣлаютъ отношенія и страсти однородными, «одноформенными». Тогда человѣческой активности и вѣрѣ, какъ ея самому глубокому проявленію, легче обнаружить свою волю, легче быть самой собою и всецѣло отдаться своей безудержной стихіи.

По какому-то непонятному недоразумѣнію, глубоко укоренилось мнѣніе, что нѣмецкое протестантство видитъ цѣль и смыслъ своего ученія въ оплодотвореніи жизни раціоналистической моралью. Шопенгауэръ, напримѣръ, упрекаетъ протестантизмъ въ томъ, что послѣдній яко бы видитъ цѣль жизни «исключительно и непосредственно въ моральныхъ добродѣтеляхъ, стало-быть, въ стремленіи къ справедливости и въ любви къ человѣку». Въ дѣйствительности же, человѣкъ, охваченный духомъ протестантизма, чувствуетъ себя «по ту сторонѣ добра и зла», его сокровенныя желанія направлены на обнаруженіе героическаго волевого центра, въ актѣ вѣры онъ стремится къ самосознанію дѣйственнаго, духовнаго «я». Напряженіе и экстазъ индивидуальной воли, освобожденіе этой воли отъ тяжести законовъ естественныхъ и соціальныхъ, наконецъ, самодѣятельность ея, какъ признакъ ея существованія,—вотъ въ какую сторону устремлена мысль протестантства. Она ищетъ сверхъ-эмпирическій центръ жизни и находитъ его въ дѣйственномъ, почти что метафизическомъ проявленіи человѣческаго «я». Не смиреніе, а подъемъ знаменуетъ собою фактъ протестантства. Реформаціонное движеніе нѣмецкаго народа повторило путь, знакомый приверженцамъ античнаго культа Діониса. И оно стреми-

лось къ обнаруженію и огражденію нетлѣннаго, душевнодѣйственнаго элемента въ человѣкѣ. Динамическая, по существу своему метафизическая, «музыкальная» дѣйствительность должна была служить религіознымъ средствомъ къ завѣтному концу. Впослѣдствіи вѣра Реформаціи объективируется въ музыкѣ, музыка становится неотъемлемой стороной протестантизма. При такомъ взглядѣ на вещи дѣло даже такого крайняго противника христіанства, какимъ является Фр. Ницше, въ особенности дѣло Ницше, какъ автора трактата «Рожденіе трагедіи изъ духа музыки», есть попросту реставрація первоначальнаго протестантства.

4.

За предѣлами внутренней активности кончается власть героической вѣры и творческой свободы, и начинается царство всего внѣшняго, рокового. Суровая дѣйствительность окружаетъ человѣка, злоба ближняго преслѣдуетъ его на каждомъ шагу. Сентиментальность въ отношеніяхъ приноситъ лишь разочарованіе. Думать, что самый ходъ вещей, что природа и совмѣстная жизнь въ обществѣ или въ государствѣ могутъ принести утѣшеніе и покой, такъ смотрѣть на міръ—значитъ довѣряться опасной иллюзіи, равносильной рабству и идолопоклонству. На вопросъ: что есть? германская мысль даетъ пессимистическій отвѣтъ. Человѣкъ здѣсь снова спрашиваетъ себя: *что я могу сдѣлать*, на что способна проникнутая вѣрой въ себя моя воля и что я, стало-быть, *долженъ*, *обязанъ сдѣлать*? Не только окружающая среда, но и самъ человѣкъ глубоко раздвоенъ. Это—когда міръ управляется извнѣ и предоставленъ самому себѣ. Но человѣкъ становится царемъ мірозданія, коль скоро онъ отдается самодѣятельности духа, воли.

Изъ такой пессимистической оцѣнки непосредственно данной жизни англо-саксонское, кальвинистическое направленіе въ протестантизмѣ сдѣлало выводъ, что слѣдуетъ

довѣриться суровой школѣ жизни: строгое и добросовѣстное выполненіе профессіональныхъ и общественныхъ обязанностей закаляетъ характеръ, ведетъ ко внутренней концентраціи, и даетъ силу вынести жизнь. А иногда доставляетъ почетъ и власть и приноситъ удачу. Во всемъ остальномъ—упованіе на Бога или же на неразгаданные законы бытія. Взоръ былъ обращенъ внизъ, гдѣ происходитъ борьба за существованіе и благополучіе, и гдѣ изъ тысячи сцѣпленій складывается жизнь. Самобытный нѣмецкій духъ не могъ пойти по этому пути. Оставаясь вѣренъ своей основной позиціи, онъ думалъ и продолжаетъ думать и нынѣ, что лишь активность ума и воли, лишь чисто-человѣческія, героическія усилія способны укрѣпить его и дать свободу, что лишь этотъ знакомый ему творческій духъ истинно существуетъ и обладаетъ реальностью. Свобода—имманентное выраженіе человѣческой мощи, его конкретной духовной силы. Въ этой вѣрѣ въ свои способности и право на самодѣятельность духа беретъ начало и прославившійся на весь культурный міръ нѣмецкій идеализмъ. Изъ германскаго активнаго христіанства родился германскій активный идеализмъ.

5.

Еще раньше, чѣмъ нѣмецкій идеализмъ нашелъ свое выраженіе въ системахъ философовъ, теологовъ и въ фантастическихъ построеніяхъ романтиковъ, онъ жилъ въ каждомъ рядовомъ нѣмцѣ, во всѣхъ его дѣлахъ и твореніяхъ. И тутъ сказывается та-же исконная черта нѣмецкаго характера: видѣть вещи и людей сквозь призму собственнаго умѣнія, сквозь призму ума и воли человѣческой. Все конкретное становится для нѣмца только таковымъ, лишь благодаря техническому, научному или художественному разуму, съ которымъ онъ подходитъ къ нему. Это не банальность, когда нѣмецъ не можетъ пройти мимо лѣса, не можетъ видѣть восхода и заката солнца, чтобы тутъ же

не выразить своего восхищенія и удивленія: ахъ, какъ красиво, какъ все восхитительно! Въ меньшей степени такая кажущаяся на иной взглядъ сентиментальность говоритъ о самодовольствѣ и ограниченности. Тутъ сказывается та же волевая активность, обнаруживающаяся уже въ народномъ трудѣ во времена цехового и ремесленнаго уклада. Въ продуктѣ своего ручного труда нѣмецъ долженъ былъ видѣть твореніе (Werk), прообразъ своей человѣческой личности, а самый трудъ онъ и понынѣ обозначаетъ словомъ «творить» (schaffen). Нѣмецъ недоумѣваетъ, когда вы что-либо дѣлаете. У него всегда на устахъ вопросъ: гдѣ вы этому научились? Ему хорошо знакома интуиція идей, интеллектуальныхъ и волевыхъ процессовъ, но ему глубоко чужда интуиція вещей, всей окружающей жизни. Міръ въ глазахъ его есть міръ мертвый, въ лучшемъ случаѣ вредный и опасный, коль скоро его не коснулась рука человѣческая.

Даже природа лишена жизни
Я ищу по небу, грусти полный,
Но тебя, Селена, нѣтъ какъ нѣтъ;
Оглашаю рощи, кличу въ волны—
Безотвѣтенъ мой привѣтъ.

. . . .

Безъ любви къ виновнику творенья,
Какъ часы—не оживленъ и сиръ,
Рабски лишь закону тяготѣнья.
Обезбоженъ служитъ міръ...

(Изъ «Боги Греціи» Шиллера въ переводѣ Фета).

Лишь художественное воображеніе способно оживотворить его. Поэзія, по мысли Гете, обновляетъ и самого человѣка. Ея задача усилить чувства молодости, будить мужество и вызывать радость къ жизни.

Что иногда изъ самихъ вещей, изъ факта ихъ непонятнаго сцѣпленія и сотрудничества исходятъ благодать и сила—такія мысли чужды нѣмецкому сознанію, въ основѣ, чужда и религіозность, которая рождается изъ солидарности вѣрующихъ, изъ соборнаго, церковнаго начала. Воспріятіе церкви православной вѣрой, какъ церкви милости и бла-

гости, или же римскимъ католичествомъ, какъ церкви, претендующей на земное господство, смѣняется въ нѣмецкомъ сознаніи церковью людей съ одинаковымъ умонастроеніемъ (Gesinnungskirche). На каждой вещи, на кождомъ явленіи онъ ищетъ печать человѣческаго творца. Все созданное человѣкомъ, даже слова его пріобрѣтаютъ поэтому глубокій смыслъ и значеніе. Поистинѣ, для германскаго сознанія, по выраженію Байрона, «True words are things», «Слова суть вещи». Слово—первая ступень активнаго отношенія, а внѣ его ничего и нѣтъ. Даже мы, люди ничего не предоставляемъ сами по себѣ. «Мы ничто, что мы ищемъ, это все» (Höllderlin). Счастье человѣка въ томъ, «чтобы себя-же реформировать» (Grabbe), или, по общеизвѣстному слову Гёте, высшее счастье смертныхъ, это только ихъ личность, (понимаемая, какъ обособленный центръ дѣйственности). Вотъ она основная черта всего германизма, до сѣвернаго, скандинавскаго и англо-саксонскаго включительно: искать цѣнность жизни въ себѣ, въ своихъ собственныхъ усиліяхъ, относясь довольно равнодушно къ цѣнностямъ, которыя придаютъ людямъ и вещамъ внѣшняя, окружающая среда. Всецѣло въ согласіи съ религіознымъ строемъ протестантской мысли. Не храмъ, не обрядность опредѣляютъ религіозное сознаніе, а лишь вѣра создаетъ религіозное общеніе.

...Еще она (вѣра) не перешла порогу,
А домъ ея ужъ пустъ и голъ стоитъ.
. . . .
...Но часъ насталъ, пробилъ... Молитесь Богу:
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

(Изъ стиховъ Ѳ. И. Тютчева: я лютеранъ люблю богослуженье).

Въ связи съ такимъ отношеніемъ къ жизни не удивительно, что высшій общепризнанный человѣческій типъ, который создала нѣмецкая культура, символизируется въ словѣ: мастеръ (Meister), обозначающемъ одновременно и строителя, и творца, и учителя. Итальянско-французскому грансеньеру, англійскому джентльмену нѣмецкое сознаніе противоставляетъ: мастеръ, майстеръ! Даже универсальная

душа Гёте видитъ процессъ культивированія людей подъ аспектомъ этого родного образа:

> Wer soll Lehrling sein? Jedermann.
> Wer soll Geselle sein? Der was kann.
> Wer soll Meister sein? Der was ersann.

Вотъ что послужило поводомъ для многихъ не совсѣмъ вдумчивыхъ умовъ окрасить нѣмецкую культуру въ одинъ мѣщанскій цвѣтъ. Они не замѣтили, что за «мѣщаниномъ» скрывается «мастеръ». И нынѣ чисто-духовное творчество въ Германіи—и это вопреки всеобщей индустріализаціи труда—въ меньшей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Зап. Европѣ или въ Америкѣ, воплотилось въ образѣ простого «дѣла», исключительно «полезной» дѣятельности. Это бросаетъ и свѣтъ на то, почему здѣсь не склонны смотрѣть на художественное или научное творчество, исключительно какъ на источникъ дохода. Многочисленные ученые Германіи почти всегда гдѣ-нибудь служатъ, всегда несутъ общественную или государственную службу. Жизнь и творчество ихъ глубоко проникнуты провинціализмомъ, духомъ индивидуально-цехового уклада.

Для правильной оцѣнки цехового человѣка, мѣщанина-мастера, надо посмотрѣть на него такъ, какъ самъ нѣмецъ смотритъ на него. Ему же постоянно бросается въ глаза моментъ активнаго строительства, и, вѣрный основной тенденціи своего характера, онъ всюду видитъ усилія, необходимыя для выполненія дѣла. Нѣмецкій духъ, даже въ самыхъ своихъ незначительныхъ, повседневныхъ проявленіяхъ, героиченъ въ своемъ раскрытіи и конструктивенъ въ своихъ цѣляхъ. Къ самому незначительному и малому въ жизни онъ подходитъ съ этимъ большимъ масштабомъ, что часто и несетъ въ себѣ зародышъ глубокаго комизма. Средства овладѣнія предметомъ по размѣрамъ своимъ обратно пропорціональны важности самого предмета. Въ этомъ традиціонномъ отношеніи кроется источникъ какъ нѣмецкой основательности, такъ и нѣмецкаго педантизма. Собственная активность, ея методы, пріемы и задачи не-

обходимо переростаютъ объемъ и значительность объекта. Культура какъ бы строится здѣсь наподобіе Шекспировской драмы, гдѣ все вниманіе обращено лишь на предпосылки жизненныхъ сцѣпленій и конфликтовъ.

Нѣмецкая склонность къ конструктивности, къ мастерству и стремленіе германскаго духа къ самодѣятельности, къ героическимъ усиліямъ, предполагающимъ нравственное самообладаніе и самоограниченіе—оба эти явленія суть два полюса одного и того же процесса. Разсудительно-мудрый Гёте и героически-патетическій Шиллеръ—оба поэта одинаково родственны нѣмецкому сознанію. Мастеръ и воинъ—вотъ символы, надъ сліяніемъ коихъ бьется нѣмецкая мысль. Гёте, пожалуй, ближе народу, ибо болѣе типиченъ, конкретенъ. Гёте уже дѣлаетъ шагъ къ самому предмету, правда, сохраняя при этомъ вѣрность основной традиціи. Предметъ долженъ представлять собой образъ и подобіе творца-мастера. То, что довлѣетъ себѣ и собственными средствами пріобрѣтаетъ самостоятельную цѣнность—только такого рода автономному бытію склоненъ онъ придавать значеніе. «Кто крѣпко стоитъ на своемъ, тотъ создаетъ себѣ міръ». Подобное стремленіе замѣчаемъ мы и въ жизневоззрѣніи Канта; только здѣсь сила нравственной воли дѣлитъ жизнь на обособленные, автономные центры—носители свободы. Но безъ напряженія, внѣ отказа отъ субъективныхъ, импрессіонистическихъ желаній ничто человѣческое не можетъ быть сотворено. Этому научила Гёте и его только, повидимому, гармоничная, полная творческаго опыта жизнь. Знаменательно, что высоко педагогическое твореніе поэта: «Wilhelm Meisters Wanderjahre» носитъ еще названіе: Die Entsagenden, Отрекающіеся. Необходима доблесть отреченія и преодолѣнія, необходимъ добровольный отказъ отъ внѣшняго блеска жизни, дабы весь блескъ могъ воплотиться въ самомъ твореніи. Преклоненіемъ традиціоннаго нѣмецкаго духа передъ объективизмомъ есть, такимъ образомъ, подчиненіе внутреннимъ требованіямъ жизни самого творенія. Любовь къ устойчивому бытію, къ устойчивости, какъ таковой, лишь обратная сторона

того же стремленія къ объективному творчеству. И устойчивость, и объективизмъ указываютъ на консервативный характеръ нѣмецкаго существа. Чисто-индивидуальное, динамическое творчество находитъ въ концѣ своего пути адекватное выраженіе въ сверхъ-индивидуальномъ, статическомъ бытіи. Результатъ до извѣстной степени является здѣсь компенсаціей жизненнаго напора. Революціонное творчество умѣряется критической распланировкой и заканчивается консервативной формой. И эта выдающаяся, характерная черта конкректнаго нѣмца, его тяготѣніе къ автономному бытію, къ устойчивому бытію, находитъ выраженіе въ религіозномъ піэтизмѣ, языкѣ, литературѣ и политическихъ судьбахъ нѣмецкаго народа. Самыми значительными памятниками нѣмецкой прозы и нынѣ еще являются романы—«Между небомъ и землей» (Zwischen Himmel und Erde) Отто Людвига и «Зеленый Генрихъ» (Der grüne Heinrich) Готфрида Келлера. Все здѣсь осязательно, полно мѣры и тишины. Литература, какъ и художественное и научное творчество нѣмцевъ обязано своимъ существованіемъ почти исключительно людямъ бюргерскаго, мѣщанскаго сословія, что не могло не отразиться и на содержаніи и на формѣ.

Нѣтъ необходимости, однако, прибѣгать къ соціологическимъ построеніямъ и формамъ. Имманентное развертываніе самодовлѣющаго духа одинаково освѣщаетъ и высоты, и низины нѣмецкаго творчества. Фаустъ, какъ высшее выраженіе нѣмецкой драмы, есть трагедія активизма, интеллекта, трагедія его безсилія и крушенія. Гамлета нѣмцы создать не могли. Фаустъ—трагедія прямолинейности научнаго духа, Гамлетъ же трагедія дальнозоркости духа моральнаго. Имъ знакомы высоты, но совершенно невѣдомы глубины души. Прямолинейность не оставляетъ мѣста для душевной эластичности. Выходя за предѣлы возвышеннаго, они легко поэтому попадаютъ во власть банальнаго и пошлаго. Активный, героическій идеализмъ всегда служилъ препятствіемъ какъ къ созданію національной комедіи, такъ и къ творчеству психологи-

ческаго романа. Король, который не спитъ въ коронѣ, на традиціонный взглядъ нѣмца, больше не король. Имъ непонятно, какъ это въ одномъ и томъ же явленіи сочетается сила со слабостью, страсть съ уравновѣшенностью. Уравновѣшенность въ страсти или же страсть въ уравновѣшенности—это они изнутри постигаютъ. Только не проблематичность, граничащая въ ихъ глазахъ съ преступностью. Врядъ ли слѣдуетъ напомнить, что они превосходные метафизики,—даже въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это понятіе толкуютъ французы,—но очень плохіе психологи. А съ недостаткомъ психологическаго проникновенія въ чужую жизнь связанъ и характеръ нѣмецкой дипломатіи. Дипломатическая геніальность Бисмарка не измѣняетъ общаго положенія. Ибо и она опредѣлялась всецѣло сознаніемъ и знаніемъ собственной силы и собственныхъ возможностей.

6.

Какъ бы ни относиться къ обнаруженіямъ традиціоннаго нѣмецкаго духа, должно признать: всѣ они построены по одному плану, въ нихъ всѣхъ есть стиль, проникающій даже въ политическую сферу жизни. Производство и организація государственной власти и чувство власти, какъ абсолютный мотивъ политическихъ стремленій, долго не находили мѣста въ общей германской концепціи. Любовь и стремленіе къ власти кончается катастрофой, «Валленштейнъ» Шиллера—трагедія чистой власти. («Seine Macht ist's, die sein Herz verführt»)... Можно найти тысячу причинъ, почему власть, какъ элементарная страсть, «власть власти ради» не укладывалась въ общемъ волевомъ организмѣ. Будучи по существу своему функціей великодержавія, великодержавныхъ, имперіалистическихъ помысловъ, чистая политическая власть не уживалась съ нейтральнымъ положеніемъ мелкихъ германскихъ государствъ. И здѣсь центростремительная сила, которую мы наблюдаемъ и нынѣ

въ культурныхъ нейтральныхъ державахъ, преобладала надъ центробѣжными устремленіями великодержавія. Необходимымъ образомъ установилась и иная, по формѣ своей почти что демократическая, перспектива политическаго стремленія. Задачу политики видѣли не въ творчествѣ власти и въ наслажденіяхъ доставляемыхъ ею, а въ простомъ упорядоченіи общественныхъ силъ и отношеній. Сравнительно политическая неодаренность, политическая пассивность нѣмецкаго народа беретъ начало въ этомъ «нейтральномъ» положеніи. Интенсивный, индивидуальный характеръ каждаго нѣмца въ отдѣльности на счетъ экстенсивной стороны усугубилъ отрицательную оцѣнку чистой власти. Бисмаркъ имѣлъ поэтому полное основаніе сказать, что ключъ къ нѣмецкимъ политическимъ выступленіямъ въ международныхъ отношеніяхъ надо искать въ династическихъ стремленіяхъ коронованныхъ особъ. Въ качествѣ династической, чисто-семейной, это экстенсивная политика не проникала глубоко въ душу нѣмецкаго народа и не заражала его своимъ воинствующимъ націонализмомъ. И когда послѣ отраженія Наполеоновскаго нашествія нѣмецкая мысль подводила итоги освободительной войны, она еще разъ подчеркнула свою приверженность къ центростремительному, автономному идеалу, государственно-національной жизни.

Трактатъ Фихте о самодовлѣющемъ торговомъ государствѣ (der geschlossene Handelsstaat etc.), какъ о программѣ будущей политики, и всѣ его разсужденія въ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу» объ обособленной нѣмецкой культурѣ вплоть до специфическаго воспріятія чувственнаго міра и протестантской переоцѣнки «пришедшей изъ чуждой Азіи» религіи призваны были утвердить и политическое сознаніе въ его нейтралистическихъ или обще-индивидуалистическихъ стремленіяхъ. Сама консолидація національнаго государства не можетъ быть продуктомъ внѣшней силы и власти, а должна явиться результатомъ нравственнаго убѣжденія и однороднаго общаго образованія. Сила власти коренится въ силѣ знанія. Организація воли и знанія и

автономія этой организованной активности,—вотъ они, старые мотивы нѣмецкаго духа, призванные оплодотворить и государственно-общественную жизнь. Здѣсь тѣ же вопросы: что я долженъ и что я могу сдѣлать, что должна и можетъ сдѣлать моя интеллектуальная и волевая дѣятельность, принявшая образъ науки и нравственности? Протестантизмъ постулировалъ свободу и независимость убѣжденія и право каждаго на него. Наука и мораль раскрыли его содержаніе, расширили сферу его дѣйствія и вліянія и остается только оплодотворить общественную и государственную жизнь положеніями и требованіями знанія. Дѣйственное знаніе—высшее выраженіе и общественныхъ чаяній нѣмецкаго духа. Имъ проникнуты всѣ; даже германская соціалъ-демократія гордится тѣмъ, что вся ея политика строго согласована съ требованіями науки и научности. И врядъ ли найдется еще другая страна, гдѣ авторитетъ научнаго знанія стоялъ бы такъ высоко, какъ въ Германіи. Это относится и къ современному нѣмцу, пережившему глубокій кризисъ политическаго и духовнаго перелома.

Древнее изреченіе, приписываемое Ксенофонтомъ Сократу, говоритъ, что наука дѣлаетъ всѣхъ одинаково даровитыми, что она ихъ дѣлаетъ—скажемъ мы теперь—жизнеспособнѣе. Заключающійся въ изреченіи смыслъ наиболѣе выражаетъ и отношеніе германскаго міра ко всякому знанію. «Кто учиться, дѣлаетъ самъ себя даровитымъ», утверждаетъ даже Ницше, и это вопреки своей склонности къ преувеличенной оцѣнкѣ всего стихійнаго экстатическаго въ жизни. Образованіе не только вызываетъ къ жизни скрытые, самобытные таланты, но оно непосредственно оплодотворяетъ, дѣлаетъ геніальнымъ человѣка и его культуру. Упорядочивая человѣческую активность, оно одновременно усиливаетъ и чувство нравственнаго мужества, чувство отвѣтственности. На знаменитый вопросъ, занимавшій Ж.-Ж. Руссо: способствовало ли улучшенію нравовъ возрожденіе наукъ и искусствъ,—нѣмецкое сознаніе всегда отвѣчало утвердительно.

7.

Я не пишу исторіи неогерманской культуры. Моя задача—указать на нѣкоторыя основныя черты ея характерологіи и тѣмъ самымъ обнаружить ея внутреннія отношенія къ міру и жизни,—ея специфическую позицію. Въ качествѣ характерологической черты эта позиція непремѣнно обнаружится и въ культурѣ современной, совершающейся при принципіально новыхъ условіяхъ существованія, гдѣ интересы «технологической» цивилизаціи совершенно пытаются поглотить интересы довлѣющей себѣ, внутренне умиротворенной художественной культуры.

Моментъ обособленности человѣческаго существа, обособленіе его душевной активности отъ внѣшняго напора естественныхъ и сверхъестественныхъ силъ остается исходнымъ пунктомъ нѣмецкаго существованія. Духовная одаренность каждаго въ отдѣльности и всего народа и убѣжденіе, что съ помощью систематическаго знанія и методической воли можно усилить общую одаренность, увеличить силу сопротивленія и побѣды въ жизненной борьбѣ,—убѣжденіе, однимъ словомъ, что культура есть культура научная (также научно-эстетическая и научно-этическая) и иной не бываетъ,—глубоко укоренилось въ нѣмецкомъ сознаніи. Вначалѣ мысль нѣмецкая блюдетъ за тѣмъ, чтобы духъ не вышелъ за предѣлы автономнаго абсолютнаго существа, чтобы онъ не оторвался отъ него. Еще Шиллеръ ищетъ «человѣка въ гражданинѣ» (der Mensch im Staatsbürger) и строитъ «государство эстетическое», гдѣ человѣкъ сходится и сталкивается непосредственно съ такимъ же, какъ онъ, человѣкомъ; попросту—жизнь въ обществѣ, жизнь общенія выше государства политическаго, гдѣ человѣкъ поглощается гражданиномъ, гуманизмъ—требованіями государственнаго фатума. Чтобы примирить нѣмецкое сознаніе съ государственной властью, философія конструируетъ государственность по плану разума. Государство—это воплощенный разумъ,—учитъ Ге-

гель,—власть каждаго изъ чиновниковъ опредѣляется его научнымъ цензомъ. Идеалъ Платона, по существу, осуществленъ въ Прусскомъ полицейскомъ государствѣ, гдѣ вся дѣятельность отъ министра до ландрата представляетъ собою одинъ неразрывный силлогизмъ. Но здѣсь, какъ и въ исторіи народа въ его цѣломъ, разумъ отрывается отъ единичнаго носителя, духъ начинаетъ жить собственною жизнью, поверхъ головъ отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ поколѣній. Будучи вѣренъ своей тенденціи къ независимости, къ обособленію, духъ этотъ начинаетъ тяготиться собственными имманентными законами, онъ становится духомъ фантастическимъ, тоскующимъ по изначальному, органическому единству человѣка и міра, бытія и разума. Нѣмецкая романтика даетъ исходъ этой потребности обособившейся активности.

Романтика—это лишь мечта нѣмецкаго духа и не выражаетъ собою его сущности. Какъ и конкретный человѣкъ, онъ глубоко дифференцированъ и драматиченъ въ своихъ проявленіяхъ. Кантъ отгадалъ его тайну. Подобно Лютеру, установившему правду внутренняго человѣка и правду естественной внѣшней жизни, онъ показываетъ цѣлую систему истинъ, истину теоретическую, этическую и эстетическую, и всѣ являются творческимъ продуктомъ той же традиціонной активной одаренности человѣка, его свободы. Знаніе, вообще, всѣ активныя проявленія человѣка суть актъ героическій. И въ немъ, въ творчествѣ истинъ и въ жизни сообразно ихъ требованіямъ—весь смыслъ свободнаго человѣка. Опять-таки, на первомъ планѣ стоитъ передъ каждымъ вопросъ: что я могу, каковы границы моей человѣческой власти и что я долженъ дѣлать, чтобы жить въ согласіи съ требованіями истинъ? Не даромъ критика и теорія познанія—наука нѣмецкая по преимуществу. Кантъ углубляетъ нѣмецкое сознаніе. Онъ дѣлаетъ открытіе, что даже законы природы диктуются разумомъ, суть продуктъ его творчества. Если есть что-нибудь за предѣлами разумной активности, если и есть міръ сверхъчеловѣческій, какая-то «вещь въ себѣ», то послѣднюю

сознаніе наше можетъ игнорировать, въ лучшемъ случаѣ смотрѣть на нее, какъ на источникъ вѣрованій. Строить свой міръ человѣкъ можетъ и долженъ исключительно средствами своего, человѣческаго духа. Только самоограниченіе на почвѣ нашихъ человѣческихъ возможностей, нашей свободы, можетъ спасти насъ отъ неминуемаго трагическаго сотрясенія. Опять-таки, проявленіе основного нѣмецкаго инстинкта, приказывающаго человѣку всецѣло положиться на свою организаціонную способность и въ ней искать разрѣшеніе всей своей жизни, всему напору своего духа. И оправданіе этому изнутри расщепленному, полному драматизма міру человѣка, слѣдуетъ искать въ томъ же творчествѣ дѣйствительности, согласованной съ требованіями истинъ. Ибо, по мѣрѣ обнаруженія организующей разумной силы, становится и міръ разумнымъ, человѣческимъ, пріобрѣтаетъ онъ реальность и устойчивость. Міръ какъ бы начинаетъ жить по законамъ разума, стремиться, по крайней мѣрѣ, воплотить свое законодательство. Это и есть міръ культуры. Духъ культуры объектируется въ какой-то грандіозной юриспруденціи. Культурный міропорядокъ есть, такимъ образомъ, правовой міропорядокъ, а въ конечномъ счетѣ—міропорядокъ нравственный. Ибо все научно-правовое законодательство культурнаго творчества создается по почину воли человѣка къ свободѣ и независимости. Желаніе и необходимость пребывать въ своей человѣческой свободѣ, по христіанской терминологіи,—быть искупленнымъ, — диктуетъ человѣку весь этотъ путь неустаннаго культурнаго, т.-е., научнаго, этическаго и эстетическаго законодательствованія. На мѣсто «естественнаго міропорядка» долженъ быть воздвигнутъ «нравственный міропорядокъ». Кантъ—это Моисей нѣмецкаго сознанія. Вся послѣдующая философія представляетъ собою экзегетику начертанныхъ имъ истинъ; она занимается лишь тѣмъ, чтобы постичь выдвинутую Кантомъ организацію «разумныхъ» человѣческихъ способностей, дѣятельности разума, найти въ ней органическое единство (Фихте) или же обрѣсти въ ней законъ ея раскрытія и

развитія на протяженіи человѣческой исторіи (Гегель). Мы не знаемъ міра, какъ таковою, но мы знаемъ планъ (идеалъ), по которому онъ строится и строиться долженъ,— таковъ конечный результатъ господствующей нѣмецкой мысли.

Какъ ни далеки отъ жизни эти построенія нѣмецкой философіи, но и въ нихъ обнаруживается знакомая уже намъ черта: активная раціонализація даннаго и возможнаго, стремленіе къ раціональной организованности, вызванное къ жизни чувствомъ свободы. Въ основѣ раціонализаціи лежитъ ирраціональный, героическій моментъ. Порывъ къ свободѣ и независимости—изначальный источникъ своеобразнаго устремленія германской жизни. Свобода эта одинаково питаетъ, какъ ея чисто-культурную волю—музыкальную и поэтическую возбудимость, метафизическій духъ, ищущій безусловнаго знанія, ея нравственное сознаніе самодовлѣющаго индивидуальнаго существованія, такъ и цивилизаторскую, утилитарно-организаторскую, технологическую активность. Нравственная воля—сердце всего творчества, она связываетъ внутренне культуру и цивилизацію. Нѣмецкая мораль только и занята тѣмъ, чтобы сохранить активность въ боевомъ и дисциплинированномъ состояніи. Она не знаетъ ни грѣха, ни раскаянія, ни смиренія. Она, стало-быть, выражаетъ глубочайшій инстинктъ жизненнаго напряженія. Но ей чужды и тщеславіе и даже стремленіе къ славѣ. Ригористическій, почти что аскетическій героизмъ характеризуетъ ея сущность. Самоограниченіе, долгъ, обязанность и личная храбрость призваны замѣнить христіанскія добродѣтели. Стоицизмъ души не допускаетъ, однако, ничего призрачнаго, никакой позы. «Все стоическое—замѣчаетъ Лессингъ—лишено театральности». Человѣкъ не можетъ также довѣрять самому себѣ. Чувство отвѣтственности должно вытѣснить состраданіе. «Суровая, сильная душа» нѣмца—по выраженію Гёте—требуетъ и суроваго отношенія къ себѣ, нуждается въ самообузданіи. Вотъ тяжесть, которую каждый обязанъ носить. Внѣ активнаго, героиче-

скаго преодолѣнія пассивности, слабости и инерціи нѣтъ жизни человѣческой. Даже вѣра, и та требуетъ индивидуальнаго напряженія. И въ закономѣрномъ исполненіи этихъ человѣческихъ задачъ кроется источникъ человѣческаго достоинства. Достойно жить, работать, держать себя— высшій императивъ обще-германской нравственности и педагогики.

Глубоко-индивидуальная по своему отправному пункту, жизнь въ процессѣ творчества вырабатываетъ общеобязательныя, «идеалистическія» добродѣтели. Конкретный человѣкъ и, еще въ меньшей степени, человѣчество, сами по себѣ цѣны не имѣютъ. Добродѣтель упорядоченной активности, просто объективные продукты человѣческой и національной культуры придаютъ имъ смыслъ и значеніе. И человѣкъ, и человѣчество лишь средства для выполненія долга; активный нравственный міропорядокъ, служеніе объективнымъ общимъ всѣмъ требованіямъ культуры,— высшая цѣль нѣмецкаго гуманизма. Что относится къ отдѣльному человѣку, сохраняетъ свое значеніе и въ жизни націи. Будучи органомъ обособленной, народной культуры, нація, однако, находитъ свое оправданіе въ созданіи годныхъ для всего человѣчества универсальныхъ цѣнностей. Таковъ нѣмецкій національизмъ въ формулировкѣ Фихте и Лассаля. Индивидуальный источникъ и объективный эффектъ, революціонное содержаніе и консервативная форма—такова конструкція творимой по нѣмецкому плану культуры. Таковъ въ общихъ чертахъ и духъ нѣмецкій въ его классическомъ обнаруженіи.

8.

Не надо скрывать отъ себя, что построеніе нѣмецкой культуры въ цѣломъ ближе стоитъ къ античному греческому идеалу, нежели къ христіанству. Германизмъ какъ бы продолжаетъ дѣло античной мысли. Среди всѣхъ европейскихъ системъ духа онъ одинъ серьезно пытался дать основы и оправданіе абсолютно свѣтской культуры. Ни Италія,

ни Францiя, ни даже протестантская (пуританская) Англiя не сумѣли сдѣлать это. Ихъ сознанiе не сумѣло обойтись безъ представленiя о фатумѣ или о внѣчеловѣческой авторитативной силѣ. Идея предопредѣленiя, авторитетъ церкви или просто паѳосъ коллективнаго сотрудничества, метафизически-догматическiя или же соцiологическiя идеи пробили тамъ брешь въ человѣческой активности. Только нѣмецкiй духъ отважился на это очередное дѣло европейскаго развитiя. Онъ заставилъ человѣка собственными, внутренними силами соорудить себѣ мiръ. И самую значительную традицiю нашей исторiи—символъ христiанскаго искупленiя—положенъ имъ былъ въ основу свободы человѣческой. Вѣра моя, вѣра, какъ героическое усилiе, а не какъ призракъ, даетъ мнѣ право на человѣческое самоутвержденiе. Такова нѣсколько упрощенная мысль протестантства. Героическое усилiе моего духа, моего самаго внутренняго, конечнаго бытiя, по терминологiи философовъ, опредѣляетъ мой путь человѣческiй. Отнынѣ мiръ сооружается освобожденной активностью, съ помощью генiальности и таланта человѣческихъ. И духъ, и добро, и зло не существуютъ больше, какъ внѣшнiя субстанцiальныя силы. Они растворены въ горнилѣ становленiя человѣческаго, «свѣтскаго» мiра. Въ фактѣ лжи, зла и страданiй неповинны больше боги. Это дѣло самихъ людей. Отъ Бога или же отъ Начала только свобода, способность подняться надъ рабствомъ естественнымъ и сверхъестественнымъ. Мiръ догмъ и символовъ—миражъ. Даже теологiя исторически обусловлена. Она опирается либо на историческомъ дѣлѣ Христа, либо на понятiи рацiонально, человѣчески возможнаго, мыслимаго (Оплодотворенiе нѣмецкаго богословiя Вольфомъ и спинозизмомъ). Въ ея сознанiи Сынъ Человѣческiй заслоняетъ собою образъ Отца. Она больше не мучится вопросомъ: какъ оправдать человѣка передъ лицомъ Бога, какъ быть со зломъ? Зло относится къ сферѣ естественной, оно лежитъ въ нейтральной зонѣ человѣческаго мiра. Оно почти уподобляется стихiйному бѣдствiю, болѣзни. Вполнѣ въ духѣ античности. Добро же есть имманентное творенiе

активнаго человѣческаго духа. Центръ бытія—чисто-человѣческая область. И въ концѣ концовъ приходится искать оправданія для самой идеи Бога.

Раскрытіе человѣка, какъ таковаго, всего человѣческаго—стало означать міръ, свѣтъ. И этотъ свободный человѣкъ-христіанинъ протестантства, этотъ обще-человѣкъ, по мысли гуманистовъ, устанавливалъ и завоевывалъ «права человѣка и гражданина» въ Англіи и Франціи, освобождалъ отъ расового и политическаго рабства въ Америкѣ и творилъ духовный міръ по идеалистическому плану въ самой Германіи.

9.

Творчество духовнаго міра, организація человѣческой активности въ видѣ образованія ея, образованіе человѣка—второе значительное дѣло германизма. Значеніе послѣдняго и состоитъ въ возможности быть популяризованнымъ. Культура германская, какъ культура активная по преимуществу, можетъ быть перенесена, ее можно усвоить, ей можно научиться. Ея навыки и пріемы вплоть до ея морали вошли въ обиходъ современнаго человѣка. Вопреки своеобразному источнику своему, культура германизма стала общей, необходимой.

Казалось, что другой задачи, чѣмъ внутренне проникать въ жизнь народовъ, оплодотворять собою ихъ активныя проявленія, у германской культуры нѣтъ и быть не можетъ. По самому характеру своему она вѣдь универсальна и въ результатѣ создаетъ нѣчто объективное, усвояемое всѣми. Въ этой «внутренней» композиціи видѣли лучшіе изъ нѣмцевъ задачу германскаго духа. Даже Генрихъ Трейтчке, воинствующій націоналистъ Трейтчке, считалъ измѣной нѣмецкой традиціи стремленіе все-нѣмцевъ диктовать законы политическаго поведенія всему цивилизованному міру. Достаточно съ насъ внутренней «гегемоніи»,—думали духовные вожди нѣмецкаго народа. И, дѣй-

ствительно, до мірового кризиса, переживаемаго нами нынѣ, идея внутренняго оплодотворенія жизни народовъ духомъ германскаго активизма, идея культурнаго экстерриторіализма стала господствующей въ сознаніи даже заурядная нѣмца. Но на этой почвѣ назрѣвало первое трагическое столкновеніе конкретнаго германскаго міра съ міромъ другихъ народовъ.

Прирожденный индивидуализмъ и слабость политическихъ государственно-патріотическихъ инстинктовъ предрасположили нѣмца къ роли мірового миссіонера цивилизаціи. Его колонизаціонная дѣятельность, по самому существу своему, да и въ силу природной расщепленности политической метрополіи, не могла преслѣдовать имперіалистическихъ задачъ. Его роль свелась къ учительству и къ борьбѣ за собственное благополучіе. Когда цивилизація наша носила еще болѣе мѣщанскій, ремесленный характеръ, германское учительство держалось въ извѣстныхъ границахъ: оно лишь будило техническій и моральный разумъ колонизируемыхъ народовъ. Объектомъ цивилизаторской миссіи нѣмцевъ были въ шестнадцатомъ вѣкѣ и гордые своей самобытной культурой британцы. Народы неминуемо видѣли въ нѣмцѣ человѣка-педагога, сухого, ограниченнаго человѣка-профессіоналиста. Музыкальный лиризмъ, созерцательность и душевная проблематичность нѣмца ускользали изъ поля зрѣнія міра. Да и самъ нѣмецъ-колонизаторъ, будучи занятъ своимъ «учительствомъ», подавлялъ въ себѣ внутренніе творческіе ростки. Между нѣмцами и другими народами выросла стѣна взаимнаго непониманія и затаенной ненависти. Конкретный, эмпирическій человѣкъ видѣлъ передъ собою хорошо функціонирующій интеллектуальный и моральный механизмъ, — и только; нѣмецъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на народы, какъ на возможный объектъ своей цивилизаторской активности. Вѣря исключительно въ силу нравственно упорядоченнаго активнаго интеллекта, германизмъ сталъ невольно жертвой собственной переоцѣнки и національнаго самомнѣнія. Националистическая гордыня овладѣла нѣмецкимъ

сознаніемъ. Переломъ во всемъ культурномъ устремленіи германскаго міра сталъ неминуемъ.

10.

Традиціонный германизмъ тяготѣлъ къ идеалу установленія общаго культурнаго уровня среди всѣхъ народовъ. Объективизмъ и универсализмъ духа толкали его на этотъ путь. Націонализмъ же заставилъ его порвать со своей исконной мечтой. Направляющимъ факторомъ въ жизни становилось сознаніе своеобразія. Центръ тяжести культуры перенесенъ былъ изъ области объективнаго гуманизма въ сферу индивидуальнаго устремленія. Учительство смѣнилось натискомъ, воля къ свободѣ и самодѣятельности—стремленіемъ къ власти и опеканію. «Мы должны порвать съ гуманизмомъ», проповѣдывалъ Де-Лагардъ, популярный пророкъ германскаго миссіонизма, «ибо не то, что всѣмъ людямъ обще—нашъ настоятельный долгъ, но лишь то, что намъ однимъ свойственно. Гуманизмъ, — это наша вина, индивидуальность—наша задача. Это относится какъ къ жизни личности, такъ и къ проявленіямъ всей націи».

Усиленіе свѣтской государственной власти, централизація этой власти и обще-либеральный строй хозяйственной культуры доставляли пищу индивидуалистическимъ, властолюбивымъ инстинктамъ каждаго. Началась ломка всего раціональнаго нравственнаго міропорядка въ пользу энергетическаго, естественнаго. Человѣкъ, нѣмецкій человѣкъ, остался тѣмъ же воплощеніемъ средствъ производства объективныхъ цѣнностей; объективистическій, интеллектуальный характеръ сохранился и за формами творчества. Но мотивы и цѣли всего процесса стали иными, «естественными».

Въ душу закрадывалось сомнѣніе: и впрямь ли человѣкъ-мастеръ самый высокій типъ культуры? Не доставляетъ-ли власть и вызываемое ею сознаніе своего особаго, исключительнаго положенія большій жизненный паѳосъ, не найдетъ ли потребность активизма въ борьбѣ за

матеріальныя блага большее удовлетвореніе? Къ чему намъ этотъ «объективный идеализмъ» съ его «душевной созерцательностью» и «гармоническими дѣяніями»? Гармоническое самодовольство,—писалъ недавно одинъ нѣмецкій критикъ,—намъ больше не къ лицу. «Кто въ Германіи преуспѣваетъ?—жаловался другой выразитель думъ молодого поколѣнія,—повторяетъ бездѣятельную, чуждую народу жизнь Гёте»? Ахъ, эта «внутренняя свобода» истиннаго нѣмца! Она не что иное, какъ украшеніе для жизни, которая должна была отъ многаго отказаться и многое заглушить въ себѣ. Популярными эта хваленая гармоничность и созерцательность стали лишь тогда, когда въ Германіи народилось слабое, богатое и тяготѣющее къ покою поколѣніе. Не приходите къ намъ только съ идеалами свободы, гуманизма и справедливости. Нашъ умъ достаточно реалистиченъ, чтобы знать, что за этими нѣкогда живыми понятіями скрываются нынѣ одни правильно разсортированные интересы. Мы тратимъ слишкомъ много силъ, чтобы получить малый результатъ. Мы томимся по подвигу, по великодержавнымъ дѣламъ! Мы рѣшительно отказываемся отъ наслѣдства!

Замѣчательное явленіе! Какъ-разъ консервативная часть образованнаго общества первая порвала съ навыками унаслѣдованной культуры, она первая взывала къ голой, сильной жизни инстинктовъ, завоевательныхъ стремленій. Призванная охранять устои, она, тѣмъ не менѣе, интенсивнѣе другихъ прониклась духомъ современнаго язычества. Романтика силы и власти овладѣла въ этихъ кругахъ всѣмъ человѣкомъ. Картина міра упростилась. Оставалось лишь согласовать массовые инстинкты и чувства вновь возстановленнаго «естественнаго» состоянія съ инстинктами и чувствами современныхъ массъ. Тогда мыслимо стало мечтать и о возможности однороднаго, коллективнаго выступленія воинствующей Германіи [1]).

[1]) Статья эта въ первоначальной редакціи была напечатана въ «Сѣверныхъ Запискахъ» (К—IX, 1914 г.). Печатается съ нѣкоторыми прибавленіями.

11.

По мѣрѣ того, какъ центръ тяжести вниманія перенесенъ былъ въ сферу индустріальныхъ и матеріальныхъ интересовъ, совершалась незримо волевая, эмоціональная согласованность всѣхъ слоевъ нѣмецкаго общества. Вопреки соціальнымъ антагонизмамъ, устремленіе жизни стало у всѣхъ одинаковымъ. Войны шестидесятыхъ и въ особенности 1871 г. сдѣлали для сознанія аристократическихъ классовъ то же самое, что сдѣлали революціонный кризисъ 1848 г. и вообще общественно-политическія выступленія для просвѣтленія массъ. Революціонная проповѣдь о развитіи потребностей попала на плодотворную почву. И тѣ, и другіе подпали подъ власть, по выраженію Лассаля, экономическаго міропониманія. Старый homo oekonomicus, котораго выдумали британскіе политико-экономы и для оправданія жизни коего трудилась шотландская моральная философія, сталъ теперь центральной фигурой «естественнаго міропорядка». Ростъ и удовлетвореніе его потребностей, его таланты стали мѣриломъ жизненнаго преуспѣянія.

На первыхъ порахъ установилась полная гармонія между дѣятельностью индустріальнаго, естественнаго человѣка и выработанными германизмомъ формами интеллектуальнаго и волевого активизма. Упорство въ преслѣдованіи цѣлей, осторожность и предусмотрительность, методичность и объективація дѣйственнаго устремленія, однимъ словомъ, родъ технической и научной педагогизаціи умственныхъ и физическихъ силъ человѣка и природы—все, что требовалось отъ homo oekonomicus, германизмъ доставлялъ въ избыткѣ. По существу требовался человѣкъ-законодатель, организующій по законамъ разума міръ. Германизмъ, какимъ его выработала протестантски-идеалистическая мысль, и есть система законодательная. Лишь только промышленная и политическая жизнь переросла свою организаціонную, законодательную оболочку, лишь только мо-

ментъ завоевательный, завоевательнаго захвата сталъ условіемъ существованія самой промышленно-политической дѣятельности, человѣкъ-законодатель уступилъ мѣсто человѣку-завоевателю. Послѣдній сталъ господствующимъ типомъ. Чисто-эмоціонально этотъ переходъ отъ законодательной къ завоевательной волѣ подготовлялся и въ самомъ процессѣ промышленной дѣятельности. Усиленіе и производство политической, соціальной власти и вліянія были необходимымъ эффектомъ развиваемой въ широкомъ масштабѣ частно-законадательныхъ, организаторскихъ дѣяній. Избытокъ силъ проглотилъ законъ. Власть возстала противъ свободы, произволъ ополчился на законъ, человѣкъ-завоеватель старался и старается нынѣ оттѣснить на задній планъ человѣка-законодателя. Внутренняя гармонія германизма неминуемо нарушается. Сама германская и съ нею вся принципіально-свѣтская культура подвержена глубокому кризису.

Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что «политизація» современной промышленной цивилизаціи внесла расколъ въ германское сознаніе. Политическій макіавеллизмъ овладѣлъ умомъ и чувствами homo oekonomicus, всѣхъ активныхъ элементовъ общества. Въ самой концепціи германизма перевѣсъ «индивидуализма» надъ «гуманизмомъ», личнаго своеобразія надъ объективизмомъ, закончился кризисомъ самаго активнаго устремленія. Власти, гегемоніи—во что бы то ни стало! Довольно законодательствовать, пора и владычествовать. Въ государственной политикѣ создалась подобная же ситуація. Законодательная, организаторская сила переросла себя, преобразилась въ силу завоевательную, и все не находился врагъ, противъ коего послѣдняя могла быть направлена. Похоже на настроеніе, хотя и вызванное другими мотивами, царившее при дворѣ третьяго Наполеона. «Государь, армія скучаетъ, на кого намъ обрушиться?»—слова, сказанныя маршаломъ послѣ государственнаго переворота зачинщику послѣдняго.

12.

Еще въ одномъ, особомъ отношеніи «естественный міропорядокъ» нѣмца перестроилъ его міропорядокъ нравственный. Современный трудъ дисциплинируетъ человѣка. Быть дѣятельнымъ, трудиться, значитъ нынѣ для большинства индустріальнаго государства получать приказанія и самому приказывать, подчиняться и подчинять и прежде всего слѣпо выполнять свои обязанности. Индустріализація равносильна милитаризаціи духа. Всѣ сплошь солдаты. Miles industriae, miles culturae! Промышленный народъ—это одна вооруженная армія, его жизнь—сплошной походъ. Оттого и промышленныя Бельгія и Англія, вопреки отсутствію постоянной арміи военной, оказались теперь на высотѣ положенія.

Преуспѣвающій нынѣ человѣкъ не только организаторъ, но и воинъ, проявляющій силу сопротивленія, остроту чувствъ, физическую и умственную ловкость и вообще личную храбрость. Обязанности человѣка и гражданина поглощаются обязанностями воина, солдата. Въ новое время выдвинули солдатскую идеологію въ ея чисто государственно-политическомъ значеніи Кромвель, Фридрихъ II Великій, Наполеонъ I, императоръ Николай Павловичъ. Въ общественной жизни она потерпѣла крушеніе, какъ потерпѣла пораженіе и сопутствующая ей идеологія коллективной революціи. Но революціонный и воинственный напоръ съ тѣмъ большей силой укоренился въ чувствахъ и волѣ каждаго въ отдѣльности. Скучающіе мѣщане со слабо развитой фантазіей, которые мерещились повсюду разочарованному Герцену и еще мерещутся нынѣ его здравствующимъ московскимъ эпигонамъ, или же назареяне, умирающіе отъ избытка христіанскаго состраданія, изнемогающіе подъ тяжестью пассивныхъ, феминистическихъ добродѣтелей, — какъ изображалъ Ницше своихъ современниковъ,—ни такихъ мѣщанъ, ни такихъ назареянъ Германія

не знаетъ. Человѣкъ-законодатель, человѣкъ-завоеватель, а въ концѣ и человѣкъ-воинъ — вотъ кѣмъ руководится жизнь.

Прирожденный германскій активизмъ каждый разъ находилъ себѣ новое воплощеніе и сообразно перерабатывалъ весь кодексъ моральныхъ и педагогическихъ добродѣтелей. Сейчасъ онъ пріобрѣлъ «военный» характеръ. Традиціонный германизмъ даже на исторію человѣческую смотрѣлъ, какъ на гуманизацію, какъ на воспитаніе человѣческаго рода (Гердеръ, Лессингъ) или какъ на моральное самоусовершенствованіе его (Фихте). Но уже Гегель радикально порвалъ съ этой педагогизаціей человѣка. Онъ переноситъ акцентъ на борьбу всечеловѣческаго духа съ самимъ собою, на воинствующій характеръ всего его обнаруженія. Паѳосъ напряженія, трагическое столкновеніе противоположныхъ силъ и, наконецъ, побѣда бытія, воплотившаго въ себѣ полноту силъ и разума, одерживаетъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ. Съ легкой руки Ницше, этого пророка воинственнаго, естественнаго состоянія, человѣка должно не воспитать, а «разводить», культивировать (züchten). Расти значитъ теперь — дисциплинировать, а для слова «зрѣлый» имѣется сейчасъ особая скала цѣнностей: стать великимъ, сильнымъ, совершеннолѣтнимъ, мужественнымъ. И нѣтъ больше возраста, а есть только творенія безпрерывныхъ активныхъ воздѣйствій. Ницше, правда, вѣритъ лишь въ одни «случаи великой удачи» природы и культуры. Демократическій духъ современности убѣжденъ во всеобщности этихъ случаевъ. Не забота, не гигіена или же пропитаніе дѣлаетъ всѣхъ сильными. Современная «солдатская» повинность, идея дисциплинированнаго, завоевательнаго труда воспитываетъ характеры. Героизмъ моральнаго мужества смѣнился героизмомъ личной храбрости. Дерзновеніе, опасность, захватъ и власть манятъ къ себѣ человѣка. Сила энергіи опустошаетъ и вытѣсняетъ напряженность души.

13.

Естественный ликъ на самомъ дѣлѣ не мѣняетъ нѣмецкаго существа. Его индивидуальные инстинкты остались теперь такими же, какими они были и въ классическую эпоху его культуры, и въ древнемъ мірѣ. Они подсказываютъ ему, что жизнь никогда не дается даромъ, что человѣкъ въ лучшемъ случаѣ—какая-то равнодѣйствующая многихъ тяжестей. Равновѣсіе въ жизни требуетъ морали суровой, почти что жестокой. Древніе германцы даже додумались до идеи естественнаго подбора, а трусовъ безчестныхъ и предателей бозпощадно истребляли. Не непосредственное облегченіе человѣку на его жизненномъ пути—задача моралиста; въ лучшемъ случаѣ слѣдуетъ увеличить силу сопротивленія, всѣ активныя способности человѣка. Инстинктъ Канта, моралиста par excellence, и инстинктъ имморалиста Ницше одинаково направлены на преодолѣніе и концентрацію волевыхъ устремленій. Будь жестокъ къ самому себѣ—учитъ мораль Канта; не довѣряй никому, ни на кого не полагайся, будь даже жестокъ съ другими—проповѣдуетъ Ницше. Не изъ чувства жестокости, а изъ чувства заботы, здоровья духа преданы нѣмецкіе педагоги и моралисты активному ригоризму. Въ ригоризмѣ они видятъ доблесть. Caritas, старая христіанская caritas, не находитъ мѣста во всемъ культурномъ укладѣ германизма. Подобнымъ духомъ проникнуто и правосудіе. Pardon wird nicht gegeben. Пощада не требуется. Смертная казнь почти не имѣетъ противниковъ. На нее смотрятъ, какъ на профилактическую мѣру и искупленіе. Древній германецъ, сверхъ-эмпирическій человѣкъ идеализма и воинствующій научный человѣкъ современности чувствуютъ одинаково. Всѣ они защищаютъ нѣчто объективное, сверхличное—и жестокость ставятъ себѣ въ заслугу. Играя роль праотца Авраама, приносящаго Исаака въ жертву Богу, они, однако, не сознаютъ всей глубины совершающейся здѣсь идеалистической трагедіи. Они по-

просту исполняютъ свой долгъ. И врядъ ли гдѣ-нибудь на свѣтѣ идея долга такъ понятна сознанію каждаго, такъ родственна ему, какъ въ Германіи. Ослабленіе чувствъ долга явилось бы опасностью для всего германскаго, поистинѣ, бронированнаго духа.

И въ «естественномъ міропорядкѣ» германизмъ сохраняетъ вѣрность своей концепціи дисциплинированнаго активизма. И это—несмотря на тяготѣніе человѣка къ природной стихіи, на уподобленіе себя всему естественному, обезличенному бытію. Если приматъ нравственнаго начала приводилъ нѣмецкое сознаніе къ универсализму и объективному идеализму—одинаковыя героическія усилія интеллекта и воли создаютъ въ послѣднемъ счетѣ одинаковую одаренность,—то перевѣсъ естественнаго начала въ построеніяхъ культурной системы требовалъ абсолютнаго признанія индивидуальнаго и національнаго своеобразія.

Совершенно справедливо, что одаренность, способности и умѣніе опредѣляютъ характеръ міровой картины. Но одаренность не въ одинаковой мѣрѣ присуща всей природѣ. Своеобразное положеніе нѣмецкаго народа, особый уклонъ его воли заставляетъ заключать, что и природа его особенная, исключительная. Самосознаніе культурнаго существа есть одновременно и самосознаніе существа естественнаго. Эфемерное міровое государство Наполеона I заставило нѣмцевъ осознать свою особую природу. Гердеръ, а послѣ него Клеммъ, Карусъ, Бурдахъ, французскій графъ Гобино и нѣмецкій соціалистъ Вольтманъ и пр. и пр. заговорили о различной «естественной цѣнности человѣческихъ расъ». Установивъ превосходство бѣлой расы надъ разноцвѣтными расами, антропологи пытались найти отличительныя черты отдѣльныхъ племенъ въ предѣлахъ той же бѣлой расы. По мысли нѣмецкихъ антропологовъ, оказалось, что черты культурно-богатыхъ расъ на рѣдкость совпадаютъ съ чертами германскаго народа. Нѣмецкія стремленія находятъ, стало-быть, себѣ основаніе и оправданіе въ самой природѣ.

14.

Въ умѣніи создавать разнообразный, сильно дифференцированный порядокъ вещей видна культурно богатая раса. Дифференціація представляетъ большой просторъ для превращеній, подбора и приспособленія. Темпераментъ расы, душевная и интеллектуальная активность способной къ дифференціаціи расы, предопредѣляетъ носителей ея къ политическому превосходству и владычеству. Весь родъ человѣческій состоитъ изъ активныхъ и пассивныхъ расъ; у первыхъ преобладаетъ «воля и стремленіе къ владычеству, самостоятельности и свободѣ; имъ свойственны элементы дѣятельности, безудержности, стремленіе въ даль, прогрессъ во всѣхъ смыслахъ, но затѣмъ и инстинктъ изслѣдованія, протестъ и сомнѣніе» (Г. Клеммъ). Эти активныя, по существу воинствующія расы подвижны и стремительны, онѣ вѣчно куда-то проникаютъ, разрушаютъ строй чужихъ народовъ и создаютъ новый, по своему образу и подобію. Ихъ носители—смѣлые мореплаватели, мужественные воины, воины-промышленники. Знаніе и вѣра дѣйствуетъ на ихъ воображеніе сильнѣе представленій о божественныхъ силахъ. Теократія не удерживается у нихъ долго. У нихъ процвѣтаютъ науки и искусства. Но, въ силу своей внутренней и внѣшней подвижности ихъ культуры, въ цѣломъ не устойчивы, и въ особенности ихъ политическое положеніе въ мірѣ обнаруживаетъ вѣчные подъемы и упадокъ. Люди активной расы представляютъ меньшинство въ мірѣ, и, тѣмъ не менѣе, имъ принадлежитъ фактическое руководство. Ихъ дѣятельность носитъ на себѣ печать интеллектуальныхъ и волевыхъ усилій. А потому они и позже выступаютъ на арену исторіи народовъ пассивныхъ, осѣдлыхъ. Пассивная, внѣшне ограниченная, а потому и устойчивая культура земледѣльческихъ народовъ служитъ для нихъ матеріаломъ. Ихъ древніе предки—народы-охотники, народы-пастухи и народы-мореплаватели и воины. По моей терминологіи, не человѣкъ-

законодатель, а по преимуществу человѣкъ-завоеватель— типъ активной расы.

Чьи культурныя и политическія стремленія больше всего подходятъ сейчасъ подъ характеристику активной расы, нежели стремленія руководителей нѣмецкаго народа! Человѣкъ больше не «политическое животное» въ смыслѣ аристотелевскомъ, общественномъ. Вольтманъ предлагаетъ перекрестить его въ «владычествующее животное» (Herrisches Thier). Германское своеобразіе и германскій культурный натискъ покрываютъ собою въ избыткѣ стремленія расоваго активизма. И если новѣйшіе нѣмецкіе пророки бури и натиска не довольны духовнымъ, промышленнымъ человѣкомъ, то только потому, что профессіональный аскетизмъ сузилъ его умственные горизонты и будто бы ослабилъ въ немъ инстинкты борьбы, умѣніе сильно ненавидѣть и волю къ гнѣву, къ неистовству (ср. манифесты кружка Стефана Георге, такъ наз. представителей «духовнаго движенія»).

Заколдованный кругъ германскаго активизма готовъ замкнуться. Вмѣсто священной и обще-человѣческой исторіи предпосылкой культуры должна стать исторія естественная. Разумъ, мораль и религія—все должно найти свое оправданіе передъ лицомъ природы. Автономія воли и разума должны уступить мѣсто автономіи инстинктовъ и наклонностей. Наша плоть, наше естество стремится къ возрожденію. И сама внутренняя свобода, исходное начало нѣмецкаго духа, означаетъ теперь не побѣду надъ міромъ внѣшнимъ, не самодовлѣющее бытіе человѣка, а простое уподобленіе природному энергизму и титанизму. Свобода да подчинится власти, культура—безудержнымъ стремленіямъ расоваго язычества! Такъ, расовый націонализмъ сначала фальсифицировалъ идею національнаго своеобризія, пока не подвергъ опасности и идею своеобразія культурнаго. Концепція-же естественнаго міропорядка нашла здѣсь свое окончательное выраженіе.

Получается представленіе, что нѣмцы окончательно порвали съ католическими традиціями. Соціократическія

или соціалистическія стремленія не дѣйствуютъ вдохновляюще на воображеніе молодыхъ поколѣній. Національно-расовое миссіонерство, макіавеллизмъ въ духѣ Ницше, героизмъ наступленія лучше уживаются нынѣ съ общимъ строемъ воинствующаго индустріализма. Вотъ какъ молодое поколѣніе поняло современный призывъ вѣка стать въ болѣе естественныя отношенія къ вещамъ и людямъ. И всѣ, всѣ обязаны сейчасъ помочь нѣмцамъ выполнить свою международную миссію, ибо они, по мысли Трейтчке, прирожденные «учителя, повелители и обуздатели» народовъ. Нѣмецкій народъ призванъ стать «аристократіей среди народовъ» (Трейтчке, Politik). И даже Шиллеръ заповѣдалъ нѣмецкому народу (въ своемъ Nachlass'ѣ) помнить, что онъ, уже въ силу своего географическаго положенія въ Европѣ, «зерно человѣчества».

15.

Вѣра въ свое безусловное культурное и расовое превосходство, идея мировой гегемоніи сами по себѣ не въ состояніи зажечь весь народъ духомъ войны, если въ этомъ народѣ не накопился избытокъ воинствующихъ силъ и властолюбивыхъ инстинктовъ. Такъ было во Франціи великаго Бонапарта, тотъ же духовный сдвигъ, хотя въ силу своеобразныхъ мотивовъ, имѣетъ мѣсто въ Германіи современныхъ Гогенцоллерновъ. Духовно стало тѣсно. Ни религія, ни политика не сумѣли поглотить окрѣпшихъ воинственныхъ инстинктовъ, не сумѣли дать исхода героическому натиску души.

Разразилась гроза, и рветъ, и мечетъ. И въ своемъ грозномъ, наступательномъ ходѣ она раскрываетъ трагедію германскаго духа, трагедію индивидуальнаго своеобразія и объективнаго обезличенія жизни, антагонизмъ между человѣкомъ-законодателемъ и человѣкомъ-завоевателемъ, между страстью и разумомъ, между силой и правомъ, между естественнымъ и нравственнымъ міропорядкомъ. Поднимается большой вопросъ: можно ли жить человѣку, не

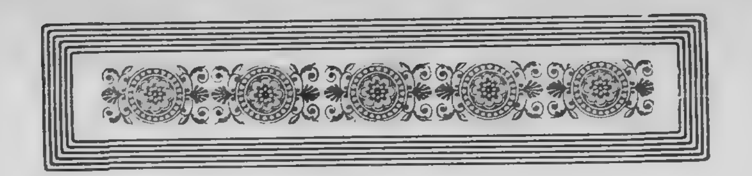
прислушиваясь къ голосу соціократіи, не считаясь и съ особыми имманентными требованіями историческаго бытія? Печально только, что эта трагедія героическаго активизма не можетъ найти успокоенія на поляхъ брани и смерти. Неистовый Роландъ не рѣшаетъ вопросовъ бытія, и онъ врядъ-ли сознаетъ всю глубину переживаемой имъ трагедіи. Но мы чувствуемъ, что это совершается мистерія протестантской, безусловно свѣтской культуры. Гдѣ-то вдали поетъ хоръ, кого-то онъ судитъ безпощадно, кому-то онъ грозитъ и призываетъ: смирись, гордый человѣкъ! Живой Богъ исторіи глаголетъ. Но мы еще не разгадали смыслъ мистеріи, не прониклись требованіями божественной комедіи. Война—это только второй актъ трагедіи-мистеріи. Третій, послѣдній совершится послѣ. И намъ страшно. А что если трагическое сотрясеніе не завершится искупленіемъ, а что если человѣкъ не пойметъ, что въ этой мировой грозѣ совершается нѣчто величавое, что превосходитъ силы природы и силы человѣка, не уразумѣетъ, что однѣ видимыя человѣческія предпосылки борьбы не предрѣшаютъ еще ея конца. И неистовый рыцарь отойдетъ въ сторону. При немъ останется несокрушимая сила его. Возрастаетъ сила у насъ всѣхъ, у всѣхъ, которые вкусили отъ страшнаго цѣлебнаго зелья войны. Но этого мало. Необходимо, чтобы сама ткань историческаго бытія подверглась обновленію.

Все же: въ рыцарѣ, надъ которымъ творится нынѣ судъ исторіи, «былъ слишкомъ силенъ духъ древнихъ сѣверныхъ богатырей—скальдовъ». Всякое идущее до конца историческое мужество уже однимъ фактомъ своего обнаруженія наполовину искупляетъ себя. Такова мораль историческаго дѣла.

Психологическій починъ войны, всего культурнаго сотрясенія принадлежитъ Германіи. Она шла въ авангардѣ нашей Европы. Отъ нея и спросится.

Камо грядеши, Германія?

ДАВИДЪ КОЙГЕНЪ.

Неиспользованныя силы земныхъ нѣдръ въ Россіи.

Война раскрыла глаза на многое. Она поставила передъ русскимъ обществомъ рядъ неотложныхъ задачъ, требующихъ энергичной работы, творческаго сознанія, стойкости и настойчивости въ достиженіи, огромной выдержки.

Въ ясномъ сознаніи исторической важности переживаемаго момента мы всѣ хотимъ побѣды. И это желаніе должно превратиться, въ дѣйствительное стремленіе, въ волю націи.

Оно ею становится, когда мы стоимъ единые и сплоченные передъ внѣшнимъ врагомъ, оставляемъ въ сторонѣ—до другого момента наши внутренніе счеты. Оно ею становится, когда дѣло арміи претворяется въ дѣло народное, когда всякій тратитъ деньги, время и мысль—свою работу и свои знанія—на облегченіе страданій, на улучшеніе условій борьбы, небывалой по силѣ и суровости, выпавшей на долю людей нашего времени. Оно ею становится когда мы переносимъ сознательную работу въ нѣдра нашей внутренней жизни, нашего быта—когда мы охватываемъ своей волей мелочи жизни въ связи съ переживаемымъ моментомъ, подымаемъ производительныя силы страны, не даемъ войнѣ разрушить источники благосостоянія, уменьшить ходъ творческой научной, художественной, всей культурной работы націи. Среди потока разрушенія и уничтоженія накопленнаго трудомъ и мыслью прошлыхъ поколѣній, когда отъ него содрогнулась не только старая Европа, но и весь міръ,—устоитъ и подымется тотъ народъ, который сумѣетъ

въ это время поднять свою производительную работу, найти новые источники силы и благосостоянія, пронести нетронутой всю ту долю творческаго строительства для будущаго, для вѣчнаго, которую всегда въ той или иной формѣ несетъ въ своей жизни великій народъ.

Россія въ этомъ отношеніи находится въ совершенно исключительномъ положеніи, благодаря рѣдко исторически совпадающимъ условіямъ численности своего населенія, его одаренности, испытанной тысячелѣтней государственностью, многогранности культуры различныхъ населяющихъ ее народностей, колоссальнымъ богатствамъ—дарамъ природы—въ томъ участкѣ земной коры, который добытъ прошлой ея исторіей, и, наконецъ, его размѣрамъ.

Эти счастливыя обстоятельства позволяютъ спокойно и съ увѣренностью смотрѣть въ будущее.

И въ то же время ихъ значеніе было далеко отъ сознанія русскаго общества. Они въ мирное время мало были использованы. Такъ, обладая огромными природными источниками силы, Россія находится въ такой экономической зависимости отъ Германіи, которая далеко выходитъ за предѣлы неизбѣжныхъ, необходимыхъ, желательныхъ, экономическихъ сношеній и экономическаго обмѣна съ сосѣдней культурной націей.

Война раскрыла глаза русскому обществу на размѣры и характеръ этой зависимости, на ея проникновеніе во весь обиходъ нашей жизни, на ея опасность для правильнаго роста нашей культуры. Едва ли можно сомнѣваться, что прежній порядокъ жизни не можетъ сохраниться послѣ войны и что должна начаться энергическая и послѣдовательная борьба за улучшеніе нашего экономическаго положенія.

Это борьба нелегкая. Она требуетъ большого знанія и и большого труда. Она тѣмъ болѣе трудна, что однимъ изъ слѣдствій нашей экономической зависимости явилось ослабленіе навыковъ и привычекъ, необходимыхъ для самостоятельной работы въ крупнѣйшихъ областяхъ техники и промышленности, продукты которыхъ доста-

влялись намъ готовыми. Другимъ ея слѣдствіемъ было подавленіе или неиспользованіе духа предпріимчивости и исканія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе общества не было достаточно обращено на окружающую насъ природу, которая является первоисточникомъ производительныхъ силъ въ странѣ. Сейчасъ, когда общественное вниманіе встрепенулось подъ вліяніемъ войны и когда требуется отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ мы располагаемъ въ своей странѣ, какіе источники богатствъ заложены на ея поповерхности и въ ея нѣдрахъ, мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ мы недостаточно это знаемъ. Мы не изучили нашу страну въ должной степени въ мирное время. Для этого не оказывалось денежныхъ средствъ, а между тѣмъ, очевидно, такія изслѣдованія не могутъ вестись иначе, какъ съ затратой денегъ—и большихъ.

Сейчасъ мы не только не знаемъ въ достаточной степени тѣхъ силъ, какія находятся въ нашемъ распоряженіи,—мы не обладаемъ и нужными организаціями для ихъ изслѣдованія и использованія. Эти организаціи также требуютъ большихъ средствъ, времени, усилій. Конечно, всѣ такія затраты являются съ государственной точки зрѣнія въ высокой степени необходимыми и производительными, онѣ въ концѣ концовъ возвращаются сторицею. Но онѣ не были въ свое время сдѣланы.

И теперь намъ приходится ихъ дѣлать сейчасъ—въ самый моментъ практическаго использованія силъ страны. Такое положеніе дѣла, конечно, имѣетъ большія неудобства, но другого выхода нѣтъ.

Эту работу мы должны сдѣлать—и сдѣлать возможно лучше. Если наши знанія о производительныхъ силахъ страны являются чрезвычайно недостаточными для ихъ разумнаго и быстраго, немедленнаго использованія въ той степени, какая необходима,—они все же достаточны для того, чтобы понять, какимъ путемъ возможно ихъ пріобрѣсти въ полномъ размѣрѣ; въ нѣкоторыхъ же частныхъ случаяхъ возможно сейчасъ же начать использованіе но-

выхъ, незатронутыхъ раньше, отраслей дѣятельности или начать расширеніе старыхъ.

Производительныя силы страны, кромѣ живого матеріала, человѣческаго труда, географическаго и политическаго ея положенія, опредѣляются цѣлымъ рядомъ условій, очевидно, связанныхъ самымъ тѣснымъ образомъ со всей жизнью государства—правильной организаціей путей сообщенія, безопасностью жизни, широкимъ развитіемъ образованія, свободой промышленной и интеллектуальной дѣятельности и т. д. Но помимо этихъ, зависящихъ отъ человѣческой воли и опредѣляемыхъ государственной жизнью условій, онѣ слагаются и изъ данныхъ, отъ человѣка не зависящихъ, представляющихъ естественные дары природы. Конечно, могутъ быть страны, богатыя естественными производительными силами, которыя ихъ не умѣютъ использовать или использовываютъ ихъ очень плохо, благодаря несовершенствамъ своей государственной организаціи, какъ, напримѣръ, Турція, и съ другой стороны есть страны, отъ природы бѣдныя, которыя использовываютъ свои силы блестящимъ образомъ, какъ напримѣръ, Норвегія. Россія въ этомъ отношеніи является страной, исключительно одаренной природой, которая только въ ничтожной мѣрѣ разумно использовываетъ выпавшія ей на долю богатства.

Естественныя производительныя силы страны слагаются по крайней мѣрѣ изъ трехъ элементовъ, различныхъ по своему характеру и даже по своему значенію: 1) изъ элементовъ силъ, связанныхъ съ произведеніями живой природы—плодородія почвы, лѣсныхъ богатствъ, запасовъ скота, продуктовъ растительности, рыбныхъ богатствъ и т. д. 2) изъ источниковъ энергіи, сейчасъ, главнымъ образомъ механической, но въ будущемъ несомнѣнно и другихъ. Такими источниками является такъ называемый бѣлый уголь—сила водопадовъ и горныхъ рѣкъ, теченія рѣкъ, сила вѣтра и т. д. Въ будущемъ сюда несомнѣнно присоединится сила и характеръ инсоляціи, сила газовъ и другія проявленія динамическихъ процессовъ на земной поверхности. Наконецъ, третью категорію производительныхъ

силъ страны составляютъ произведенія, сосредоточенныя въ подземныхъ нѣдрахъ—руды металловъ и металлоидовъ, горючіе газы, минеральные источники, нефть, каменные угли, подземныя воды и т. д.

Здѣсь я коснусь отдѣльныхъ вопросовъ, связанныхъ только съ этой послѣдней категоріей производительныхъ силъ Россіи.

Но прежде, чѣмъ перейти къ связаннымъ съ ними частнымъ вопросамъ, необходимо остановиться на вопросѣ общемъ, на томъ, что необходимо сдѣлать для того, чтобы использовать настоящимъ образомъ производительныя силы Россіи.

Очевидно, первымъ дѣломъ необходимо ихъ узнать. Въ этомъ отношеніи задача распадается на три довольно различныя формы изслѣдованія. Очевидно, во-первыхъ, необходимо произвести полный учетъ находящихся въ распоряженіи нашего народа и правительства естественныхъ силъ страны. Второй задачей является изслѣдованіе того, какъ эти силы использовываются и что надо сдѣлать для того, чтобы онѣ правильно тратились и неразумно не расточались,—ибо совершенно ясно, что учетъ, нами сдѣланный, покажетъ, что, хотя мы и имѣемъ большія богатства, но эти богатства не безконечны. И, наконецъ, третья задача заключается въ изученіи того, какъ пользоваться имѣющимися источниками силы, что можно и должно извлечь изъ нихъ.

Необходимость учета производительныхъ силъ страны, въ сущности, стоитъ передъ каждой страной, передъ каждымъ государствомъ. Такъ или иначе на имѣющихся въ этомъ отношеніи данныхъ основывается всякая здравомыслящая государственная политика. Но для нѣкоторыхъ странъ эта необходимость учета выдвигается еще болѣе настоятельно. Очевидно, небольшія страны съ ограниченной территоріей обладаютъ только нѣкоторыми изъ источниковъ силъ. Маленькая Бельгія богата каменнымъ углемъ, но лишена серьезныхъ рудъ металловъ. Швеція, обладающая богатыми запасами торфа, колоссальными міровыми залежами желѣзныхъ рудъ, лишена силъ газовъ, минераль-

ныхъ источниковъ или рудъ золота. Маленькая Швейцарія обладаетъ силой бѣлаго угля, но бѣдна углемъ чернымъ. Германія можетъ развивать свое благосостояніе и основывать свой ростъ лишь на привозѣ въ нее—не только хлѣбныхъ запасовъ, но и металлическихъ рудъ. Въ такихъ странахъ учетъ производительныхъ силъ необходимъ, но онъ не можетъ сильно вліять на характеръ государственной политики, онъ рѣдко можетъ дать указаніе на новые, неожиданные источники силы и не можетъ вызвать рѣзкаго измѣненія во внѣшнемъ положеніи страны. Хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и здѣсь это наблюдалось. Такъ, напримѣръ, сейчасъ Германія имѣетъ монополію добычи соединеній калія (сильвина, каинита, карналлита и др.), могущественныхъ удобрителей почвы. Эта промышленность создана за послѣднія 10—15 лѣтъ, превосходно организована и вызвана къ жизни научнымъ изслѣдованіемъ—геологическимъ, минералогическимъ и химическимъ—соляныхъ залежей Германіи, ихъ учетомъ.

Но если такой учетъ можетъ имѣть большое государственное значеніе даже въ странахъ съ небольшой территоріей,—онъ пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ странѣ съ территоріей обширной, разнообразной по своимъ физико-географическимъ и геологическимъ условіямъ. Здѣсь онъ можетъ, напримѣръ, выяснить, что въ предѣлахъ даннаго государства будутъ находиться всѣ главные источники силы, какіе необходимы для широкаго развитія всѣхъ отраслей промышленности и торговли. Онъ можетъ выяснить и другое,—что въ предѣлахъ даннаго государства находятся источники производительныхъ силъ, имѣющіе міровое значеніе, безъ которыхъ не могутъ обходиться другія государства, то-есть, онъ можетъ, напримѣръ, выяснить для разныхъ тѣлъ то, что сейчасъ имѣетъ мѣсто по отношенію къ калію, значительные запасы котораго въ удобной для использованія формѣ сосредоточены только въ Германіи (которая превосходно—и государственно правильно—извлекла всѣ выгоды изъ такого положенія), или по отношенію къ платинѣ и къ платиновымъ металламъ, пода-

давляющее количество которыхъ извлекается только у насъ въ Россіи (при чемъ мы очутились въ траги-комическомъ положеніи—въ полной зависимости отъ Англіи, Франціи и Германіи).

Несомнѣнно ясно, какія слѣдствія разумная государственная политика можетъ извлечь изъ такихъ выводовъ учета производительныхъ силъ страны. Въ положеніи территоріально большихъ странъ изъ культурныхъ государствъ находятся Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Россійская имперія и два государства съ широкой и разнообразной колоніальной системой—Великобританія и Франція. Конечно, учетъ стоитъ на первомъ мѣстѣ для странъ, являющихъ изъ себя единое цѣлое, ибо для нихъ далеко не такъ ясенъ результатъ учета, ибо на первый разъ естественныя условія представляются менѣе разнообразными, чѣмъ для колоніальныхъ государствъ. Но въ частности, по отношенію къ силамъ нѣдръ, это можетъ быть только кажущимся. По отношенію къ Россіи мы, дѣйствительно наблюдаемъ чрезвычайно счастливыя обстоятельства. Охватывая по территоріи, въ сплошномъ кускѣ, чуть не одну шестую часть земной суши, наше государство въ то же время распространилось въ участкѣ земной коры геологически чрезвычайно разнообразномъ, слагающемся изъ самыхъ различныхъ по возрасту (а слѣдовательно, и по химическимъ реакціямъ и минераламъ) частей суши, начиная отъ сѣдой древности области Фенноскандіи или шита Иркутскаго амфитеатра и заканчивая новѣйшими проявленіями альпійскихъ дислокацій и послѣднихъ большихъ перемѣщеній моря и суши. Геологическія условія строенія нашей страны—при ея большихъ размѣрахъ—заставляютъ насъ думать, что мы получимъ—при учетѣ ея производительныхъ силъ—положительный отвѣтъ на оба вопроса: вѣроятно, окажется, что мы въ предѣлахъ нашей страны обладаемъ всѣми главнѣйшими проявленіями производительныхъ силъ земныхъ нѣдръ и въ томъ числѣ среди нихъ окажутся такія, которыя имѣютъ міровое значеніе.

Но такой учетъ не сдѣланъ до сихъ поръ, и мы пока можемъ только высказать гипотезы, имѣющія научныя обоснованія.

Въ другомъ большомъ государствѣ, съ нами сравнимомъ, въ великой заморской федераціи такой учетъ былъ начатъ въ нашемъ столѣтіи. Онъ сейчасъ энергично продолжается, уже далъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ, научно и практически важныхъ данныхъ и вызываетъ своеобразную новую форму организацій, создающую въ Вашингтонѣ никогда ранѣе не существовавшій въ человѣчествѣ центръ изслѣдовательской работы. Такой учетъ требовалъ и требуетъ огромной затраты денегъ и труда, но онъ въ значительной мѣрѣ уже окупилъ себя и окупаетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ развитія работы,—ибо, благодаря ему, вызваны къ жизни новыя формы промышленности, перенесены въ предѣлы страны тѣ, которыя раньше были внѣ достиженія государственныхъ силъ американской республики. Передъ тѣми средствами, какія тратятся на эту работу въ Америкѣ, блѣднѣютъ наши затраты. Несомнѣнно, тамъ соотвѣтственно получаются и другіе результаты.

А, между тѣмъ, напрасно было бы думать, что эти затраты могутъ быть дѣлаемы въ Соединенныхъ Штатахъ только потому, что они сейчасъ богаче насъ: въ очень многихъ отросляхъ жизни наши затраты гораздо больше ихъ затратъ. Если бы на работу научнаго учета производительныхъ силъ Россіи тратилась небольшая часть той суммы, какая ежегодно клалась на развитіе винной монополіи,—мы бы имѣли сейчасъ такой учетъ производительныхъ силъ, который былъ бы сравнимъ съ тѣмъ, что знаетъ американскій гражданинъ и американскій государственный дѣятель о силахъ своей страны. И, конечно, эти затраты окупились бы не менѣе, чѣмъ онѣ окупились въ Америкѣ,—ибо, повидимому, производительныя силы нашей страны больше производительныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Конечно, всѣ такія положенія очень относительны и должны быть дѣлаемы съ большой осторожностью, особенно при состояніи знаній объ есте-

ственныхъ силахъ Россіи,—но я не могу избавиться отъ впечатлѣнія, что къ этому приводитъ меня многолѣтнее внимательное и критическое изученіе минералогіи Россіи.

Учетъ, произведенный и производящійся въ Соединенныхъ Штатахъ, поставилъ на очередь и другой вопросъ, не менѣе важный, чѣмъ выясненіе количества и качества природныхъ силъ государства. Это—вопросъ о такъ называемыхъ «рудныхъ растратахъ»—mincral wastes. Изслѣдованіе рудныхъ запасовъ Соединенныхъ Штатовъ показало не только ихъ обширность, но и ихъ ограниченность; оно указало и на то, что при добычѣ этихъ рудъ огромная ихъ часть пропадаетъ безслѣдно. Милліарды тоннъ каменнаго и битуминознаго угля безнадежно погибли во время ихъ добычи въ Соединенныхъ Штатахъ (по Гольмсу, по крайней мѣрѣ, 5 милліардовъ тоннъ), при добычѣ цинка обычно пропадаетъ (навсегда) на мѣстѣ 50 проц. руды (по Парсонсу), по Ванъ-Гайзу отъ 15 до 20 процентовъ свинца теряется при добычѣ его на мѣстѣ, 15 проц. при концентраціи рудъ, 15—20 проц. при плавленіи и только 55—45 проц. природнаго его запаса переходитъ изъ добываемой руды въ тотъ свинецъ или свинцовые препараты, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ жизни. Несомнѣнно, извѣстный процентъ такой пропажи неизбѣженъ,—но то, что наблюдается въ дѣйствительности, превышаетъ допустимое. Мы живемъ на счетъ не только отдаленнаго потомства, но и ближайшихъ поколѣній. Здѣсь необходима не только законодательная регуляція, но въ гораздо большей степени изслѣдовательная творческая работа для нахожденія новыхъ пріемовъ разработки и обработки, и она началась сейчасъ въ Америкѣ въ государственныхъ институтахъ и лабораторіяхъ. У насъ въ этой области ничего не сдѣлано,—мы живемъ, не считая и не заботясь о завтрашнемъ днѣ. А между тѣмъ такая забота не только имѣетъ реальное значеніе охраны національнаго достоянія, не принадлежащаго только нашему поколѣнію,—она имѣетъ огромное психологическое значеніе, такъ какъ ставитъ передъ мыслью новыя задачи для рѣшенія, создаетъ привычки внимател-

наго отношенія къ объектамъ природы. А всякій изъ насъ, обращающійся къ вѣчно измѣнчивой и непроницаемо-глубокой природѣ, знаетъ, какимъ неизсякаемымъ источникомъ силы и творчества она является! Уже по одному этому анкета положенія нашего руднаго дѣла съ этой точки зрѣнія—въ связи съ учетомъ запаса производительныхъ силъ земныхъ нѣдръ—является неотложнымъ дѣломъ, и оба они должны идти вмѣстѣ нераздѣльно.

Такая анкета невозможна безъ научнаго обслѣдованія въ лабораторіяхъ и институтахъ. Но безъ этого невозможно и вообще выясненіе производительныхъ силъ страны. Ни разспросами, ни объѣздами, ни изслѣдованіями въ полѣ и на мѣстѣ, — одними ими эти вопросы рѣшены быть не могутъ. Для ихъ рѣшенія мало знаній горнаго искусства и геологіи,—необходимо широкое примѣненіе минералогіи, химіи, физики. Оно необходимо уже для того, чтобы выяснить, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ какимъ продуктомъ, съ его свойствами; еще болѣе оно является неизбѣжнымъ, когда приходится рѣшать вопросъ о томъ, что можно извлечь изъ природнаго продукта.

Вся исторія техники показываетъ намъ, какъ постепенно человѣкъ научился видѣть источникъ силъ въ природныхъ предметахъ, казавшихся ему мертвыми, инертными, ненужными. Мы далеки отъ конца этихъ исканій, находимся только въ ихъ началѣ и мы должны подходить къ нимъ планомѣрно во всеоружіи нашихъ научныхъ знаній и необходимыхъ для ихъ использованія средствъ.

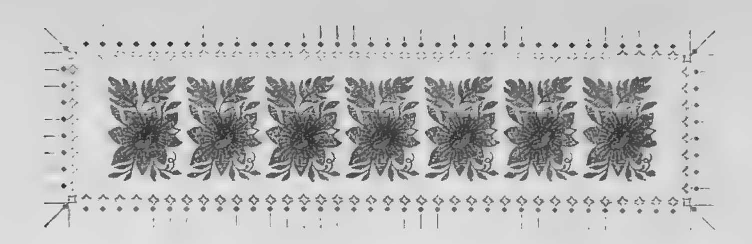
Средства эти даются изслѣдовательскими лабораторіями и институтами. Ихъ у насъ почти нѣтъ. У насъ въ распоряженіи не имѣется ни одной современнымъ образомъ обставленной государственной лабораторіи, изслѣдовательскіе институты только-что зарождаются. Ломоносовскій институтъ академіи наукъ (по химіи, физикѣ и минералогіи) находится только въ проектѣ: проектъ закона о постройкѣ необходимаго зданія только-что внесенъ въ Государственную Думу правительствомъ передъ самой войной. Дѣйствующихъ институтовъ нѣтъ.

Все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, было сдѣлано почти помимо государственной поддержки, свободной волей русскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ, преподавателей русской высшей школы. А мы знаемъ, въ какія условія поставлена у насъ, особенно въ послѣдніе годы, жизнь и дѣятельность русскихъ профессоровъ, насколько эти условія благопріятны для спокойной работы.

Сейчасъ, одновременно съ возможнымъ созданіемъ новыхъ промышленныхъ предпріятій и новыхъ практическихъ дѣлъ, должна быть организована государствомъ анкета о производительныхъ силахъ Россійской Имперіи и одновременно созданы государственные, хорошо обставленные, изслѣдовательскіе институты и лабораторіи, необходимые какъ для учета, такъ и для изслѣдованія продуктовъ земныхъ нѣдръ. Въ этомъ государство должно первымъ дѣломъ придти на помощь поднявшемуся въ русскомъ обществѣ духу промышленной инниціативы, производительнаго творчества и исканія. Безъ этого всѣ остальныя—столь же необходимыя—проявленія государственной и общественной дѣятельности окажутся недостаточными.

В. И. ВЕРНАДСКІЙ.

Письмо рядового.

Пишу въ окопѣ.

Въ этомъ мѣстѣ нѣмцы очень близко отъ насъ,— шагахъ въ 150—160 м. — и благодаря такому близкому сосѣдству, число выбывающихъ изъ строя людей у насъ нѣсколько больше, чѣмъ всегда.

Почти каждые полчаса «по цѣпи» передаютъ о раненіи или смерти какого-нибудь солдата.

Стоитъ лишь неосторожно повернуться, высунуться больше, чѣмъ слѣдуетъ, чтобы моментально быть подстрѣлляннымъ.

Къ счастью, большинство лишь ранены. Убитыхъ незначительный процентъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Впереди, у проволочныхъ загражденій трупы.

Въ каскахъ.

Письмо рядового.

Это послѣ вчерашней атаки.

Они шли съ такою удивительною развязностью.

Во весь ростъ. Винтовка подъ мышкой. Руки въ карманахъ.

Словно прогуливались по . . . . . . , и теперь лежатъ тамъ, наполовину занесенные выпавшимъ ночью снѣгомъ.

Невеселая картина.

Но, несмтря на обиліе мертвецовъ, своимъ видомъ ежеминутно напоминающихъ о бренности земного существованія и о грозящей всѣмъ смертельной опасности, настроеніе у нашихъ солдатиковъ все же весьма далеко отъ унынія.

Они развлекаются, какъ умѣютъ.

Такъ, вправо отъ насъ, гдѣ разстояніе между нашими и нѣмецкими окопами еще меньше (45—50 шаговъ) одинъ предпріимчивый стрѣлокъ затѣялъ даже переписку съ нѣмцами и пользовался пустыми банками отъ мясныхъ консервовъ.

Наполнивъ такую банку снѣгомъ и вложивъ въ нее записку, онъ съ поразительной мѣткостью бросалъ ее въ непріятельскій окопъ.

Черезъ нѣсколько времени, обыкновенно, получался отвѣтъ.

Къ сожалѣнію, эта «воздушная почта» функціонировала весьма недолго.

Подѣлившись съ нѣмцами злободневной новостью о взятіи Перемышля, изобрѣтательный солдатъ сразу перешелъ къ болѣе легкомысленнымъ темамъ и кончилъ тѣмъ, что послалъ въ банкѣ явно оскорбительную для противника записку.

Разсвирѣпѣвшій нѣмецкій корреспондентъ, разумѣется, не остался въ долгу, и вмѣсто всякаго отвѣта, запустилъ къ намъ въ окопы одну за другой семь ручныхъ бомбъ.

Послѣ этого переписка не возобновлялась.

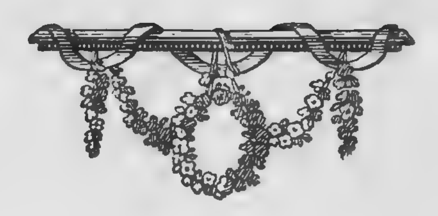
. . . .

Вотъ пока я писалъ это, еще одинъ раненъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

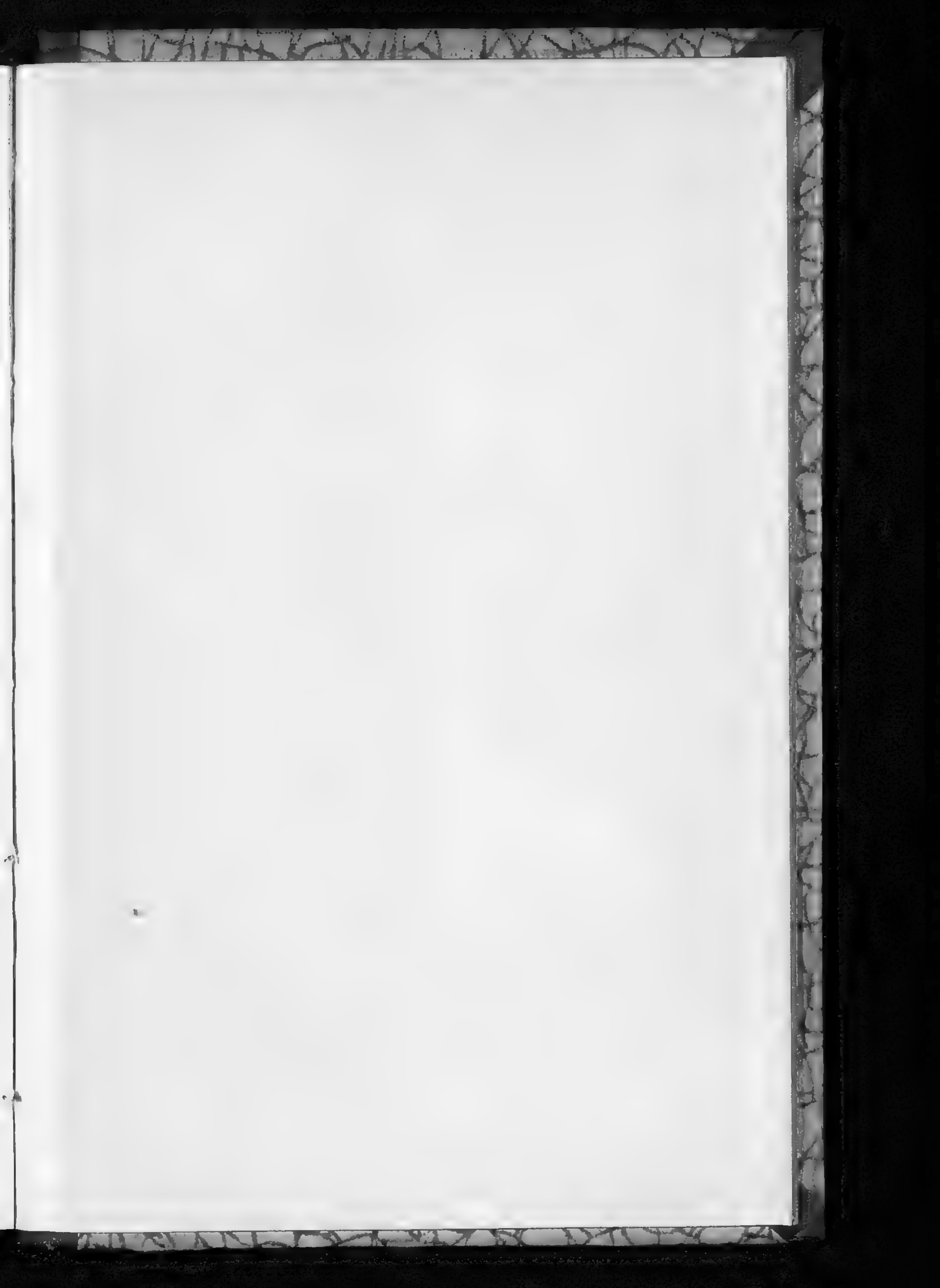
Гдѣ-то влѣво стучитъ пулеметъ.
Тоскливо въ окопѣ...

ВЛАД. ДАВЫДОВИЧЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Обложка художника С. Грузенберга.

А 2 РУБ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО бывш. М. В. ПОПОВА.
ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ ПРОСП., 66.

